

Д

Диана Хант

ОЧЬ ДРАКОНА

Annotation

Разве ожидала я, обычная студентка, привычная к повышенному вниманию мужского пола, что в мою жизнь ворвутся сразу два чертовски обаятельных индивида? Причем настолько обаятельных, что даже я теряю рядом с ними волю. И не просто ворвутся, а потребуют моего возвращения в некий волшебный мир, в котором я мало того, что принцесса, еще и дочь дракона...

- [Диана Хант](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Диана Хант
Дочь дракона
Книга первая

Глава 1

— Таса-сан, не спи, замерзнес!

Я ушла от подсечки, перевернулась в воздухе и сделала выпад.

Место, где только что стоял мастер Горо, оказалось почему-то пустым.

Мягкий удар по затылку и сильный — в болевую точку на плече. Скорчившись от боли, перекатилась по матам, в надежде, что коварный японец не достанет.

Мастер Горо легко перепрыгнул через меня и со снисходительной

улыбочкой ждал, когда встану на ноги. Благодушно-обманчивое выражение лица бесит больше всего.

— Белоснежка сегодня не в форме, — раздался издевательский выкрик из-за веревочного ограждения и тут же обидно загоготали.

— Ну, Попов, нарвался, — вырвалось сквозь зубы, прежде, чем одним прыжком вскочила на ноги.

Атакую с шумным выдохом. В последний момент мастер Горо выныривает из-под ноги, и, схватив за нее, чертит мной дугу в воздухе.

Перед глазами успевает пронестись небо в высоком окне, стоя перепуганных грачей, а также

лица студентов в кимоно, ожидающих своей очереди к мастеру Горо.

Гулкий удар о маты. Не успела сгруппироваться и больно ударилась всем корпусом. Из груди вырвался стон. Видимо, на пару секунд потеряла сознание, потому что пришла в себя от резкой боли в плече.

Оказывается, мастер Горо прыгнул сверху и вывернул руку. Свободной рукой он сунул мне под нос старинный секундомер с замершей стрелкой и объявил на весь зал:

— Тватцать тве секунды. Харасо, Таса-сан, отень харасо. Но тебе

нужно утится сдерживать свою ярость. Пока она враствует над тобой, враствует и противник.

— Как будто вы бы без ярости меня не уделали, сэнсэй, — пробурчала я и вскрикнула, когда японец на сантиметр сдвинул вывернутую руку. Сообразив, где допустила оплошность, поспешила исправиться: — Спасибо за науку, сэнсэй!

Руку отпустили и я, перекатившись на спину, вскочила на ноги.

Мастер Горо, который также успел подняться, ответил на мой церемонный поклон и тут же утратил ко мне интерес.

Перемахнув через веревочное ограждение, я, поморщилась от жидких аплодисментов, устремилась в сторону раздевалки.

— Ну, Попов-сан, мозет вы покажете, сыто горазды не торько ком-мен-ти-рывать барысень? — раздалось сзади.

Однокашники встретили слова сэнсэя гулким хохотом. Я поморщилась: умеет японец унижить двоих одной фразой. Попова высмеял за то, что подтрунивал надо мной и отвлекал от боя, а меня, студентку третьего курса военной академии имени Александра Васильевича Колчака, при всех назвал «барышней».

Мастер Горо, что в переводе с японского означает пятый сын, появился в нашей академии не так давно, середине учебного года. Мастер спорта по джиу-джитсу, или дзюдзюцу, он с самого начала прославился как непревзойденный боец и просто крутой препод по восточным единоборствам. На факультатив к нему подало заявок пол академии, и японец лично проводил кастинг желающих. Кастинг больше напоминал избивание младенцев.

Японец поставил условие: берет в свою группу тех, кто простоит против него семь секунд. Семь. Я простояла восемь и оказалась в

числе счастливицков.

Помимо основных занятий по искусству рукопашного боя (которые на нашем третьем курсе поручили вести мастеру Горо), я, с самого Нового Года, исправно посещала факультатив. В конце почти каждой тренировки (если не было сильно покалеченных, а такое тоже случалось, и не сказать, чтобы редко) японец давал мастер-класс, или вот такой показательный спарринг, который я жестко продула.

А виной всему мерзавец Попов, который вчера бросил мою подругу, а сегодня имел наглость зубоскалить надо мной. Вся академия знает — ненавижу свое прозвище! Правда, к

чести Попова надо признаться, это мало кого останавливает.

— Сэнсэй сегодня в ударе, — пробурчала под нос, потирая ушибленное плечо и прихрамывая.

Сзади раздался сдавленный стон Попова и я мстительно захихикала.

— Сейчас тебе мало не покажется, — вырвалось у меня.

Так, злорадствуя и прихрамывая, я прошла в раздевалку и закрыла за собой дверь.

Мягкое, пропитанное потом кимоно, с наслаждением стянула и завернула в пакет, чтобы по прибытию в общежитие сразу сунуть в стиралку. Волосы высвободила из тугого пучка, надев черную резинку

на руку, и они тяжелой волной заструились по спине.

Из перевернувшегося рюкзака выпала мобилка, жалобно тренькнув. Подхватив телефон, который каким-то странным образом разблокировался, хотела засунуть его обратно в рюкзак, но увидев пухлощекую мордашку на заставке, не смогла не умилиться.

У братишки светлые кудри, обрамляют голову одуванчиком и очаровательные ямочки на щеках. Каким-то чудом он умудрился лишиться сразу всех верхних зубов, и щербатая улыбка придает Кирюшке какой-то особо озорной и умилительный вид. Братику пять лет,

он похож на щербатого ангелочка, а из-за копны кудряшек мы прозвали его Пушкиным.

С трудом оторвавшись от рожицы братика, выключила телефон и положила его обратно в рюкзак.

Замотавшись в полотенце, сунула ноги в шлепанцы и прошла в душ.

В лицо ударил горячий пар. Вместе со звуком падающей воды ухо уловило сдавленные стоны. Покраснев, я замерла. Так и есть...

В одной из душевых кабинок двое. Я четко слышала ритмичные удары и дребезжание прозрачного пластика в такт.

Стоны прервались и раздалось

хриплое:

— Возьми, возьми в ротик, детка, я уже почти.

Сдавленное хихиканье, а затем чья-то голая, скажем, спина проскользила по двери кабинки вниз.

— Да, детка, да, о боги мои, да, ну у тебя и ротик, — донеслось сквозь гул воды и я залилась краской до ушей.

Все произошло так неожиданно, что я не успела сообразить, что делать.

Шагнув назад, я нащупала пальцами ручку и вцепилась в нее, как в спасательный круг. Вздрогнула, когда она повернулась прямо под моими пальцами и раздался звук

защелкиваемого замка.

Я пискнуть не успела, как оказалась запертой в душевом отделении с парочкой, которая презрев все нормы морали и этики, а также строгий военный устав, предается плотским утехам.

Из душевой есть еще один выход: в бассейн. Но чтобы пройти туда, мне нужно миновать кабинку, которую облюбовал кто-то из студентов. Хоть они и поставили меня в откровенно идиотское положение своей возней, обнаруживать себя не хотелось. Ведь за нарушение устава ребята вылетят из академии, как на тренировке у мастера Горо, вздохнуть не успеют.

Видимо, поздняя весна и последний экзамен, благополучно сданный вчера, вскружил кому-то голову...

Итак, обратно я идти не могу, некий доброжелатель закрыл дверь... И оставаться на месте тоже, парочка вот-вот покинет кабинку. Стоило двери скрипнуть, как я молнией метнулась в соседнюю и закрыла за собой дверцу.

— Кто здесь? — раздался испуганный женский голос, в котором узнала Соньку Усольцеву.

— Никого еще быть не должно, — ответил мужской голос. — Давай, детка, в раздевалку, пока у японца тренировка не закончилась.

— Тут закрыто!

Парень коротко выругался, но отчего-то показалось, что возмущение не очень искреннее.

— Детка, не зря сказал тебе захватить купальник, давай, быренько надевай и двигай через бассейн! Я сосчитаю до пятидесяти и следом за тобой, чтобы нас вместе не попалили.

Раздались звуки возни, шлепок. Глупо хихикнув напоследок, Сонька прошлепала к той двери, что ведет в бассейн.

Я выдохнула. Теперь дожидаться, когда таким же способом свалит обладатель низкого мелодичного голоса, и можно приступать к

водным процедурам. А там, глядишь, и дверь в раздевалку, которую кто-то по ошибке защелкнул, откроют...

Стоило двери, что ведет в бассейн, хлопнуть, я затаила дыхание.

В обладателе голоса я узнала Славика Гадаева, дружка Попова. Точнее, это Попов дружок Гадаева, правильнее сказать, прихвостень.

Не далее, чем вчера я в очередной раз отвергла домогательства Гадаева. В грубой, даже очень грубой форме.

Потирая ушибленную челюсть, Гадаев пообещал, что, мол, скоро встретимся и поговорим иначе, на что я многообещающе рассмеялась и

издевательски протянула, что если ему мало, могу повторить прямо сейчас, зачем же ждать новой встречи. Гадаев сузил глаза, гаденько ухмыляясь и сообщил, что есть блюда, которые принято подавать холодными. Я же сказала, что если он месть имеет ввиду, то могу обеспечить вывих челюсти, если приблизится еще на шаг, путь стынет дольше...

Но вчера Гадаев подловил меня в опустевшей аудитории после экзамена. Ввиду раскрытого окна и раскатистого дуба на уровне второго этажа, я чувствовала себя более уверенно, чем сейчас, когда оказалась запертой со своим врагом в

душевой.

Надо отметить, что Гадаев и Усольцева идеально подобрали время для свидания: тренировки мастера Горо обычно сопровождаются аншлагом от начала и до конца. Я же ухромала пораньше, потому что у меня еще один факультатив, по стрельбе из лука...

Из размышлений вытянул звук шагов.

Затаила дыхание и взмолилась про себя, чтобы поскорей уже Гадаев отсчитывал и уматывал вслед за Усольцевой.

Дверца в кабинку с треском распахнулась.

— Ну что, недотрога

Белоснежка, допрыгалась? А я предупреждал, что скоро увидимся и поговорим. Но уже на моих условиях.

Гадаев стоял абсолютно голый, играя мускулами на груди. Кубики пресса не успели высохнуть.

Я сглотнула, когда из-за поворота вышли Попов с Ушловым. На лицах отвратительные ухмылки. Взгляды так и раздевают, то есть оставляют без полотенца...

Сердце ухнуло в пятки, когда поняла, что это с самого начала был их план... И подколки Попова во время тренировки, и дебильный смех Ушлова, и даже перепихон Гадаева с этой дурочкой Усольцевой в кабинке перед моим приходом...

Дело в том, что с этой троицей меня связывают не самые приятные воспоминания.

Этим девушки просто не отказывают.

Боятся.

А я отказала. На свою беду. Всем троим.

В грубой, очень грубой форме.

— Я всем расскажу, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала я. — Вылетите отсюда, как сопли в платочек. И долетите до колонии строгого режима. Будете там любовничками.

К моему ужасу, троица переглянулась и нагло заржала.

— Не посмеешь. Ты ведь

дорожишь своей репутацией, как и своей невинностью. Тебя ведь даже ни с кем целующейся не заметили! — нарочито растягивая слова, произнес Гадаев.

— За поцелуй Белоснежки стандартная такса — хук в челюсть, — отвратительно улыбаясь, сообщил Ушлов. При этом двухметровый громила потер вышеупомянутую челюсть, как будто не зажила за два месяца!

Гадаев же продолжал:

— А весть о том, что Белоснежка лишилась невинности в душевой...

— Что ее пустили по кругу, — поддакнул Попов.

— Не самое то, что нужно для военной репутации, детка, — окончил Гадаев. — Ну? Сама выйдешь? Или помочь? Смотри, нам спешить некуда. У твоего сэнсея сегодня аншлаг.

Я вжалась в стену и зажмурилась на миг.

Когда подавала документы в военную академию, мама впервые поговорила со мной, что называется, «об этом самом».

— Помни, дочка, — сказала она. — Нет одному — нет никому. А можно кому-то — можно всем. Но если вдруг, не дай небо, попадешь в беду, помни: под угрозой не только твоя честь и репутация. Под угрозой

твоя истинная природа. Поэтому бейся насмерть. Чтобы если они окажутся сильнее — врагам досталось лишь твое бездыханное тело.

И я приготовилась биться.

— Попробуй, достань, — издевательски протянула я Гадаеву, группируясь.

Тот сам не сунулся, видимо, сказалась память о вчерашнем уроке. Попову скомандовал. Тот ринулся на меня.

В последний момент я подпрыгнула, и, оперевшись руками в стенки кабинки, ударила ногами, сразу в лицо и в живот.

Согнувшись, Попов отскочил и с

трудом устоял на ногах.

А с меня соскочило полотенце. Лица у всех троих, даже у временно обезвреженного Попова, вытянулись.

На этот раз к душевой кабинке шагнули двое.

Я дралась, царапалась, кусалась, как дикая кошка, но громила Ушлов банально взял своим весом. Меня сначала придавили к стене, затем, скрутив руки, выволокли наружу и опустили на колени перед Гадаевым.

Сзади потянули за волосы, приподнимая голову.

— Ну же, детка, — протянул Гадаев. — Я первый. Ты знаешь, что делать.

Я рванулась, но держали крепко.

При этом потянули назад за волосы, запрокидывая голову, отчего из горла вырвался хрип.

Попов, который стоит сбоку, размахнулся для удара.

— Не надо, — осадил дружка Гадаев, все так же отвратительно растягивая слова. — Белоснежка поняла, что проиграла. Она все сделает, как миленькая, правда?

— Не надо, — повторила я. — Я все сделаю. Только не бейте.

Я очень надеялась, что голос не выдаст ярости, что клокочущие нотки в нем примут за страх.

— Давай без глупостей, — сказал Гадаев и сделал знак Ушлову, чтобы отпустил волосы.

Голова мотнулась вперед, чуть не уткнувшись в пах Гадаева.

Я всхлипнула, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в моей капитуляции, а потом что есть силы ударила лбом.

Выругавшись, Гадаев согнулся, а Ушлов, видимо от неожиданности, выпустил руки. Это позволило мне перекатиться по полу, и, развернувшись, как пружина, ударить обеими ногами: Гадаева и Ушлова. Попова атаковала тут же, пока не успел опомниться.

Мир сузился до череды ударов, перекачиваний по гладкому кафелю, проклятий, уворачиваний. Пока билась, понимала, что рано или

поздно меня достанут. Вырвавшаяся наружу злость напополам с первобытным страхом позволяла уходить из-под ударов в последний момент, бить в болевые точки без промаха.

Но один удар я пропустила, и, охнув, отлетела к двери в душевую, к той, что ведет в женскую раздевалку, к той самой, что оказалась так не вовремя закрытой.

Дверь за моей спиной распахнулась. На пороге стоял мастер Горо.

Оглядев меня и трех студентов, условно мужского пола, двоих, растянувшихся на кафеле и одного на ногах, беглым взглядом, сэнсэй

сказал:

— Брестясе, Таса-сан. Брестясе. А теперь, будьте добры, оставьте нас с господами студентами одних. Нам есть о тем побеседовать. На японском.

На лицах всех троих проступил ужас, а у меня, должно быть, от ударов, помутилось в голове, потому что вместо благодарности сэнсэю я ляпнула, поднимаясь:

— А нельзя преподать урок японского где-то в другом месте? Здесь женская душевая как-никак, и я помыться не успела...

Японец церемонно поклонился, словно не замечая моей обнаженной натуры.

— Конесьюно, Тася-сан, васе само-об-радание делает вам тесть.

Обернувшись к трем бугаям он церемонно поклонился и им:

— Изворьте пройти через раздеварку дря барысень в тренировоцьный зар. Там и побеседуем.

По лицам троицы и тому, как быстро поспешили они выполнить приказ сэнсэя было понятно, что в их головы даже не придет мысль ослушаться.

Пропустив их перед собой, японец оглянулся и спросил меня таким тоном, как если бы мы беседовали на лужайке в лесу.

— Документы есе не приеззари?

— Что? — переспросила я, помотав головой, думая, что ослышалась.

— Знатит, не приезжари, — протянул японец, кивая словно своим мыслям. А потом загадочно добавил: — В Арьма-матер воспитывают настоящих драконов.

Я снова помотала головой, подозревая, что мне по ней ударили слишком сильно.

Невольно я проследовала за сэнсэем до двери, по-прежнему мотая головой, как щенок, который вылез из воды. И лишь в дверях замерла. На моих глазах дверь в тренировочный зал захлопнулась за мастером Горо и в тот же миг зал

потряс громогласный вопль.

— Да ладно, — буркнула я. — Нет там ничего такого у Гадаева, отчего так вопить... Хотя оно, конечно, сама ситуация, с голым пятикурсником и двумя придурками в мокрых штанах...

Тут же возникла тишина, должно быть, мастер Горо поднял руку.

Раздался его спокойный голос.

— Эта тройца напара на барысьню, васу сокурсницу, прямо в месте уединения. С ними в спаринге студентка насей академии продерзарась сорок четыре секунды, в два раза дорьсе, тем сегодня со мной. Презьде тем сообщить о

преступлении куда порозено, я бы хотел предоставить провинившихся вам, господа студенты, на товарищеский суд.

Я снова помотала головой и юркнула в душевую.

Когда горячие струи ударили в лицо, блаженно вздохнула.

— Надо поспешить, — пробормотала я себе под нос. — Девчонки скоро прибегут за подробностями, а я на стрельбу из лука опоздаю. Но о каких документах и о какой Альма-матер, где воспитывают настоящих драконов, говорил сэнсэй?

Глава 2

Тетива еще звенела над ухом, а стрела уже впиалась в центр мишени. Парень, что метил в соседнюю мишень, не спешил натягивать тетиву, наблюдая за моей стрельбой. Когда снова попала, одобрительно присвистнул.

Препод, которого студиязусы прозвали Робин Гуд, похлопал по плечу, когда вешала на место лук и снимала защитные очки.

— Молоток, Саша, — сказал он. — Десять из десяти! Не скажу тебе, сколько выиграл, не этично это,

со студентками о деньгах...
противоестественно.

— А пари заключать со студентами можно? — возмутилась я.

— Не со студентками же, — сказал препод, подмигивая. — Ты прямо собралась как-то. Порадовала сегодня. Выспалась, что ли? Думал, в честь последнего экзамена, как приличная студентка, загуляешь.

Я пожала плечами, отлично понимая, что препод шутит. К неуставному поведению студентов Робин Гуд, как и остальные, относится, мягко говоря, жестко. Знал бы Андрей Сергеевич, что со мной час назад произошло... Сама

удивляюсь, как рука не дрогнула. Но слухи о моем незыблемом спокойствии скоро разлетятся. Что на руку. Все-таки мастер Горо сделал максимум, чтобы защитить мою репутацию, но все же хорошо, что меня в таком благодушном состоянии многие сегодня видели. Потому как девица, побывавшая наедине с тремя амбалами в душевой, пусть и всего сорок четыре секунды, могла все же многое успеть в фантазиях окружающих.

Предстояло вернуться на территорию академии — этот корпус стоит обособленно, чтобы сюда ездить, мне выдали специальный пропуск. А иначе зачем нам с

Ариэлькой посещать целых три лишних факультатива, в том числе и стрельбу из лука? Правда, на эту тренировку подруга не приехала. И я догадываюсь, почему...

Хлопнув дверью, я покинула корпус и устремила к автобусной остановке.

Ветер взъерошил волосы. Хотела их убрать в привычный пучок, но резинки на руке не оказалось, хотя точно помню, что надевала ее на запястье.

— Потеряла, — пробормотала под нос. — Или порвалась, пока с этими дебилами сцепилась...

Женщина с маленькой собачкой с выпученными глазами

неодобрительно покачала головой, сетуя то ли на мою привычку говорить вслух, то ли на поведение... А может и на медицинский термин, который принято считать ругательством. А ведь в том, что назвала дебилов дебилами точно нет моей вины. Характер у меня прямой, вещи называю своими именами.

Пожала плечами на недовольное лицо дамы и откинула волосы назад, поскольку ветер, похоже, вознамерился спрятать от меня приближение автобуса. Весна в этом году была поздняя, даже слишком, вот и лето припозднилось. Поверх водолазок народ натянул куртки, а некоторые еще и шарфами укутались.

Я перебежала улицу на последние мигания зеленого, потому что ненавижу ждать, перетаптываясь с ноги на ногу и скользнула взглядом по своему отражению в витрине.

Среднего роста хрупкая фигурка с чересчур, на мой взгляд, женственными формами. По случаю сдачи последнего экзамена на мне не форма, а «гражданка». Узкие джинсы, белые кроссы, из-под коротенькой курточки выглядывает зеленая водолазка. Тяжелые темно-каштановые потоки волос накрывают плечи.

Итак, зовут меня Александра, то есть так записано в паспорте, полным именем обращаются только

преподы на экзаменах, хотя и от них чаще слышу Саша или Таша. А за белую, как мрамор, кожу и темные волосы и вовсе со школы зовут Белоснежкой, что несказанно бесит.

Фамилия у меня более примечательная, чем имя. Кинриу, с ударением на последний слог. Сама не так давно узнала, что в переводе с японского это означает Золотой Дракон. Больше ничего японского во мне нет, кроме разве что страсти к восточным единоборствам и японской живописи.

Учусь я в военной академии имени Колчака, не далее как вчера с отличием закончила третий курс.

Не дойдя до остановки, я

застыла, как вкопанная. Столб объявлений опоясывает яркая афиша с тремя драконами, причем в японском стиле. А я говорила, что в щенячем восторге от таких росписей, и от дракончиков особенно...

Багровый, в языках пламени, напротив него белый, со сверкающей, словно ледяной чешуей, а между ними еще один: маленький, изящный, золотой... Красота какая! Красотища...

У меня даже рот от восхищения приоткрылся.

— Красиво? Я знал, что тебе понравится и ты обязательно удержишься, чтобы посмотреть.

Я вздрогнула, закрывая рот и обернулась.

И тут же открыла рот снова. Точнее, он сам открылся.

Отчего-то показалось, что мир покачнулся, а потом снова встал на место, и взгляд, на секунду расфокусированный, собрался в кучку.

Передо мной стоял парень в черной водолазке и джинсах. Грудные мышцы, кажется, вот-вот порвут тонкую ткань, что облепила торс парня, как вторая кожа. Даже кубики на прессе видны.

Сглотнув, я обругала про себя колени, которые почему-то ослабли и дыхание, которое сбилось, и подняла

взгляд на лицо заговорившего со мной.

Светлая, чуть тронутая загаром кожа. Волосы, зачесанные назад и убранные в хвост такого бело-стального оттенка, словно парнишку обмакнули макушкой в сугроб. Глаза синие-синие, ледяные, словно сквозь толщу льда смотришь.

Найдя парня более, чем привлекательным, я стиснула зубы и снова выругалась про себя. Можно подумать, я в академии торсов не видела! Да учитывая представление, которое разыграли передо мной сегодня Гадаев и компания, меня от парней вообще мутить должно!

Но голос разума — голосом

разума, а колени слабели, и дыхание прервалось, и весь мир словно померк, размазался в единое мутное пятно...

Четким был только он!

Высокий, широкоплечий, с белыми волосами и пронзительными синими глазами, с такой улыбкой, от которой просто голова закружилась...

Сделав над собой нечеловеческое усилие, я зажмурилась, чуть помотала головой, проклиная себя за глупость, тупость и какую-то исконно-бабскую дурость, от души надеясь, что когда открою глаза, наваждение исчезнет.

Но оно не исчезло, оно еще и

произнесло бархатистым
раскатистым голосом:

— Драконы. Мне кажется,
хороши получились. Как живые.

Я снова потрясла головой,
отчего улыбочка у незнакомца стала
снисходительной. Как же, наверняка
привык к такому вот проявлению
немого восторга. Эта мысль
отрезвила и позволила взять верх над
взбесившимися гормонами.

— Первый раз вижу, чтобы
уличные художники расхваливали
свои писульки в голос, — процедила
я. — Видать, дела не так хороши, как
хотелось бы.

Я собиралась отвернуться, гордо
задрать подбородок и уйти, но шея

отчего-то не послушалась, а взгляд намертво прилип к лицу незнакомца.

Брови парня столкнулись у переносицы, улыбка исчезла, а глаза сузились.

Я понимала, что таращусь, как порода презираемых мной клуш, но сделать с собой ничего не могла. Хотелось, чтобы он сказал что-то... неважно что. Главное, еще раз услышать этот низкий, с хрипотцой голос, чуть-чуть подольше посмотреть на словно высеченное из мрамора лицо...

— И вообще я не уличный художник, — процедил парень, сверкая глазами, отчего у меня внутри все запело. Ага! Зацепила!

Знай наших!

— Я Ичиро Исами, первый сын предводителя клана Ледяных драконов и поверенный твоего отца, принцесса Кинриу. Я пришел за тобой.

— Псих, — вырвалось у меня. — Еще и фамилию где-то выведал. Ну, точно, псих. Не зря слышала, у вас какое-то чертовское обаяние... Тестостерон повышенный, ага. От лечения.

Эта догадка так воодушевила, что я облегченно выдохнула. Гормоны не согласились с доводом разума. Им было предательски все равно.

Парень нахмурился, словно не

до конца понял мой тонкий намек на толстые обстоятельства.

— Ты находишь меня обаятельным? — подняв бровь, спросил он. — Это нормально. Это реакция на дракона. Так со всеми женщинами.

От такого прямого оскорбления у меня даже глаз задергался. Не оттого, что женщиной назвали, а оттого, что ко всем остальным причислили, кто вот так вот ведется на некоторых с обтянутыми торсами.

— Я нахожу тебя психом, — выдавила я, от души надеясь, что тон не умоляющий. — И придурком.

Взяв себя в руки и пообещав коленям, что если не послушаются,

запишусь еще на две сессии к мастеру Горо, я прошла мимо, нарочито оттолкнув со своего пути нахала.

— Пройти дай, — буркнула под нос и постаралась незаметно потереть ладони, которые от соприкосновения с твердыми и горячими мускулами на груди беловолосого психа словно током прошибло. — Автобус из-за тебя пропущу.

Я успела в последний момент, впрыгнула в закрывающиеся на ходу двери. Все же не смогла удержаться и обернулась. Беловолосый парень остался на том же месте, замер, провожая автобус задумчивым

ВЗГЛЯДОМ.

Общага гудела. Как-никак,
сессия в разгаре. Отовсюду
раздавались нервные
перекликивания по обмену
конспектами, кофе и шоколадом.
Первокурсницы передвигались
между этажами с вытаращенными
глазами и почти все, как одна, в
синяках после зачетов по
практическим дисциплинам.
Студентки постарше шествовали по
коридорам солиднее, лишь круги под
глазами и нахмуренные брови
выдают волнение.

Запустив стиралку в
хозяйственном блоке, я ввалилась в
комнату. Все, о чем мечтала после

столь насыщенного событиями дня — добраться до кровати и вытянуть ноги. И перехватить несколько бутербродов до ужина, аппетит разыгрался зверский.

С порога зашвырнула рюкзак на стул, сама направилась было к кровати у стены, когда услышала всхлипывания. В нашей с Иришкой комнате две кровати, и вот, подруга свернулась калачиком на своей и рыдает в голос. Чувство голода и усталость тут же забылись. Одним прыжком я пересекла комнату, а вторым запрыгнула на кровать к Ариэльке.

— Таша-а, — прорыдала Иришка, приподнимаясь и

устраиваясь головой на моих коленях. — Ташенька! Как хорошо, что ты пришла.

Я принялась гладить подругу по волосам, успокаивая, как маленькую, а внутри все сжималось. Иришка — светлый, солнечный человечек, несмотря на нацеленность на военную карьеру. Честный очень и наивный сверх меры... И вот за эти ее слезы я Попова просто ненавижу! А в том, что Иришка рыдает из-за этого козла, почему-то сомнений не было.

— Ты как? — со страхом в голосе спросила она. — Я когда узнала, что они... Что тебя... Я не поверила сразу, ну, что и Димасик...

Что они на тебя напали...

— Напали, — сухо подтвердила я, в очередной раз умолчав, что до того, как приударить за Иришкой, ее ненаглядный Димасик пытался подкатывать ко мне. Да и во время... — Но отдача замучила.

Иришка подняла на меня заплаканное лицо.

— Правда? — спросила она, улыбаясь сквозь слезы. — Честно-честно? Они ничего не сделали? Не успели? Этот Гадаев такой урод... Я никогда не понимала, почему они дружат...

Подруга шумно высморкалась, а я не преминула заметить.

— Вот урод, урод и есть. А

дружат, потому что недалеко друг от друга ушли.

Ариэльке нечего было возразить, и она разразилась новой порцией рыданий.

— Тебя искали, — прогундосила она. — В ректорат вызывали... такой скандал... Их ребята, прямо в зале, все вместе отделали. Говорят, сильно, я сама не видела... Просили мастера Горо не доводить до декана, но он же японец, у них закон на первом месте... Естественно, сообщил. Всех троих теперь отчислят... Так им и надо, сволочам! Мало им!

Иришка сердито шмыгнула носом.

— И Попову так и надо? —
вырвалось у меня. В то, что безумно
влюбленная подруга способна
рассуждать трезво, не верилось.

— Ему в первую очередь! —
прошипела Иришка и разрыдалась
снова.

Я прижала вздрагивающую Ирку
к себе.

— Так чего тогда ревешь, —
пробурчала я, чувствуя, как у самой
тоже в глазах щиплет.

Подруга даже рыдать перестала
от удивления. Посмотрела на меня с
открытым ртом. А потом всхлипнула
и порывисто обняла.

— Вот ты даешь! — проговорила
она. — У меня на подругу напали!

Чуть не изнасиловали! Я-то знаю, что Белоснежка лучшая на курсе, но их-то трое было... Если бы не мастер Горо, Ташенька! Ведь они жизнь могли тебе сломать...

— Больше никому не сломают, — усмехнулась я. — Дураков учить надо.

— Дашь против них показания? — с надеждой спросила подруга. Почему-то показалось, что она одновременно ждет, что скажу да, и надеется, что скажу нет... Все-таки любовь, как известно, зла...

Я покачала головой.

— Нет. Думаю, мастер Горо с ребятами устроили им джем-сэйшн. Пускай остаются, уроды. Уверена,

они теперь и на пушечный выстрел не подойдут. Ни ко мне, ни к какой другой девочке...

Я достала мобильник и охнула. Сто двадцать три пропущенных! Причем семьдесят с неопределившегося номера, остальные от мамы, Иришки и из деканата. Это я удачно звук отключила, с утра еще, перед тренировкой, а потом вообще забыла о телефоне.

— Так, — скомандовала я, отстраняя от себя подругу и вытирая ей щеки. — Хорош слезы лить! Мы вчера последний экзамен сдали, или где? Давай успокаивайся, сегодня идем в клуб. Оторвемся, Ириш, по

полной! А я пока маме и в деканат перезвоню, скажу, мол, ложная тревога, все дела. Пусть живут, уроды.

* * *

Иришка высокая, худенькая, с золотисто-рыжими кудряшками и светло-голубыми глазами. Веснушки, которые подруга надеется когда-нибудь вывести окончательно, очень ей идут. Курносая, с ямочками на щеках, она похожа на героиню диснеевского мультфильма Русалочка, отсюда и прозвище. Для похода в клуб подруга выбрала платье

с обтягивающим верхом и короткой, пышной юбкой, что как нельзя лучше подчеркнуло заоблачную длину ног.

Иришка поворачивалась к зеркалу то одним, то другим боком, не могла наглядеться на себя. Меняла туфли, взбивала облако волос пальцами, находила все новые изъяны в накладываемом два часа макияже.

Глядя на подругу, в очередной раз отметила, что я совсем другая. Волосы темные, прямые, тяжелые. Кожа белая, даже по сравнению с Иришкиной, у которой она от щедрой россыпи веснушек золотистая. Глаза у меня зеленые, скулы высокие, губы пухлые, такие принято называть

чувственными, а лицо сердечком.

Для ночного рандеву я выбрала зеленое платье с черным кружевом по подолу, такое короткое, что садиться в нем надо с осторожностью: того и глади, покажется кружевная полоска чулок, и туфли на умопомрачительной шпильке. Ввиду приближения летней сессии к завершению, половина общежития пустует, а половина скачет между этажами ночи напролет, так что нас не хватятся. А система «самоволок» у нас с Иришкой отлажена еще с прошлого года.

Зря мы что ли, дополнительно еще несколько факультативов

посещаем в других корпусах? Теперь пластиковые пропуска для нас чуть не ценнее студенческих.

Отпихнув фыркнувшую Иришку от зеркала, принялась крутиться у него сама. Подвела зелеными тенями нижнее веко, нанесла блеск на губы, еще раз прошла по ресницам кисточкой для туши.

Окинула себя оценивающим взглядом.

Вид получился сногсшибательный и вызывающий до неприличия, самое то, что нужно, чтобы отметить успешное окончание сессии и вообще снять стресс.

— Ну что, Ариэлька? — поддразнила я подругу детским

прозвищем. — Готова к заплыву? Может, сегодня тебе предстоит спасти прекрасного принца, который чисто для разнообразия будет немного прекраснее Попова?

Иришка фыркнула, наморщив носик и не осталась в долгу:

— А кто-то, может статься, окажется в компании семерых гномов? Ох, я тебе очень этого желаю, чтобы были они такие мм... мускулистые, с кубиками, каждого так и хочется покачать на коленях.

Я рассмеялась и погрозила подруге пальцем.

— Вот не надо лишний раз напоминать о росте. На таких каблуках добрая половина любого

клуба — гномы.

— А ты кого хотела бы встретить? Эльфов? — улыбаясь, поинтересовалась подруга. — Таких милшечек анимэшных?

— Эльфы для меня слишком слащавы, — скривилась я. — На гомиков смахивают. Вот оборотни — другое дело.

— Фу, — настал черед Иришки скривиться. — Они же волосатые и блохастые!

— Ничего и не блохастые! — вырвалось у меня. — Как будто только какие-то псины бывают оборотнями...

— А кто еще? — продолжила подначивать подруга, когда мы

покинули комнату и в тапочках, с туфлями в руках, тихонечко направились к черному входу. — Лисы кицунэ?

Я отмахнулась. Помимо воли, у меня вырвалось:

— Драконы... Оборотни бывают драконами...

— Ой-ей-ей, — заерничала Иришка, — у кого это так глазки заблестели и голос задрожал? Не иначе, как Белоснежечка кого-то конкретного имеет ввиду?

— Никого не имею, — приставив палец к губам, поскольку проходили мимо комендантской комнаты, шепнула я. — Так, встретился сегодня один псих,

возомнивший себя драконом. Сбрендивший ролевик, или пикапер нового уровня, о таких даже не слышала.

Вспоминая блондина, я старалась говорить раздраженно, что, к моему позору, выходило плохо. И кое-кто прекрасно это заметил.

— Мамочки мои, — пискнула Иришка, — чей это нежный румянец на щечках и поэтично подрагивающие реснички?

— Как будто ты в этой темени румянец разглядела, — огрызнулась я. — А что до трепета ресниц, эт я с тушью переусердствовала. Тяжело им, ресничкам, вот и дрожат...

— И как он? — промурлыкала

подружка. — Хорош? Как эти силиконовые андроиды на сайте? Помнишь? Ом-ном-ном...

— Лучше, — хмыкнула я.

Мы поочередно приставили карточки к темной панели на стене, и когда красный огонек сменился зеленым, прошмыгнули на улицу.

Иришка была настроена и дальше расспрашивать о том, кого я посчитала лучше андроида с некоего неприличного сайта, но я потеряла плечи и пообещала, что замерзну насмерть, если она не уймет свое любопытство.

Ариэлька хмыкнула и коварно пообещала продолжить, потому как внутренне она не сдастся.

Быстро переобувшись, мы спрятали мягкие тапочки между подъездом и железной будкой с нескромной надписью: «Посторонним вход воспрещен» (это мы-то посторонние?), и, пока нас не засекли, споренько рванули к стоянке такси.

Несмотря на мои заверения в неперемнной простуде, ночь обещала быть наконец-то по-летнему знойной.

Глава 3

Сообщив таксисту название любимого клуба, мы с Ариэлькой хихикали на заднем сиденье, предвкушая бурную ночь, со сбитыми каблуками, шотами, коктейлями и повышенным вниманием мужской части клуба, которой сегодня угораздит попасться на нашем пути, когда я резко скомандовала:

— Стойте!

Таксист вздрогнул, но послушно ударил по тормозам и машина, недовольно фыркнув, замела.

— Ты чего? Таша? —

взволнованно спросила Иришка.

Я же намертво прилипла к стеклу.

— Это, — прошептала я, как зачарованная. — Это че?!

Ариэлька проследила мой взгляд.

По тому как подруга засопела и дрогнула, уставившись поверх моего плеча, поняла, то Иришка пожала плечами.

— Клуб какой-то новый открылся.

Я оглянулась вполоборота, а Иришка подняла взгляд к ало-золотой арке метров за двадцать до входа и прочитала медленно:

— Врата дракона.

Я сглотнула.

Что-то сжалось внутри, от произнесенных слов, будто я до последнего надеялась, что мне мерещится. В голове тревожно вспыхнуло, а сердце, наоборот, сладко заныло. Под загадочный золотой свод поманило, потянуло, поволокло, отчего-то слышались удары гонга и странные звуки, похожие на рев труб, и вместе с тем ноги словно налились свинцом, а подступившая паника посоветовала бежать отсюда без оглядки.

— А вы не видели, девчонки? Еще в воскресенье прошлое открылись они, — сказал таксист, разворачиваясь к нам

вполоборота. — Народу тут было — уйма, да и сейчас вон, видите, очередюка какая... Говорят, фешенебельное местечко... Так что, в Русалочью Лагуну едем, или как?

— Не-а, — вырвалось у меня, и звук собственного голоса показался каким-то затянутым, словно раздавался со стороны. — М-мы... Мы здесь выйдем...

— Ага, выйдем, — взволнованно подтвердила Ариэлька. — Сколько мы вам должны?

Выбравшись из машины, я зачарованно уставилась на огромную красную арку, всю в золотых иероглифах, узорах и лепнине. По краям арки застыло два странных

существа: и львы — не львы, и драконы не драконы. Мордочки львиные, языки, что выглядывают из пастей, меж длинных клыков — змеиные. Отчего-то показалось, что золотые статуи теплые, почти живые.

Не понимая, что делаю, подошла ближе и провела пальцами по металлу.

В тот же миг возникло ощущение *dejavu* — по пальцам словно пустили электрический разряд. Я покачнулась, и подоспевшая Ирка подхватила под локоть.

— Ташечка, — испуганно проговорила она. — С тобой все в порядке?

— В полном, — соврала я и уже смелее погладила спинку золотого существа. Могу поклясться, под моим прикосновением оно дрогнуло и чуть выгнулось! Как самая обычная кошка!

Я охнула и часто заморгала.

— Сашунь, — позвала Иришка. — Ты уверена?

Я перевела взгляд с непроницаемой золотой морды на испуганное Ариэлькино лицо и улыбнулась несколько ошалело.

— Классные, правда?! — спросила я.

Иришка озабоченно нахмурила лоб.

— Ташечка, я, конечно, знаю,

что все эти восточные штуки — твоя слабость, но что-то мне кажется, что сегодняшняя вылазка — ошибка. Давай вернемся, а? — с надеждой спросила она. — Мне кажется, у тебя запоздалая реакция на утренний... стресс... И лучше принять чего-нибудь успокоительного и поспать... Выспаться тебе нужно хорошенько, вот что!

— Вернуться? — переспросила я. — Да ни в жизнь! А что касается успокоительного, сейчас примем!

Иришка вздохнула.

— Так пойдем тогда в очередь, — обреченно сказала она.

Я захлопала густо накрашенными ресницами.

— В какую очередь?

— Да вон же, — показала подруга. — Не только мы тут такие... желающие.

Я проследила взглядом и ахнула. Это прямо под эту самую арку идти, ко входу, где и правда, столпились люди. Такие нечеткие какие-то все, серенькие, словно смазанные, а арка красная! С золотом! И распахнутая пасть двери тоже красная!

Словно зачарованная, я позволила нарочито вздыхающей Ариэльке увлечь меня под свод алой с золотым арке.

Сердце ухало, прыгая в пятки и выпрыгивая обратно. В ушах шумело. В висках стучало. Что-то

подсказывало, еще шаг, и отступить будет поздно...

— Куда поздно? — вслух спросила я.

— А? Что? — забеспокоилась Иришка, но я отмахнулась, вытаращившись на ворота, и подруга снова деланно вздохнула.

Покачнувшись на умопомрачительных каблуках, я послушно последовала за Ариэлькой и мы заняли место в конце очереди.

Как только что арка, теперь моим вниманием завладели ворота. Просто потому, что выполнены они были в виде пасти дракона!

Такого огромного! Ало-золотого, как арка! С горящими глазами и

клыками размером с саблю! А вход завешен красной тяжелой тканью, и каждый раз, когда очередная парочка минует секьюрити и заходит внутрь, ощущение, что дракон облизывается красным языком!

Ариэлька осознала
беспольность попыток
расторгнуть меня и отстала.

Зато к нам приблизился невысокий азиатского вида парень и со знакомым акцентом произнес:

— Приветствуем во «Вратах дракона», дамы. Видзу, вам понравирись рьвы-хранители и вызваро интерес внеснее

оформление?

Говорил парень, переводя внимательный взгляд с одной на другую, но обращался, я готова была поклясться, ко мне. Кто, как ненормальная прилип сначала к одному из золотых львов, а теперь пускает слюни, зачарованно глядя на вход?

— Невероятно понравились, — церемонно сложив ладони у груди, как когда приветствовала мастера Горо, призналась я. Иришка машинально повторила мой жест.

Японец улыбнулся и церемонно поклонился нам обеим, поочередно. Мы в свою очередь также ответили поклонами.

— Вы тозе отинь понравирись хранитерям, барысьни. Просу средовать за мной, — сделал приглашающий жест японец. — Дядя будет рад встретить истинных ценителей.

Мы с Иришкой переглянулись, хлопая ресницами, и проследовали за пригласившим мимо остальной очереди.

— Какой еще дядя? — прошептала Ариэлька, пхнув меня в бок.

— Его дядя, говорит, — шепнула я, отвечая подруге тычком. — Рад нам будет!

— Я не глухая! — фыркнула Иришка, а я пожала плечами.

Очередь, особенно та, что мужского пола, а также те, кто встречались в холле и широком коридоре, провожали нас жадными взглядами.

Я хихикнула, представив, как мы выйдем со стороны, шествуя, покачиваясь на умопомрачительных шпильках, за японцем в традиционном костюме. Рыженькая и брюнетка, в коротеньких платьицах, с распущенными по плечам волосами, с маленькими сумочками-ридикюльчиками. Вид у обеих, что называется, до неприличия шикарный.

Надо сказать, я с детства привыкла к не вполне адекватной

реакции на себя представителей мужеского полу, как и Иришка, с которой дружим со школы. Даже в мешковато-рваных джинсах и с пучками на макушках, где бы мы ни появились, производим фурор, а уж когда намеренно решим подразнить народ, как сейчас... Ариэлька шутит, что мы в военную академию документы подали, чтобы научиться приемам самообороны, которые нам ой как необходимы. Я снисходительно с ней соглашаюсь, хотя учитывая реакцию на себя парней, мне этим приемы пришлось освоить еще со средней школы.

— Позаруйте сюда, дамы, — вывел из размышлений японец. Он

показал на затененный столик в самом углу. — Думаю, вы не против оказать нашему заведению тесть и поприветствовать дядю рично.

Сглотнув и с трудом оторвав взгляд от росписи на стенах, я проследила направление, в котором показывал провожающий и вздрогнула.

Мы с Иришкой обе вздрогнули и испуганно переглянулись.

Из-за столика, приветствуя нас, поднялся мастер Горо.

* * *

— Сэнсэй, — пискнула

Иришка. — А мы в самоволке.

— А то не вижу, — огрызнулась я, лучезарно улыбаясь сэнсэю.

Тот издалека сделал приглашающий жест присесть за его столик.

— Нам же торько завтра домой модзно, — забормотала Ариэлька, от паники, видимо, копируя манеру говорить сэнсэя.

— Да ладно тебе, — чувствуя холодок по спине и волнами подступающую панику, ответила я подруге. — Не портим компот. Он, вон, злым не выглядит.

Мы шли мимо танцующих и снующих туда-сюда официантов, причем с миром опять что-то

случилось, он утратил четкость и даже как будто замедлился. Четкими были только мы, люминесцентные драконы по стенам, да мастер Горо, ожидающий нас у дальнего столика.

— Улыбается, — пробормотала Иришка, спотыкаясь.

Я подхватила подругу под локоть и сама с размаху впечаталась в амбала с выбритыми висками, тонкой косой и в татуировках. Вместо того, чтобы выказывать возмущение, амбал кивнул, словно знакомой, и, к моему вящему недоумению, посторонился.

— Конечно, улыбается, — ответила я подруге, имея ввиду мастера Горо. — Он же японец, им

положено улыбаться по поводу и без.

— Когда нас на тренировках мочит, как котят, тоже улыбается, — некстати вспомнила Ирка. — А сегодня во время товарищеского суда, говорят, сиял.

— Не нравится мне это, — пробормотала я, и судя по моське Ариэльки, подруга со мной согласна, что называется, на все сто.

Тем временем мы прошли танцпол насквозь, и, как бы нам ни хотелось это отсрочить, подошли к столику, у которого ждет мастер Горо.

— Какая приятная неозиданосць, — широко улыбаясь, отчего я еще больше похолодела, а у

Ирки начал дергаться глаз, проговорил сэнсэй. — Таса-сан, Ирина-сан, рад приветствовать вас в своем крубе.

Мы с Ирккой переглянулись. Это что же, его клуб?! А зачем ему тогда наша академия... А как же...

Следуя приглашающему жесту сэнсэя, мы с Ирккой быстро присели за столик. Японец продолжил.

— С Витарием Вради-ре-новицем мы уже падзнакомились, Таса-сан, вам привет. И вам тодзе, конесьно, Ирина-сан.

Тут и у меня глаз дернулся. Он что же, с отчимом моим знаком? Это мне нравится... Мой отчим, Виталий Владиленович, владелец нескольких

крупных клубов и сети ресторанов быстрого питания, хм... правильней сказать, предприниматель. Скажем, предпринимателем он стал в лихие девяностые, когда выживали только сильнейшие, и вот, знаете, выжил и еще как...

Нет, я никогда не упрекала мамочку из-за папы, я его и не видела никогда, а Кирюха и вовсе — моя слабость и моя отрада, да и Виталий Владиленович мужик четкий и правильный. Я перед ним всегда робела, в этом смысле он один из немногих. В последних классах школы мама как-то унюхала от меня запах табака, как мы с Иришкой не наминали орбита, не помогло. Так

вот, когда мама рассказала отчиму, тот заперся со мной на кухне, бросил на стол пачку тонких сигарет и приказал:

— Кури.

Сам уселся напротив и тоже закурил.

Я дрожащими пальчиками выудила одну, и принялась нервно чиркать зажигалкой, которая отчего-то решила сломаться. Отчим выбросил вперед руку, помогая прикурить, и пока курила, смотрел пристально, не отрывая взгляд. Когда затушила окурок, спросил:

— Нравится?

Я испуганно помотала головой.

Отчим кивнул, показалось даже,

что не мне, а своим мыслям, а я больше ни разу не притрагивалась к табаку. Не знаю, что произошло тогда, но каждый раз, как предлагали, вспоминала пристальный взгляд отчима, который за все годы их с мамой брака ни разу даже голоса не повысил, и вот не хотелось.

Виталий Владиленович, — все время хотелось его назвать «папой», но вот эта самая робость напополам с немым обожанием отчего-то не позволяла, — он и предложил военную карьеру, видя, что с моим темпераментом иначе не сладить. Он всегда выгораживал перед мамой, когда приходила домой с

ободранными коленями и в синяках, даже как-то помогал скрыть следы «преступления» — лично смазывал ссадины йодом и бинтовал руки после падения на арматуру на стройке...

Словом, отчим у меня очень непростой человек, и отношение к нему неоднозначное, и вот мастер Горо сказал, что они познакомились, а у меня сердце в пятки. Неужели сэнсэй Виталию Владиленовичу рассказал о случившемся утром в душевой академии? Тогда Гадаеву и компании прям очень-очень желательно самим бежать сдаваться в руки родной полиции. И лучше, если со всех ног.

Из калейдоскопа мыслей вывел Иришкин извиняющийся тон:

— А мы вот тут... немножко... зайти решили... посмотреть просто. Вот.

Мастер Горо улыбнулся, кивнул. Затем подозвал официанта, и через минуту, как по волшебству, наш столик оброс блюдами — от салата до горячего, как традиционной японской кухни, так и привычной нам с Иришкой, европейской.

— Есте, — сказал сэнсэй и это его «ешьте» как-то больше на приказ было похоже.

Мы с Иришкой переглянулись и приступили. И не сказать, чтобы мы привыкли уничтожать вкусности в

масштабах, близким к промышленным, просто в процессе как-то вспомнилось, что весь день голодная, так по-человечески поесть и не пришлось.

Когда с едой было покончено, у нас спросили, что будем пить, и язык не повернулся назвать алкогольный коктейль, поэтому я выбрала «Пеликан», с клубникой, лимоном и бананом, а Иришка «Ягодный милкшейк».

Когда в неловком молчании и коктейли выдули, мастер Горо сдержанно поклонился, и заверив, что у него «дера», а мы можем быть его гостями и отдохнуть после «цязкого дня, как средует», нас

покинул. А у нас с Иришкой от сердца отлегло и, стоило сэнсэю нас покинуть, как заказали еще по одному коктейлю, на этот раз с запредельным содержанием алкоголя.

* * *

Ариэлька с самым блаженным выражением лица царила на танцполе, казалось, не замечая целой толпы восторженных поклонников, бросающих на хрупкую фигурку под рыжим облаком волос жадные взгляды, и уж точно не замечала завистливых взглядов менее удачных

соперниц. Претерпев несколько неудачных попыток, вытащить под свет софитов и меня, она вся отдалась танцу, прикрыв глаза и наслаждаясь безраздельной женской властью.

Я допивала третий коктейль и уже подумывала о том, чтобы помножить наше с Ариэлькой нежное обаяние надвое, в связи с чем нашла ножками туфельки под столом и скользнула в них, когда над ухом раздалось:

— Скучаем?

Низкий, с хрипотцой голос, мелодичный, словно обволакивающий, вызвал стойкое *dejavu*. Показалось, что вот сейчас я

подниму взгляд, а там... некто блондинистый... И вместе с тем что-то внутри обиженно сжалось, как будто обманули.

Я обернулась вполоборота и захлопала ресницами от удивления.

У столика застыл высокий брюнет с широким разворотом плеч, узкой талией и не менее узкими бедрами, и выразительной мускулатурой. Белая, что особенно бросается в глаза в неоновом свете майка облепила каждый кубик на торсе, широкий кожаный ремень дерзко блестит крупной металлической бляхой.

Брюнет белозубо улыбнулся, явно довольный произведенным

эффектом, что позволило сменить удивление, написанное на моем лице на маску ледяного пренебрежения.

— Это я с тобой заскучаю, мужик, — сквозь зубы процедила я и потянула коктейль из трубочки. — А сейчас я релаксирую. Так что будь любезен, не заслоняй танцпол.

Послала брюнету одну из самых обворожительных улыбок, которые мы с Ариэлькой перед зеркалом и камерой-себяшечкой репетировали и добавила уже другим тоном:

— Отвали.

Парень нахмурился, словно меньше всего ожидал такую реакцию на его внешнее, чего уж там, великолепиие, а мне в нем снова что-

то знакомое показалось. Как сразу в голосе.

Высокий, красивый до умопомрачения, сильный... и глаза при этом умные. Термоядерное сочетание!

Чтобы гормоны меня второй раз за день не подвели, я деланно плечиками повела, волосы назад откинула и как бы сквозь него посмотрела, мол, нужен он тут больно.

И вместе с тем не могла не чувствовать, какая силища от него исходит (всегда в мужчинах в первую очередь это чую)... напололам с недоумением и раздражением.

Чувство вредительства, которое

у нас с Ариэлькой в крови, внутри обрадованно потерло потные ладошки, от души радуясь, что довели мужика.

Парень же, несмотря на явное хамство с моей стороны и не подумал сдаваться.

— Ты неправильно меня поняла, — сказал он, сверкнув черными, как ночь глазами, в окружении таких шикарных ресниц, что даже обидно. Ну куда парням такое богатство?

— Мужик, — лениво процедила я. — Я тебя знать не знаю, и уже какие-то предьявы?

— Ну так давай это исправим, — нагло улыбаясь, не

растерялся он. И пообещал так змие-
искусительно: — Тебе понравится.

От звука его голоса по коже
строем побежали мурашки, а я
пообещала гормонам, что если не
прекратят издевательство, залью их
бромом, как огнетушителем. И дело с
концом.

— Ну так желания исправить
это нет никакого, — с не менее
наглой улыбкой сообщила я
парню. — Так что сделай милость,
исчезни с глаз.

На щеках парня заходили
желваки, отчего самооценка
возликовала, взлетев так, что будь
она материальной, пробила бы
потолок клуба. Самый верхний этаж.

— Ты не так поняла меня, принцесса Кинриу, — зло проговорил парень, и, пока я хлопала ресницами, закончил фразой, которую уже сегодня слышала: — Я - поверенный твоего отца и я пришел за тобой!

— У вас что, сегодня, в психушке день открытых дверей, что ли, — пробормотала я, поднимаясь. — Вон пошел от меня! Неужели непонятно? Еще раз подойдешь, охрану позову.

Старательно обогнув парня, который с недоумевающим видом сложил на груди руки, во избежание, так сказать, я устремилась к Ариэльке, царившей на танцполе.

Оказывается, мою перепалку с

красавчиком-брюнетом Ариэлька, несмотря на томный взгляд из-под полуопущенных ресниц, прекрасно наблюдала, поэтому стоило мне приблизиться и, сделав прогиб из серии стриптиз-пластики, отдаться мелодии, восторженно прошептала на ухо:

— М-м-м... Какой!

Я восторга подруги не разделяла, по-крайней мере, желала этого изо всех сил. И вот ввиду невыполнимости желания, злилась так, как злюсь вообще редко.

— Какой-какой, — пробурчала я. — Самый обычный!

— Ага, обычный, как же, — протянула подруга сладким

голосом. — Да ты что? Он же сошел с обложки какого-то невероятно пафосного журнала, причем не для смертных, а для небожителей... Ты видела его глаза? Торс? Плечи? М-мускулы... Ах, я тут просто извелась вся от любопытства...

— Было бы из-за чего, — буркнула я. — Обычный псих. Нет, реально, псих! Назвал меня принцессой...

— Да уж, — деланно посетовала Ариэлька. — Да он просто маньяк!

— Да подожди ты! — перебила я. — Он фамилию откуда-то узнал...

— О! — восторженно воскликнула Иришка. — Так это не залетный какой-то, желающий

обзавестись девочкой на ночь, а самый настоящий поклонник! Как романтично!

— Второй за сегодня, — призналась я, и, и без того немаленькие глаза Ариэльки заняли пол лица.

— Мамочки! Вот повезло-то! А зачем тебе два, правда, если у тебя подруга есть... Я на любого согласна, не глядя, если тот второй, такой же, как этот...

— Такой же, — хмыкнула я. — Только блондин. И мне, знаешь, это все каким-то подозрительным кажется...

Ариэлька не успела ничего ответить, потому что рядом раздался

знакомый голос.

— Вот она где, козочка наша, Белоснежка, благодетельница. Позволь же поблагодарить за то, что от ректората да от ментов отмазала да по наставлению твоего сэнсэя принести самые искренние извинения!

Возле нас стоял Гадаев, а за плечами пятикурсника ожидаемо обретались Попов с Ушловым. Рожи у троих — непонятно, как секьюрити пропустили. Впрочем, если они на мастера Горо нарвались, могу предположить, что сам их к нам отправил, чтобы извинились.

Тон Гадаева не обещал ничего хорошего, его налитые кровью глаза

— тем более.

Глава 4

— Позволяю, — буркнула я. — Так что благодарите и проваливайтесь. Ног целовать не стоит, брезгую.

— Да что ты о себе возомнила, шлюха?! — вскипел Попов, порываясь подойти ближе, но был остановлен мощной, хоть и перевязанной рукой Гадаева.

Я мельком бросила взгляд на Иришку: на лице подруги застыло брезгливое выражение, словно на гадкое насекомое наступила. Я порадовалась про себя, наконец-то Ариэлька истинное лицо

«Димасика» узрела. Ради такого не жалко и оскорбление вынести. Хотя это я погорячилась. Разговаривать с собой в таком тоне никому не позволю.

— А тебе, утырок, лучше язык в одном месте держать. Да не у Гадаева, как привык, а поближе, для разнообразия, — мило посоветовала Попову.

Гадаеву пришлось гаркнуть на Попова, чтобы удержать того на месте.

— Ну что ты, Димон, — старательно растягивая губы в улыбке, процедил он. — Нам мастер Горо что сказал? Правильно, перед Белоснежкой-сан извиниться. Мы,

как законопослушные граждане и студенты лучшей военной академии страны, извинились? Извинились. Свидетелей выше крыши.

Прежде чем развернуться и уйти, Гадаев отвесил издевательский поклон и процедил:

— В следующий раз я не буду таким добреньким, Белоснежка. Ответишь сполна. Так, что мало не покажется. И ребята мне с удовольствием помогут. Помогут ведь?

— Поможем, — разомкнув разбитые губы, пообещал молчавший до этого Ушлов.

— С удовольствием, — прорычал Попов, и, подмигнув

напоследок Ариэльке, развернулся и пошел за дружками.

Подбородок подруги мелко задрожал.

— Мамочки мои, — пробормотала она. — Ну как я раньше не замечала-то...

Я приобняла подругу за плечи.

— Спокойно, Ариэлечка, для начала нам надо еще по коктейльчику, для продолжения еще по одному, и еще... А потом, для разнообразия, потанцуем и сведем всех с ума.

По два коктейля выпить мы успели. И даже потанцевать. Хотя не покидало ощущение, что с меня не сводят взгляда.

Иришка, раскрасневшаяся от танцев и успевшая благополучно запомнить о подонке-Попове, не давала забыть о «некоем таинственном воздыхателе», который «глаз не сводил» все это время. Правда, подойти больше не подходил. Может, план какой новый пикаперский разрабатывал, может, выжидал. Подумать, что этот тип сдался, мне его взгляд, который, казалось, вот-вот дыру протрет, не позволял.

Но когда ощущение того, что на меня смотрят, усилилось, мурашки по коже прям строем пошли и на танках поехали, а колени подогнулись от слабости, так, что

Иришке придержать меня пришлось за локоть, я поняла: все. Довел. Сейчас пойду и все ему, брюнетистому пикаперу, выскажу. Так, что мало не покажется. А лучше охране. У нас тут вообще, японец знакомый, то ли администратор, то ли директор... Впрочем ни того, кто нас провел, ни мастера Горо я в зале не наблюдала. Но взгляд этого брюнетистого реально достал. Это неприлично, в конце концов. Я положила руку на грудь, чтобы унять сердцебиение, которое застрочило с тройной скоростью и гневно обернулась на то место, откуда в последний раз смотрел наглый брюнет.

И чуть не застонала от досады. Потому что брюнет на месте был... но даже и не думал смотреть на меня! Вместо этого нервно оглядывался. Нет, со стороны не скажешь, что нервно, но зря я что ли, военную психологию три года зубрила?

Пользуясь тем, что парень на меня не смотрит, я уставилась на него во все глаза.

Что-то было в его облике такое... тревожное. Не такое тревожное, как когда на Гадаева и К смотришь, нет, другое. Словно что-то знакомое, как будто давно забытое, но такое, что вспоминать ни в коем случае нельзя. Потому, что тогда... А

что тогда, непонятно.

Наконец, брюнет перестал искать кого-то или что-то взглядом, замер. Лицо его при этом стало такое напряженное, на щеках желваки играют, брови у переносицы столкнулись. Я даже шею вытянула, чтобы тоже посмотреть, что же там такое. И тут же втянула ее обратно.

Потому что у входа в зал застыл давешний блондин. Руки на груди сложил и всматривается в танцующих. Затем тоже брюнета увидел и лицо такое злое стало! И прямо к нему направился, хотя я готова была поспорить, до этого... не брюнета этого глазами искал.

Я дернула за руку Ариэльку,

вынуждая ту захлопнуть рот. Она все это время тоже по сторонам глазела, и вот за что люблю подругу, так это за сообразительность.

— Это он, да? — с придыханием спросила она, кивая в сторону блондина. — Тот самый, который днем, да? Ты о нем говорила?

— Да, день был богатым на приключения, — пробормотала я, стиснув зубы, увлекая подругу к барной стойке. — И, пожалуй, ты права, пора ему уже заканчиваться! Го в общагу.

— Да ты что! — возопила Ирка. — На самом интересном месте! Если они оба твои поклонники, это ж как интересно,

что будут делать, когда каждый из них соперника увидит... О, а, они, кажется, знакомы.

Бегло обернувшись, я увидела, что парни устремились навстречу друг другу, причем глаза и у того, и у второго недобро так сверкают. Когда мы приблизились, наконец, к барной стойке, парни встретились.

— Выведите нас, — попросила я бармена и жалобно добавила: — Пожалуйста.

Тот пожал плечами, и не спрашивая ни о чем, махнул головой за прилавок.

Уходя к черному ходу, я чувствовала, что сердце колотится, как сумасшедшее. Во рту то и дело

пересыхает, а ощущение приближающейся тревоги подкатывает все ближе. Я сама не понимала, что со мной. Зачем стартанула из-за этих двоих? Почему вдруг так необходимым показалось оказаться в общеаге? Почему так упорно избегала встречи сразу с двумя парнями, которые отличались от всех, кого знала, как день от ночи... Должно быть, Ариэлька была права. Сказалась нервная нагрузка за день. Сказалась сессия, которая хоть и была сдана успешно, все равно оставалась сессией. С бессонными ночами, пачками кофе, шоколадом в промышленных масштабах и синяками, полученными во время

сдачи практических дисциплин...

Ариэлька больше не спрашивала, почему решила ретироваться, просто шла за мной, и все, изредка поглядывая с беспокойством.

Наконец, бармен набрал на панели код, выпуская нас через черный вход. Дверь коротко гуднула и открылась.

Поблагодарив парнишку, мы выскочили под покров ночи.

В лицо ударило свежестью, и свежесть эта немного притушила накатывающую тревогу. Я думала только о том, что вот сейчас выйдем через арку в каких-нибудь двухстах шагах на проспект, там поймаем

такси, и только нас и видели... А завтра сессия заканчивается, с утра домой поеду, а там умотаю куда-нибудь, хоть куда... К бабушке, за тысячу километров, где ни странно осведомленных воздыхателей с одним и тем же подкатом, ни Гадаева и компании с их дешевыми понтами. Или с Ариэлькой и ее родителями на Гоа... Неважно. Главное, подальше.

— Добегались, козочки, — раздался из темноты знакомый голос.

На этот раз Гадаев подготовился. С ним были не только Попов с Ушловым... Их было человек десять.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут у нас с Ариэлькой без шансов. Банально количеством

возьмут и массой задавят. Но это не значит, что мы руки опустили и стали ждать, пока эти приблизятся. Развернувшись, спина к спине встали, туфли скинули. Я на подругу покосилась: Ариэлька быстро нагнулась, подняла одну туфельку и выразительно на Попова посмотрела, прямо в подбитый глаз, так, что «Димасик» сглотнул.

— Гадаев, — процедила я. — Шел бы, куда шел. Нафига тебе это? И так по волоску ходишь.

— А ты сэнсэя своего, сэнсэя позови, — ухмыляясь, посоветовал Гадаев.

Когда от ненависти в его глазах стало не по себе, добавил:

— Еще ни одна баба надо мной верх не взяла. И ты, Белоснежка, первой не будешь. Не дайте им убежать, ребята.

— Еще не хватало, бежать от вас, — фыркнула я, принимая боевую стойку.

Нас окружили, но по лицам видно — всерьез не воспринимают.

— Бьем влево, — шепнула я подруге. — Прорвемся.

Ариэлька понимающе кивнула.

И тут прозвучало:

— Воин не дерется с женщиной.

Это позор.

Что-то подсказало, что этот голос узнала бы из тысячи. Что там тысячи, из миллиона. Низкий,

бархатистый и при этом мелодичный... Как будто даже знакомый, только где я такие могла слышать? Во сне если только...

Рядом с блондином стоял брюнет. И вот, хоть численное преимущество было на стороне Гадаева, отчего-то подумалось, что мало им сейчас не покажется. Я даже посочувствовать успела, потому что второй раз за день их бить будут. Даже третий. Потому что я, если что, тоже считаюсь.

Гадаев с дружками угрозу всерьез не восприняли. Да, у ребят подошедших мускулатура не такая уж внушительная, но выразительная!.. И силой от них за версту веет. Я

чувствую.

Но кто-то из дружков Гадаева выкрикнул обидное пожелание этим двоим, а остальные услужливо загоготали.

И это было ошибкой.

Потому что в следующую секунду начался бой!

С открытым ртом я наблюдала за мельканием рук, ног, прыжками, перекачиванием по земле, подсечками, ударами, снова прыжками... Такими высокими, словно эти двое обладали способностью летать!

Раздавались удары, хрипы, стоны, отвратительный хруст...

Брюнет с блондином двигались

так быстро, что глаз еле-еле успевал отслеживать их перемещения, словно парни каким-то образом умели пронзать пространство, как в фильмах о сверхспособностях. Их выпады, удары, подсечки и буквально взлеты над головами напоминали какой-то волшебный боевой танец!

Несколько раз встряхнув меня, застывшую, аки соляной столб, Ирка увлекла в арку, а оттуда к дороге, где сразу тормознула такси.

Шмыгнув вслед за мной в машину, Ариэлька сообщила адрес общаги и сердито хлопнула дверью.

— Ты чего застыла? — спросила она сурово. — Нам так повезло, можно сказать, несказанно, а ты

глазами хлопаешь...

— Ты видела, как они дрались? — вырвалось у меня. — Никогда такого не видела... Они... Они... Спорим, они бы и сэнсэя уделали... У них скорость на грани фантастики... И меткость ударов, а техника... Что это за борьба?

Ариэлька фыркнула и пожала плечами. Отчего-то казалось, что ей хочется покрутить пальцем у виска.

— Хорошо, что завтра каникулы, — сказала она.

Глава 5

Утро обозначило свое появление солнечным лучом, что гулял по моим векам, заставлял недовольно жмуриться и тереть глаза, а также голосом подруги:

— Та-аш... Ташечка, ты весь день спать собралась?

Я рывком села на кровати и уставилась на Ариэльку, которая от неожиданности ресницами захлопала.

— Я уже не сплю, — буркнула я. Недовольно покосившись на окно с заглянувшим в комнату солнцем,

пробормотала: — Такой сон испортили!

— Сон? — Иришка подобралась ближе и застыла вся во внимании. — А кто снился? Блондин? Брюнет?

Я покраснела, и довольная Ирка рассмеялась от того, что попала в точку.

— Колись давай! — не отставала подруга.

— Оба, — призналась я.

— О! — только и смогла выговорить Иришка. — А сон был очень эротический или очень-очень-очень эротический?

Я помотала головой, чувствуя, как слетают остатки сна и протянула:

— Очень-очень, — Ирка взвизгнула, как поросенок, а я мстительно добавила. — Необычный. Волшебный такой...

— Так а что необычного, если эротическим не был, — скуксилась Ариэлька. — Ну, что снилось-то, рассказывай!

— Снились они оба, — краснея, пробормотала я. И место такое... Мм-м... Восточное. Вдалеке гора, а на ней, похожий на буддистский, храм. И там, знаешь, природа такая сумасшедшая, папоротники, деревья, все зеленое... Как в Аватаре прям, только не в 3Д очках, а в 30Д, с полным погружением, с запахами, звуками...

Ариэлька старательно хлопала ресницами по мере моего рассказа.

— Так а парни-то что... Что ты мне про природу?

Я снова покраснела, но упрямо головой помотала.

— Главное там была природа, — почти не соврала, ладно, нагло соврала я. — Ощущения...

— Нет, ну что нового, что тебе Шаолинь приснился, — разочаровано протянула подруга. — Ты же им все уши прогундела. Да пока мастер Горо в академии не появился, ты же неменяемая была, только о Шаолине говорила. Мастер Горо оттуда, да?

Я даже закашлялась.

— Ириш... Шаолинь в Китае, а мастер Горо японец, если что... Это как бэ разное...

Ариэлька передернула плечиками и отмахнулась:

— Если моря нет, мне оно все на одно лицо...

— В Японии есть как раз-таки море, Японское, — пробормотала я. — И Тихий океан.

— Ну раз так, надо тебе у мастера Горо спросить, нет ли там какого Шаолинистого монастыря или академии... Я бы с тобой поехала. С условием, что ты обещаешь со мной плавать.

— Ты знаешь, — я нахмурилась, — мастер Горо как раз

вчера что-то о некоей Альма-матер говорил. Даже спрашивал, не пришли ли мои документы. Спутал с кем-то, наверное.

— Наверное, — беспечно согласилась Ирка. — Ты что делать-то будешь? Сегодня у наших последний зачет, а у нас каникулы.

Мы с Иришкой были одними из тех счастливчиков, кто сдал последний зачет автоматом, и в принципе, могли получить разрешение в деканате отчаливать по домам еще вчера, но не сильно-то спешили на волю. Потому что с поддельными карточками у нас всегда есть возможность выбраться ночью из общаги, как вчера, а из

дома особо не набегаешься.

— Да мне вчера мама звонила, — ответила я. — Сказала, Кирюшка заболел. Мол, какой-то зело злобный вирус, предостерегла.

— То есть ты домой заезжать не будешь? Сразу ко мне? — обрадовалась Ариэлька.

— Вот и мама так сказала, — подтвердила я. — Чтобы к тебе тусить ехала. А она мне на карту денег переведет, на визу и вообще... И чтобы я вами на Гоа летела, в общем.

Общагу потряс визг Ариэльки, а мне пришлось на какое-то время утонуть в чьих-то объятиях.

— Погоди, — попросила я,

мягко отстраняясь. — Что-то не нравится мне все это.

— Что не нравится? — не поняла Ирка. — За брата волнуешься?

— Знаешь, волнуюсь, — подтвердила я. — Оно, конечно, дети все время болеют, но как-то не по себе. И тон у мамы был такой... взволнованный.

— А Виталий Владиленович где? — спросила Иришка.

— Мама говорила, сегодня рано утром уехать куда-то должен был. Так что знаешь, заеду-ка я домой, мама одна, с Кирюшкой... А может, нужно чего...

Я понимала, что говорю ерунду.

Если чего нужно — принесет домработница. Но что-то тянуло домой, как щенка на поводке. Что-то тревожное.

И этот мамин тон вчера... Я сначала подумала, из деканата позвонили, сообщили о случившемся утром... А потом поняла, что не это. Мама была какой-то наигранно-веселой, и Кирюшка, который выхватил у мамы трубку и спросил, когда приеду и привезу работа, больным не казался. Мама тогда забрала у братика телефон и сказала, что перевела мне деньги на карточку, и что может, не стоит к нам заезжать, еще заболēju, а стоит сразу поехать к Иришке... Я насторожилась, еще

когда перевод на карточку получила. И это притом, что в прошлом месяце мама высказывала, что много трачу и в следующем мое содержание урежут... И вот, что называется, урезали. В несколько раз, только не разделили, а умножили. Я еще по телефону спросила, может, мне на Гоа все лето оставаться, а мама тут же встрепенулась и затараторила, что идея хорошая, а денег она мне еще переведет...

Словом, после разговора с мамочкой не по себе было. Сильно не по себе. Вчера уже поздно было ехать домой, а ночью мы тусили, но сегодня решила во что бы то ни стало заскочить. Как-то все стремительно и

неправильно навалилось. Подкаты дурака-Гадаева, его настойчивость на грани психушки, два доморощенных пикапера, которые снятся потом в неприличных снах... И вот, мама говорит, что братик заболел. Так что пока не буду убеждена, что с Кирюшкой в порядке все, даже аттракциону невиданной родительской щедрости радоваться не смогу.

Приняв душ, мы с Ариэлькой позавтракали, как и положено студенткам, кофе с подсохшими вчерашними (или позавчерашними) булочками, и, побросав кое-какие вещички в рюкзак, выбежали из общежития.

На остановке расцеловались, прощаясь, пообещав созвониться-списаться в самое ближайшее время, после чего Ариэлька впрыгнула в свой автобус, который умчал ее к нужной ветке метро, а я осталась дожидаться маршрутку.

По дороге домой я заскочила в Буслик, детский магазин, и купила самого классного робота (на мой взгляд), трансформера, с горящими глазами и весьма устрашающего с виду. После чего антилопой поскакала к отчому дому. У аптеки замешкалась, думала позвонить маме и спросить, не надо ли чего, но вспомнила ее вчерашний тревожный тон, усердие, с которым убеждала

меня ехать к Иришке, а потом как можно быстрее и на дольше на океан... и не решилась.

Входная дверь тренькнула, пропуская меня, и, оторвав взгляд от монитора, на котором идет жаркая битва в Архейдж, на меня подняла взгляд консьержка, тетя Луша.

Лукреция Павловна подняла палец вверх, что означало секунду, умело вывезла свою эльфийку из стана вражеских кобольдов и, снова взглянув на меня, поправила очки на переносице.

— Белоснежка? — удивленно пробормотала она. — Доброе утро! А ты какими судьбами?

— Здравствуйте, Лукреция

Павловна, — поздоровалась я, чуть скривившись на «Белоснежку», хотя тетя Луша всегда так меня зовет... как и окружающие. — Так у меня каникулы уже.

— Быстро, быстро, — удивленно пробормотала тетя Луша и снова поправила очки. — Слушай, тут такое дело, поселение этих кобольдов никак пройти не могу... Вот же крысы поганые! У них шаманы воинам помогают! Не пройти...

Я как-то помогала Лукреции Павловне в Варкрафте, Архейдж она освоила только в этом году. Естественно, я посоветовала установить, когда была дома весной,

и вот, пожалуйста.

— А вы кто по специальности, тетя Луш? — поинтересовалась я.

— Моя эльфийка Лукриэль, — с гордостью сообщила консьержка. — Боевой маг, вивисектор.

— О, так вам легкая броня нужна и двуручный посох, или одноручный и щит, — протянула я. — А вы, отсюда вижу, в тяжелой бегаете. Переоденьтесь и сами их всех замочите!

С этими словами я проскользнула к лифтам, а тетя Луша переводила недоуменный взгляд с меня на экран. Отчего-то показалось, что консьержка очень удивилась при виде меня, а потом как будто

специально хотела задержать.

Так и есть.

— Ташечка! — крикнули мне
вслед.

Но спасительные двери лифта раскрылись, я в них юркнула, помахав напоследок тете Луше, делая вид, что не поняла ее окрика, отметив про себя, что консьержка захлопнула ноут и взяла в руки мобилку.

Когда двери лифта снова распахнулись, на двенадцатом этаже, на площадке меня поджидала мама.

Но в каком виде!

Мамочка у меня очень красивая и молодая. Светленькая, волосы вьются, лицо сердечком, как у куклы

Барби, стройная, с большой грудью. Она даже по дому носит шикарные платья или модные леопардовые лосики и тунички с горловиной на одно плечо, обожает кристаллы и стразы. Причем если на ком-то блески выглядят мягко говоря, неуместно, то на мамочке любой наряд, даже самый вычурный и экзотический, смотрится шикарно. Словно райская птичка залетела в нашу серую реальность из другого мира, и, как ни старается закосить под местного воробья, красит серой краской перышки, а яркое оперение все равно пробивается, не скроешь. Надо сказать, фигура и овал лица у меня в нее, и в чертах что-то похожее

есть. Только волосы темные, почти черные, но с каштановым отливом, тяжелые, явно папины, и глаза зеленой листвы.

Сегодня же мамочка была одета в какой-то невообразимый балахон, кутающий ее до подбородка и да кончиков пальцев рук. Такой широкий, с продольными складками, что непонятно, какая там, под ним, фигура. На голове — бледно-голубой платок в тон, что до последней волосинки прическу скрывает. Макияж — тут только мой опытный глаз определил, что он есть, а так с двух шагов даже туши на ресничках не заметишь.

Расшит балахон индийскими

огурцами и ящерками, тоненькими, бледными, но какими-то живыми, с растопыренными лапками.

— Дочь моя! — возвестила маменька на всю площадку, стоило дверям лифта разъехаться.

— Мам, ты чего? — интересуюсь, выходя из лифта и чмокнув родительницу в холеную щеку. — И что с тобой? На тебе? Ты с Виталием Владиленовичем поругалась и теперь в монастырь уходишь? В прошлый раз ты ему обещала в мужской уйти.

Мамулечка замешкалась, но лишь на пару секунд. В следующий миг порывисто обняла меня, прижала к груди.

— Ташечка, девочка моя,
Белоснежечка.

А вот это уже тревожно.

— Мам, да что с тобой? — лоб
хмурю.

А мама не перестает удивлять.

— Ты вещички домой постирать
решила закинуть?

С этими словами мамуль
попробовала отнять мой рюкзак, а
сама выразительно на двери лифта
глазами показывает, и я буду не я,
если не намекает.

Рюкзак я не отдала. Вместо
этого напонила:

— Мамуль, какой стирать? Мы с
Ариэлькой в блоке живем. У нас
стиральная машинка имеется. Я

робота Кирюшке привезла.

— Я передам, — тут же нашлась мамочка.

Тут я уже не выдержала.

— Мам, ты долго собираешься дочь родную на пороге держать? Пройти дай. Братика обрадую.

— И ничего и не собираюсь, — возразила мамочка. — А если Кирлика радовать начнешь, это будет долго. А у нас каждая минута на счету.

Дверь в коридор приоткрылась и из нее высунулась кудрявая белокурая голова. При виде меня голубые глазки просияли, словно в них зажглись лампочки.

— Сашка! — закричал Кирлик.

— Кирюш!

Тут уже мамочка больше пройти мне не препятствовала, и я просочилась в отчий дом.

Оказавшись в огромном светлом холле, присела, уперевшись коленом в пол и принялась тормозить брата. Первая волна радости при виде меня быстро схлынула, потому что поцелуев Кирлик, как всякий настоящий мужчина, понятно, не выносит.

— Что ты мне принесла? — спросил он, поморщившись, но стоически терпя проявления сестринской нежности.

Ласково потрепала его по макушке и ответила:

— Так а кто работа заказывал?

Громогласный вопль потряс квартиру и вынудил мамуль прислонить ладони к ушам, когда достала из рюкзака и торжественно вручила подарок.

— Ух ты! — вопил восторженный Кирлик. — Трансформер! С крыльями! Ты видела? О! Он в дракона трансформируется!

Братик порывисто обнял меня за шею, так, что чуть не задушил и клюнул пару раз в щеку.

Я довольно рассмеялась, а мамуль, которая на нас смотрела, побледнела.

— Это знак, — сказала она. —

Опять знак... Они близко...

— Какой знак, мамуль? — спросила у нее, но мамочка только отмахнулась. Поскольку это была не единственная странность за утро, я решила внимания не обращать. Пока.

Сама в комнату унеслась, сбросила успевшие поднадоесть бесформенные джинсы с подворотами и толстовку цвета хаки, переоделась в драные джинсики в облипку, потертые на самых правильных местах и маечку на бретельках, модного акульего цвета. Походя любовно погладила древко лука на стене, у меня их целых три, почти коллекция. А самый любимый, тот, что в детстве Виталий

Владиленович сам смастерил. Как бы мамуль ни хмурилась, мол, портит вид комнаты, его выбросить или со стены снять нипочем не позволю!

На другой стене на полках книги и фотки. Мы с мамулю, с Ариэлькой, а больше всего с Кирликом. Одна скромная фоточка с отчимом, очень стеснялась, когда ее в рамочку ставила, и еще больше, когда Кирюшка меня, захлебываясь, Виталию Владиленовичу сдал, а тот хмыкнул.

Еще недавно постерами было все заклеено, солистами рок- и готических групп, про которых мамуль не уставала повторять, что они страшнее атомной войны, в

смысле солисты, хотя и творчество с ее точки зрения тоже.

Мобилка тренькнула, тыкнув на конвертик, прочитала сообщение от Ариэльки:

«Белоснежка, а нас двоих ждали. Оказывается, твоя мамуль моей звонила и предупредила, что мы вместе приедем»...

То, что мамуль пыталась мне что-то сказать, еще там, на площадке, но почему-то так и не решилась, понятно. Как понятно, что что-то не то. Ну ничего, я человек упрямый, к тому же спешить мне некуда, сейчас выведу...

Словно прочитав мои мысли, мама, постучавшись и дождавшись

моего «угу», зашла.

Прежде, чем закрыла за собой дверь, я успела расслышать довольный вопль братишки.

— Как-то не похож он на умирающего лебедя, — проговорила я, не отрывая глаз от мамули.

Та вспыхнула, потупилась и забормотала, что ему да, намного лучше.

— Как и ты не похоже сама на себя, — продолжила я. — Зачем платок на голову повязала? Что за хламида на тебе? Только не говори мне, что модно. Я последние три месяца не в лесу жила, знаю, что модно, а что нет, и что тебя не заставишь макси надеть, если

содержимое декольте не вывалить и руки не открыть... Украшений нет, макияж скромнее, чем у восьмиклассницы, которая у мамки помаду стибрила... Что происходит, ма-ам?

Мамуль ресницами захлопала, зарделась, слушая меня, а потом огорошила:

— Тебе нужно уехать, Сашенька.

Я так и села на свое девичье ложе с открытым ртом.

Мамочка рядом опустилась и за руку взяла. Причем пальцы ее при этом дрожат, а подбородок дергается.

— Мам, что случилось? — спросила уже серьезно. — Если что-то... ты только скажи... У Виталия

Владиленовича... по работе проблемы?

Мама посмотрела на меня удивленно, головой помотала.

— Нет, у Виталика нормально все. У тебя проблемы, Ташечка.

— У меня? Да какие у меня проблемы, мам? Сессию на отлично сдала, кстати, спасибо, что поинтересовалась... Если ты про Гадаева с компанией, так они огребли вчера так, что не только меня, девочек на красной улице за версту обходить будут...

— Саша! — ахнула мама. — Ты откуда о такой улице знаешь? Не к лицу девушке о таком знать, да еще вслух...

— Ну знаешь, мамуль, — опешила я. — Вот чего-чего... а ханжества за тобой раньше не водилось...

В ответ на мой справедливый упрек мамуль и вовсе себя неожиданно повела.

Руку протянула, локон мне за ухо заправила, проведя пальцами по щеке, прошептала:

— Девочка моя, как на отца-то похожа...

— Мама! — моему возмущению предела нет.

Она ведь за все годы со мной ни разу об отце не заговорила!

Тут мамочка встрепенулась, словно какая-то неожиданная мысль

пришла, или что-то с запозданием до нее дошло.

— Погоди. А что с Гадаевым? Это который с первого курса тебе прохода не дает? Ох Ташечка, он не так и виноват. Он не может на тебя не реагировать, Ташечка, никто не может... Да ты, наверное, и сама заметила.

А это уже возмутительно!

— Мама! — возмущаюсь вслух. — Да если бы не мастер Горо, еще неизвестно чем закончиться бы могло.

— Мастер Горо для того и приставлен, — невозмутимо протянула мамуль, поводя точеными плечиками. — Его специально из

Альма-матер прислали... Впрочем, что это я.

— Это еще из какой-такой Альма-матер, мамуль? — вскипела я. — И мастер Горо о ней говорил... Я-то подумала, сэнсэй заговаривается, или спутал меня с кем-то... О документах каких-то говорил, спрашивал, кажется, прибыли они-не прибыли... Я ничего не понимаю, мамуль, честно!

Видимо, чтобы совсем уж меня шокировать, мамулечка побледнела, а еще у нее пальцы задрожали.

— Документы должны прийти? Из Альма-матер?! Беги, Сашечка, беги! Я уже с Ириэлькиными родителями договорилась! Сегодня

дома посидите, только, никуда не выходите, а завтра на океан махнете. Визы вам дадут, у Виталия Владиленовича там знакомые... Солнце, пальмы, п-песок!

Мама деланно заулыбалась, а у меня прям весь запал юмора и оптимизма пропал.

— Я тебе завидую... Живи там, сколько хочешь! — продолжала тархтеть мамуль. — Если денег нужно, я еще перекину! Только, пожалуйста, делай, что я говорю!

— Мама! — невежливо перебила я мамулечку. — Ты объяснить по-человечески мне ничего не хочешь?

— Нет времени, Ташечка, нет

времени! — проговорила мамочка, вцепившись в кисть обеими руками. — Я тебе потом все расскажу, честно-честно, когда все позади будет, а сейчас они в любую минуту могут прийти за тобой.

— Да кто прийти-то должен? — судя по маминому виду, дело тут какое-то серьезное, поэтому спросила, пристально глядя в глаза. Но с таким видом, что меня только бульдозер с места сдвинет, пока мамуль не расскажет.

Мамулечка сглотнула, посмотрела на меня с отчаяньем, и, видимо, сообразив, что не отстану, дрогнувшими губами пояснила.

— От твоего отца.

Меня как обухом по голове шарахнули!

Дежаву такое стойкое, по коже отчего-то мурашки маршировать принялись, в груди ухаает, пальцы на руках и ногах заледенели.

— От отца? — вытаращившись на мамуль, переспросила на всякий случай, от души надеясь, что мамочка разыграть решила, путь и не слишком нормальным способом.

Мамочка порывисто к себе прижала, как я давеча Кирлика, принялась по голове гладить и забормотала:

— Сашечка моя дорогая, девочка моя, ты не понимаешь... Нельзя тебе туда... Ты не такая, как женщины их

мира. Ты совсем-совсем другая. Опять же, не знаешь традиций... Даже то, что из Альма-матер документы пришли, пусть даже так, отец вправе не пустить. А он наверняка захочет тебя в дракарате оставить, или пообещает какому-то клану, а тебе к драконам нельзя, совсем нельзя. Ты не сможешь жить с ними, никак не сможешь... Я хоть и растила тебя, как принцессу, да только не драконью...

Надо сказать, я совсем опешила. Прямо вот в ступор впала. Потому что мамочка абсолютно адекватной и здоровой выглядит, только напуганная сильно. А мамуль мой только с виду нежный цветок, я-то

знаю...

— Мамочка, — осторожно отстранилась. — Ты что... что говоришь такое...

И тут вижу в мамочкиных глазах слезы. И понимаю, что она не шутит.

— Так мой отец жив, — доходит до меня и мамочка кивает.

— Тут ко мне двое пристать пытались, — не знаю зачем, говорю это мамулечке. — И оба с одним и тем же дурацким подкатом. Оба говорили, что от моего отца... Я еще подумала, какая глупая шутка. Принцессой меня называли...

— Где, Сашечка? — дрогнувшим голосом уточнила мамуль.

Я рукой махнула.

— Там, возле академии.

О том, что еще в клубе среди ночи я сообщать, по понятным причинам, не захотела.

— Срочно бежать, — резюмировала мамуль, и вот таким тоном она это сказала, что мне, как спорить, так и шутить как-то совсем перехотелось.

— Я чувствую, это они, — добавила мамочка.

И в этот момент входная дверь тренькнула звонком.

Мама сразу побледнела, чуть не сравнявшись цветом со своим голубым платком и балахоном.

— Поздно, — сорвалось с ее губ. Но мамуль тут же нашлась: —

Сашка! Давай в окно!

— Мамуль, — а вот сейчас уже начинаю подозревать, что у мамулика, как минимум, жар. Напоминаю: — У нас двенадцатый этаж.

Мамулечка вздрогнула, как-то странно на меня посмотрела.

Раздался радостный вопль Кирлика.

— Папа вернулся!

Мамуль тут же бросилась из комнаты. Я — за ней.

Сбегая по лестнице, мамуль крикнула братишке, что это не папа, и чтобы шел в свою комнату. Кирлик нехотя подчинился.

Мамулечка раньше меня к двери

подбежала, я на лестнице стоять осталась, потому что что-то с ногами случилось. Ослабли и как-то свинцом налились. Я замерла, дрожащей рукой в перила вцепилась, смотрю, как мамочка такими же дрожащими руками дверь отпирает.

А на пороге... тот самый брюнет, из клуба.

Высокий, на две головы выше мамочки, широкоплечий, на этот раз в оранжевой майке, что только лучше смуглый цвет кожи подчеркивает, и красивый просто до невозможности.

У мамочки плечи дрогнули, как его увидела, отступила на шаг.

А парень отмочил:

Стремительно опустился на

одно колено, затем, склонив голову, пальцами обеих рук дотронулся до смоляной макушки, лба и груди. У меня нервный смешок вырвался. Хотя если бы знала заранее, что мамочка в ответ вытворит, я бы, наверное, с лестницы скатилась. Потому что она тоже присела стремительно, коленями пола коснулась, и наманикюренными пальчиками по паркету щелкнула, кивнув.

Я обеими руками в перила вцепилась, опасаясь с ума сойти, а мамочка уже распрямилась и сказала парню, который так и застыл с опущенной головой:

— Приветствую, дракон.

Можешь войти в мой дом.

— Я войду в твой дом с миром, госпожа, — сказал парень, поднимаясь.

Стоило ему порог переступить, как он взгляд поднял и меня глазами нашел.

— Приветствую, принцесса, — сказал он, старательно выговаривая слова. — Я Кенджи Кеншин, второй сын предводителя клана Тигрового глаза, Подземного дракарата, и временно поверенный твоего отца, могучего воина и верховного предводителя Огненного дракарата Мичио Кинриу. Я пришел за тобой.

— О как, — вырвалось у меня. — А на колени падать будешь?

Глава 6

Отчего-то мои слова разгневали брюнета, чье имя я так и не запомнила.

Он, конечно, постарался виду не подавать, но у меня по военной психологии всегда самый высокий бал был, а Александр Сергеевич, психолог, нередко замечал, что интуиция у меня на грани фантастики, так-то. Поэтому от меня ни чуть сузившиеся глаза не укрылись, ни расширившиеся зрачки, а также то, как парень зубы сжал. А еще от него сразу опасностью

повеяло. И что-то внутри меня откликнулось на эту опасность. То чувство, которое бывает, когда тебя на спарринг вызывают. Сразу такой прилив адреналина и хочется уделывать противника, показать, кто сильнее.

Я руки на груди сложила, спину выпрямила и презрительно так уголком губ дернула.

На щеках парня желваки заходили, и он презрительно так протянул:

— Дракон не преклоняет колена перед женщиной.

Вот так. Думал, припечатал. Но не на ту напал.

— Врешь, — также презрительно сообщила ему я, отчего

у него глаз дернулся. А я напомнила: — Только что ты тут перед мамуликом чуть не ползал.

Мама ахнула, а парень губы сжал, вперед шагнул, отчего у меня внутренний адреналинщик в пляс пустился.

Но потом брюнет замер и процедил:

— Твоя мать, Джун, госпожа. Хоть и бывшая. Так что церемония приветствия уместна. Ты же...

— Мою маму Юлей зовут, — перебила я парня, а сама подумала, что мамуль предпочитает, чтобы к ней обращались на американский манер, Джулия, но вслух, из чувства вредности, говорить этого не стала.

— Кенджи Кеншин, — подала голос мамочка. — Не будешь ли ты так любезен проследовать в трапезную? Там, за трапезой и беседой, мы поговорим о твоей миссии в этом мире, и, надеюсь, придем к самому правильному решению.

— Эй, мамуль, — прервала я славословие мамочки. — Чейта этому грубияну, который на колени бухнуться отказался, в нашей трапезной делать? И потом, дочери родной, у кого с утра маковой росиночки во рту не было, ты, значит, позавтракать не предложила, а этому...

В меня нехорошо стрельнули

взглядом черных бархатных глаз, а потом вовсе отвернулись.

— Я с удовольствием принимаю твое приглашение, госпожа Джун, — с достоинством ответил мамочке этот, кого как-то на К зовут. Но потом добавил: — Но если ты надеешься за приятной беседой и сытной трапезой отвлечь меня от моей миссии, сразу предупреждаю: тебе это не удастся. Мичио Кинриу вправе потребовать назад дочь, и поэтому твоя дочь вернется со мной в свой мир.

— Что значит, вправе? — опешила я. — Что значит, вернется?

К моему негодованию, ни странный гость, ни мамуль никакого внимания на меня не обратили, а

пошли в столовую, мама впереди, с гордо выпрямленной спиной и задранным подбородком, указывая дорогу, а за ней этот псих, утверждающий, что он от моего отца и вообще не из этого мира.

Я дождалась, пока колени перестанут подкашиваться, а в груди все ухать, вспоминая чарующий голос брюнета, его жгучий взгляд, чуть презрительную улыбку и чертову бездну обаяния, и, наконец, смогла выпустить перила. Стараясь привести дыхание в норму, потопала за мамочкой и этим странным типом, которого мамуль назвала драконом.

Войдя в кухню-столовую, я обнаружила совсем уж

идеалистическую картину: наглый брюнет расселся, как у себя дома, а моя мамуль, в число чьих добродетелей готовка не входит, потчует его блинчиками со сметаной. Золотистыми такими, поджаренными с двух сторон, фаршированными блинчиками. Помимо незыблемого шедевра русской народной кухни на столе обретается мясной рулет, котлеты, рагу, кулебяка с капустой и отбивные в тесте.

И гость наш ест! Жадно, много, только и успеваешь вилкой с ножом махать, пока мамочка ему в тарелку все подкладывает и подкладывает, а оно все исчезает в какой-то черной

дыре.

Пока тарацилась на зверско-здоровый аппетит парня, в животе сжалось и забурчало. Но поскольку меня к столу никто не приглашал, дала бульканью жесткий «отбой», а сама протопала к кофе машине.

Только когда в руках оказалась большая чашка с капучино, источающим обалденный аромат кофе и корицы, горделиво прошествовала за стол. Тут гордость меня временно покинула, потому что аромат в воздухе стоял просто умопомрачительный, а брюнет ел так, как в последний раз.

Когда во рту почти одновременно оказался кусок рулета,

фаршированный блинчик, котлета и щедро посыпанный сыром картофельный салат, чуть не замычала от удовольствия.

Первый голод был успешно утолен и я подтянула к себе чашку с капучино. Гостю же мамуль заварила зеленого чая с жасмином, и мне было хорошо видно, как нежные лепестки распустились в прозрачном заварочном чайнике.

Судя по довольной физиономии брюнета, «трапеза» пришлась ему по вкусу.

— Уважаемый Кенджи Кеншин, — начала было мамуля, но в этот миг из прихожей раздалась раскатистая трель звонка.

Мама дернулась, побледнела, а этот то ли Кенджи, то ли Кеншин, нахмурился.

Мамуль плечиками пожала, и, извинившись, поднялась из-за стола.

Я, старательно не глядя на брюнета, за мамочкой последовала, ощущая на своей, скажем, спине, взгляд, который до мурашек пробирал. Пока шла в прихожую, судорожно соображала, что с гормонами-то делать, ведь никогда до этого так не реагировала ни на одного парня, как на этого, и еще на того, блондинистого...

Когда в прихожую вышла, мамочка дрожащими руками уже дверь открывала.

У меня по спине липкими лапками холодок пробежал, снова появилось ощущение de jà vu. А когда дверь распахнулась, колени уже привычно подкосились.

На пороге стоял блондин.

И взгляд его был через мамочкино плечо направлен. На меня.

Как током прошибло! Синеледяные глаза жгли насквозь, впиваясь в самую душу. В мыслях пронеслось, что еще немного, и потеряю сознание, как какая-то кисейная барышня, если продолжит смотреть. И если не продолжит — тоже.

Взгляд блондин отвел, когда

мамуля сказала:

— Приветствую, дракон.

У меня внутри ухнуло, мир покачнулся, я рукой о стену оперлась. Хорошо, что блондин этого не наблюдал. Как каких-то полчаса назад брюнет, он низко склонил голову и опустился на колено. Пальцами дотронулся до макушки, лба и груди.

Мамуля тоже, к моему негодованию присела, легко, словно ничего не весит, колени на миг на паркет опустила, голубыми ногтями с золотым узором по нему же щелкнула, и поднялась.

— Ты можешь войти в мой дом, дракон, — сказала она.

— Я войду в твой дом с миром, госпожа, — сказал блондин, поднимаясь.

А когда порог переступил, снова в меня своими сине-ледяными глазами впился.

— Приветствую, принцесса, — проговорил он низким, бархатным голосом, и по телу строем пошли мурашки. — Я Ичиро Исами, первый сын предводителя Ледяного клана, и временно поверенный твоего отца, могучего воина и верховного предводителя Огненного дракарата Мичио Кинриу. Я пришел за тобой.

— Дежаву, — вырвалось у меня.

Блондин нахмурил брови и переспросил:

— Что?

— Что, — пробормотала я, отчаянно надеясь, что голос не дрожит. — И ты на колени падать не будешь?

Блондин нахмурился еще больше, губы и вовсе вытянулись в одну линию.

— Дракон никогда, — начал было он, а потом переспросил: — Что значит, и ты, принцесса?

— Так пришел уже доверенный от папеньки, — нагло сообщила ему. — Припозднились вы, сударь.

В это время как раз брюнет из коридора вышел, обдав волной жара, а я в него пальцем тыкнула:

— Вот он.

На лицах, что у одного, что у второго, ярость проступила, стоило им друг друга увидеть.

— Ты лжешь, — прошипел брюнет, прожигая взглядом блондина. — Я — поверенный отца принцессы.

Тот нехорошо так прищурился, и протянул.

— Ты обвиняешь меня во лжи? В то время как сам, в обход данного тобой слова, проник в дом госпожи Джун?! Был уговор: не входить в дом принцессы! Ты его не выполнил.

— Не выполнил, — подтвердил брюнет. — А ты сам тогда, что здесь делаешь?

На лице блондина на миг

мелькнуло замешательство, и он проговорил:

— Ты же знаешь, что совсем не осталось времени. Врата скоро закроются, и прежде, чем лучи заката коснутся Лазурного моря, принцесса должна быть возвращена верховному предводителю Огненного дракаррата Мичио Кинриу.

Брюнет руки на груди сложил и бросил:

— Принцесса будет возвращена. Я, поверенный Мичио Кинриу, даю свое слово. А ты уходи.

Блондин шаг навстречу сделал, всего один, а мне, которая рядом с брюнетом стола, захотелось в стену вжаться. Потому что одно дело, когда

одному их них вызов бросаешь, другое — когда их двое, оказывается. У меня впервые в жизни инстинкт самосохранения проснулся. Хотя наверно, это еще и слабость в коленях сказалась, и гормоны, которые вот-вот, как тогда, с катушек съедут.

— Это ты уйдешь, а я доставлю принцессу домой, — невозмутимо сказал блондин, и я заметила, как у него перекатываются на груди и могучих руках мускулы. Он сжал и разжал пальцы, и шагнул вперед.

— Отойдите, женщины, — небрежно обронил брюнет и устремился навстречу сопернику.

Не успели мамочкины пальцы сжать мои, как начался бой!

Два вихря сошлись в диком, первобытном танце! В воздухе мелькали ноги, руки, вздымающиеся белоснежные локоны сменяли другие, черные, как ночь. Все происходило в такой пугающей тишине, что я слышала, как гулко звучит мое сердце.

Я никогда не видела ничего подобного, даже мастер Горо на тренировках и совместных спаррингах не был так хорош, а ведь японец — один из лучших, кого вообще видела в жизни.

Я стояла с открытым ртом, чуть не капая слюной на паркет, вздрагивая каждый раз, когда в воздухе мелькала рука или нога, когда из-под смертоносного удара уходил противник... Я с силой сжала мамины руки, закусил губу, не в силах отвести взгляд от происходящего.

Мозг озарило молнией, что то, что я чувствую, не просто интерес, не просто отслеживание невиданной до сего момента техники боя... Немыслимая сила, исходящая от этих двоих была ощутима физически, я почти видела, как каждый из них излучает сияние, тот, что с белыми волосами, белоснежное, с

голубизной, словно неоновый свет, а брюнет — какое-то багряное, со сполохами крошечных молний. Ореол искр окружал бойцов, и как вчера я понимала, что у Гадаева с компанией нет ни шанса выстоять против этих двоих, так и сейчас осознавала, что силы противников равны.

Я не очень поняла причину, по которой они сцепились, кажется, кто-то из них говорил о лжи... Каким-то женским чутьем я понимала, что это неважно. Независимо от внешней причины эти двое сражались... из-за меня, и это было совсем непохоже на драки, которые бывали из-за меня до этого,

в большинстве из которых, я, кстати, сама с удовольствием принимала участие.

Нет... сейчас где-то в глубине царило осознание собственной важности, значимости, гордости и, пожалуй, бесценности, именно потому, что двое сильнейших из виденных мной людей бились между собой, и причиной была я!

Это осознание смешалось с настоящей гормональной атакой, я ахнула, чудом устояв на ногах, и оторопело заморгала, когда мамочка обняла за плечи и чуть потрясла.

Мамуль смотрела на меня с такой понимающей улыбкой, что я зарделась. А когда прочитала в глазах

мамули какую-то смертную тоску, смогла, наконец, немного притушить гормональный пожар.

— Мама, ты его любила? — вырвалось у меня.

Мамочка старательно так ресницами захлопала, зарделась, как девочка, и я невольно подумала, что она у меня еще очень-очень молодая, и до безумия красивая.

— Кого? — неправдоподобно переспросила мамуль.

— Моего отца, — тихо сказала я, и мамочка сглотнула.

Прежде чем ответ сорвался с ее губ, глаза блеснули, словно их озарило внутренним светом.

— Как можно не любить

дракона? — прошептала мамочка.

Я понимала, что то, что говорит мама, какая-то шутка, сказка. Но эти двое, кого мама назвала драконами, что дерутся прямо в холле нашей немаленькой квартиры, казались до того нереальными, невозможными, с этой их силищей и моим гормональным ответом на нее, что вместо того, чтобы усмехнуться, я выпалила:

— Так это правда? Что мой отец дракон?

Стоило словам сорваться с губ, как внутри разлилось странное, незыблемое спокойствие, и что-то подсказало, что да, правда.

Мама кивнула, и в глазах у нее

блеснули слезы.

Я хотела спросить, как так, но тишину прорезал тонкий веселый голосок.

— Ух ты, Сашка, это из-за тебя эти дерутся, что ли? Твои эти... однокурсники? Ты говорила, что они дебилы.

Мы с мамочкой оглянулись — на лестнице застыл Кирюшка, мордочку высунул между деревянных перил.

К моему изумлению, эти двое тоже замерли. И вот сколько бились, а на лицах даже испарины нет!

— Кирилл! — строго сказала мамуль. — Что за выражения?

— Так ведь это не я, а Ташка так говорит, — нашелся братишка и

пожал плечами.

Не успела я ответить братику, как за меня это сделал блондин:

— Мы с Кенджи Кеншином выясняли, кому из нас сопровождать принцессу Таши Кинриу во дворец великого Мичио Кинриу.

По ступенькам лестницы затопали ножки в сандаликах.

— Это Ташка-то принцесса? — без особого почтения уточнил братишка.

— Совершенно верно, — ответил ему блондин, а у меня в груди потеплело.

Братик замер на лестнице, перевел серьезный взгляд на меня, словно смотрел другими глазами, и,

наконец, важно обернулся к гостям.

— Она и вправду красивая, как в мультике. Не зря ее все Белоснежкой зовут, — сдал меня этим двум Кирлик.

— Ки-ир, — нехорошо протянула я. Но братишка меня не слушал.

— А где вы так драться научились? Я видел, как Ташка дерется, ей до вас далеко.

Я насупилась, а братику ответил брюнет:

— Мы обучались азам в Альма-матер, и закрепляли свои навыки в боях.

— В Альма-где? — переспросил Кирлик.

— В Альма-матер для драконов, — ответил на этот раз блондин.

А у меня внутри кольнуло, когда вспомнила, что об этой самой Альма-матер и мастер Горо говорил, и мамуля. Причем, кажется, сэнсэй что-то о документах говорил, которые оттуда прийти должны, а мамочка упоминала, что даже если будут эти самые документы, отец вправе туда не пустить...

— Так вы друг другу из-за этого физиономии чистили, — спускаясь по лестнице, Кирлик, видимо, решил вывести некоторых на чистую воду. А если Кирюха что-то решит... — Из-за того, кто мою сестру в эту вашу

драконью мать повезет?

Мама ахнула, явно не одобряя поведения сына, а эти двое как-то тревожно переглянулись, а потом брюнет закашлялся, а блондин ему по спине похлопал.

— Женщины не бывают драконами, — до неприятного надменным голосом произнес брюнет, откашлявшись.

Блондин добавил:

— И уж тем более не учатся в Альма-матер.

— Мы здесь, чтобы забрать принцессу, которая принадлежит Огненному дракарату и доставить ее в родной Золотой клан, отцу.

Братик покивал, хмурия бровки,

словно что-то понял, а потом спросил с надеждой и придыханием в голосе:

— А мне в эту драконью мать можно? Страсть как хочу также драться научиться! Я тогда Толика и Павлуху в садике так уделаю, что мало не покажется. Я буду великим воином! Очень-очень великим воином!

— Кирилл! — возмущенно воскликнула мамуль, но братик на нее даже не взглянул. Вниманием Кирлика безраздельно владели гости.

— Ты человек, рожденный от человека, — терпеливо объяснил блондин братишке. — И принадлежишь этому миру. Тебя не

примут в Альма-матер, где обучают драконов.

Личико будущего великого воина сморщилось, нос и щеки покраснели. Прежде, чем по пухлым щекам заскользили влажные дорожки, он сообщил блондину:

— Тогда, по-моему, ты дурак!

— Вот именно! — согласилась с братиком я, бросаясь Кирюхе навстречу. В следующую секунду уже обняла братишку, и, обернувшись, к блондину, презрительно бросила: — Великовозрастный дурак! Совсем не умеет с детьми разговаривать!

— Я не ребенок! — запротестовал братик, а брюнет смерил блондина уничижительным

взглядом и приосанился.

— Я согласен с братом принцессы.

Кирлик шмыгнул носом. «Братом принцессы» ему явно больше нравилось быть, чем «человеком, рожденным от человека».

Мамулечка, которая разрывалась между нами с Кирюшкой и не в меру наглыми гостями, наконец, сказала:

— А не пройти ли нам всем в трапезную?

Кирюшка даже носом шмыгать перестал. Уставился на мамуль во все глаза, и мокрыми ресничками захлопал, мол, что у нас, в квартире место есть, о котором он не знает?

— Мама кухню имеет ввиду, — перевела я для братика.

Гостей дважды приглашать не пришлось. Бросив напоследок виноватый взгляд на нас с Кирюхой, они важно проследовали за мамочкой.

Мы с Кирликом условились, что не хватало нам плакать еще перед этими дураками, и вообще, что мы врагу не сдаемся, и тоже следом потопали.

На кухне, за круглым, покрытым лаком, столом, мамуль потчевала уже двоих гостей, который сминали предлагаемое со скоростью овощерезки. Я же себе еще одну чашку капучино сделала, а братику

пирожные из холодильника достала.

Вкус любимого напитка я едва ли уловила. Если несколько минут назад меня один требовал к папеньке, то теперь их двое. И еще подраться успели между собой, за право меня в их драконий мир уволочь. От перспективы остаться наедине с одним из них внутри все трепетать начинало, а пальцы подрагивать. Мамуля бросала на меня настороженные взгляды и хмурилась, отчего между ее тщательно прорисованных бровей обозначалась вертикальная морщинка.

Пользуясь случаем, пока мамуль с этими двумя светские беседы вела,

мол, чего вам подложить-с, извольте-с, а как там у вас погода? Не душат ли Водные?.. и все в этом духе, я исподтишка наших гостей, наконец, более детально рассмотрела.

Потому что поначалу они какими-то похожими показались, только прически разные. Но потом поняла, что это явно из-за моей странной реакции на них обоих произошло. Вот и сейчас смотрю и внутренние оплеухи себе отвешиваю, чтобы слюнями стол не закапать. Потому что посмотреть есть на что.

Брюнет... Он более смуглый, и типаж такой... южный, что ли... и вместе с тем с правильными очень, хоть и хищными чертами. Овал лица

вытянутый, но из-за широких, красиво вылепленных скул ближе к круглому все же. Брови густые, очень выразительные, глаза темные и властные, а взгляд уверенный до умопомрачения. Веера ресниц такие... что девчонки обзавидуются! Длинный прямой нос с хищными крыльями ноздрей. Подбородок квадратный, с ямочкой. А губы полные, такие принято называть чувственными (хотя мне такое определение мужских губ претит). Добавить сюда крепкую шею, широкий разворот плеч, ярко выраженную мускулатуру... какой-то ореол силы и мужества, исходящий от парня, и понятно, почему стоит

столкнуться с ним взглядом, колени подкашиваются...

Блондин... Он, оказывается, совсем другой. Нет, по части мускулатуры они одинаковые какие-то, только, если в брюнете ярко выраженное хищное что-то... То в этом оно тоже есть, но другое. Это как сравнить между собой уссурийского тигра и снежного барса. Вроде хищности и здесь не занимать, но она какая-то... более изысканная, что ли. Овал лица у блондина вытянутый, скулы высокие, подбородок волевой, упрямо торчит вперед. И при этом черты лица какие-то более аристократичные. Нос с едва заметной горбинкой

тонкий, губы четко очерченные, лоб высокий. Глаза... В них сложнее всего смотреть. Потому что стоит угодить в эти синие омуты, как что-то внутри паниковать начинает, словно говорит, все, обратной дороги не будет. Поэтому, стоило блондину мой взгляд перехватить, я сделала вид, что ему за спину пялюсь, в окно. И у него по губам едва заметная усмешка скользнула, отчего у меня внизу дернуло.

Помотав головой, стараясь делать это незаметно, что в общем-то непросто, я снова на кофе сосредоточилась.

В общем, я поняла, что они разные национальности

представляют. Или расы даже. Непонятно, как у них там все устроено...

Сделав глоток капучино, я подумала, что этих двоих можно запросто представить в каких-то немыслимых нарядах... Похожих на что-то среднее между средневековыми камзолами и самыми последними моделями, чуть ли не фантастическими скафандрами даже, только с четкими линиями, а еще какими-то искрящимися и переливающимися. Причем, стоило закрыть глаза, брюнет представлялся в темно-багровом чем-то, а блондин — в чем-то серебристом, что невероятно шло

к его белоснежным волосам.

Кирлик, пока я парней разглядывала, пирожное умял, только усы от крема над губой остались, и с дрожью в голосе спросил:

— Мамочка, а тебе тоже, как и Сашке, с этими ехать надо?

При этом голос у «будущего великого воина» предательски дрогнул.

Блондин бросил на меня взгляд, и моргнул пару раз, когда увидел, что я ему кулак исподтишка показываю. Несколько извиняющимся тоном он сообщил Кирюхе:

— Врата в наш мир для госпожи Джун закрыты навсегда. Ведь будучи женой дракона, она снова вышла

замуж... за человека.

У мамули глаза как-то странно потухли, а я, несмотря на просиявшую физиономию Кирлика, процедила:

— Ты Виталия Владиленовича не трожь, понял?

Кирюшка, явно воодушевленный моей поддержкой, сурово проговорил:

— И сестру я с вами не отпускаю, понятно? Или будете иметь дело со мной!

К чести этих двоих, смех сдержать они смогли.

Глава 7

Блондин с брюнетом обменялись им одним понятным взглядом, затем на Кирлика посмотрели и синхронно вздохнули.

— Скажи, — спросил блондин братишку. — А зачем тебе в Альма-матер, если воинским приемам я тебя прямо сейчас научить могу?

— Я против, — вырвалось у мамочки, но ее слова потонули в громогласном:

— Ур-ра! — от «великого воина».

— Не волнуйся, госпожа, —

шепнул блондин мамочке, и та сразу успокоилась, словно знала, что не обманет.

Блондинистый встал, братишке руку протянул, и Кирюшка липкую ладошку в нее доверчиво вложил.

Когда блондин с братишкой скрылись, брюнет, почему-то к мамуле при этом обращаясь, сказал:

— Принцессе следует поторопиться. Вещей с собой брать не стоит. Все равно вещи, в которых она привыкла появляться в увеселительных заведениях по ночам, и днем, — взгляд его скользнул по моим плечам и груди, — не пригодится в Огненном дракарате.

— Что значит, вещей с собой брать не стоит? — возопила внутри меня «Ариэлька».

— Что значит, по ночам в увеселительных заведениях? — нахмурила брови мамуль.

— Один детей обижает, второй — ябеда, — буркнула я под нос. — Мамочка, да не слушай ты его! Ты лучше скажи, правда все это? И что тебе обратно хода нет?

— Да, Ташечка, правда, — ответила мамочка. — Выходя замуж за Виталика, я навсегда закрыла для себя врата. Думала, что для нас обеих...

Голос мамочки дрогнул.

— А что, если и для меня эти

самые врата закрылись? — подумала я вслух.

Брюнет посмотрел на меня впервые, не мазнув взглядом, а пристально, глаза в глаза.

— Я настраивался на тебя, принцесса Таши Кинриу, — сказал он. — Подозреваю, что Ичиро Исами тоже. Это значит только одно.

— И что же это значит? — перебила я брюнета.

— Что для тебя врата в родной мир открыты, — сказал он.

А у мамочки при этих словах подбородок дрогнул.

— Мама! — позвала ее. — Ты для этого для Виталия Владиленовича замуж вышла? Чтобы

нас обеих защитить?

Мамуль не ответила, но и без того понятно было, что я права.

И мне так грустно стало. Получается, мамочка собой пожертвовала, для себя путь обратно закрыла, чтобы меня защитить, а все зря.

Из холла раздался восторженный вопль Кирлика и мне стало грустно вдвойне. То есть это мамочка сейчас тут останется, с братишкой, а мне с этими неизвестно куда ехать? В мир, о котором сегодня впервые услышала?

— А если откажусь?

Темные глаза брюнета нехорошо сверкнули.

— У тебя нет выбора, принцесса. Врата скоро закроются, но стоит мне коснуться тебя, как мы унесемся сквозь пространство и окажемся на территории Огненного дракарата, на землях клана Золотого дракона.

Перевела взгляд на мамочку. У нее глаза подозрительно блестят.

«Ничего не поделаешь», — говорил ее взгляд, и у меня внутри все сжалось.

Этих двоих я в бою видела. От таких не уйдешь. Что мне стоило часом раньше мамулечку послушаться и бежать со всех ног к Ариэльке? Мамочка, конечно, про врата эти знала, отсюда и наряд ее

странный, и обильная «трапеза». Она знала, что за мной придут, и приготовилась, чтобы их отвлечь... а я все взяла и испортила.

— Чем быстрее ты смиришься со своей участью, принцесса, тем лучше, — проникновенно произнес брюнет.

И вот зря он это сказал. Про мое смирение. У них, там, может, судя по мамуличкиному фаряду, женская эмансипация еще в зачаточном состоянии находится, если не в проекции... Но меня что, зря мамуль с Виталием Владиленовичем воспитывали? Поощряя независимость, самостоятельность, решимость и

смелость? Да я с детства по военно-спортивным лагерям, я в академии лучшая на потоке, меня, вон, и мастер Горо выделяет...

— Смирюсь? — издевательски переспросила брюнета. — Ну-ну. Интересно, зачем я вообще папахену понадобилась... Восемнадцать лет, значит, не вспоминал, а теперь сразу двое поверенных! С чего бы? Или и вправду, как мастер Горо говорит, из Альма-матер вашей документы пришли и мне предстоит увлекательное обучение в драконьей академии?

Брюнет на мамулю беглый взгляд бросил.

Коротко спросил:

— Кицунэ?

Мамочка не ответила, потупилась. И мне как-то эта ее новая роль с излишней покорностью совсем не нравилась.

А брюнет ко мне повернулся, взглядом своих черных глаз прожег, так, что лоб испариной покрылся и захотелось вдруг во всем-во всем с ним соглашаться. Потому что рядом с этой силищей, что от него исходит, я себя слабой почувствовала и уязвимой, и при этом защищенной, что моей какой-то исконно бабской дурной природе очень понравилось. Но это всего лишь пару секунд длилось.

Спустя несколько мгновений,

пока я на него чуть не с открытым ртом таращилась (позор-то какой!), на смуглое, открытое лицо с правильными чертами, на красиво облепленные скулы, на подбородок волевой... в глаза отчего-то смотреть не решилась, опустила взгляд ниже, а там так хорошо грудные мышцы развиты, и он ими словно невзначай, поигрывает, и на прессе кубики под майкой просматриваются, кажется, я даже слюну сглотнула... Так вот, спустя несколько мгновений я себя мысленно по щекам отхлестала, а дурной бабской сущности пообещала что-то страшное с ней сделать, пока не придумывалось, что именно, но сильно страшное.

В следующий миг я брюнетистому в глаза посмотрела, прямо и открыто, как равная (потому что перед этим равной себя никак не чувствовала).

Я готова была поклясться, у него, в его черных, как ночь глазах, огоньки горели!

И взгляд такой надменный был, взгляд победителя.

Победителя женщин. Фу. Даже думать о таком противно.

И стоило мне в его глаза прямо посмотреть, как огоньки в них затрепетали, как пламя на ветру, морда лица не такая уже самодовольная стала, скорее, удивленная, а у меня внутри,

наоборот, внутри тепло разлилось, что-то словно крылья расправляло, и показалось, что я каким-то внутренним слухом чей-то раскатистый рев слышу. И был этот рев такой желанный, такой родной, и тело внезапно какой-то легкостью и сладостью налилось, по сравнению с которой все эти бабские реакции — тьфу и растереть, вот что!

У брюнета лицо все больше и больше вытягивалось, а у меня, должно быть со стороны все более надменным выглядело, как у него давеча.

Вдруг огоньки в его глазах вспыхнули, как будто кто-то изнутри на них подул, так, что даже

заискрились, отчего мне отшатнуться захотелось, взгляд отвести, потупитья, как мамуль, но рев послышался снова, и был он каким-то... одобрительным, что ли.

Готова была поклясться, на лице брюнета в этом момент досада мелькнула!

Не знаю, сколько бы мы еще в гляделки играли, если бы не мамочка.

Тоном снежной королевы, от которого у меня внутри все возликовало, потому что именно такую я мамочку знаю, а не эту новую, в хламиде и покорную до невозможности, мамуль произнесла:

— Ты нарушил гостевой закон,

дракон, — сказала она брюнету.

— Почему? — переспросил он нарочито невозмутимо, а вид виноватый при этом, как у кота, что сметану сожрал.

Мамочка же, по тону слышала, злилась. И хоть разговор мне был не особо понятен, вслушивалась в каждое слово.

— Ты обещал войти в мой дом с миром, Кенджи Кеншин.

И брюнет взгляд опустил! Перед мамулечкой! И смущенно закашлялся в кулак! Я мир расцеловать была готова отчего-то, а внутри, тихо-тихо, раздалось утробное ворчание. Довольное.

— Я не сделал ничего плохого,

госпожа Джун. Я чту традиции.

Но мамочку так просто с толку не сбить.

— Ты проявил драконью силу, чтобы воздействовать на мою дочь.

— Госпожа Джун, но это моя истинная природа, ее не спрячешь, — попытался оправдаться брюнет.

— Я не об истинной силе! — вскипела мамуль. — Я о том, что ты воздействовал на нее драконьей притягательностью, обаянием. Это недопустимо!

Я старательно переваривала услышанное. И хоть по-прежнему мало понимала, то, что этот брюнетистый красавчик на мне

какой-то запрещенный прием применил, было ясно, как божий день. Также, как то, что я против этих его дешевых трюков выстояла!

Брюнет, метнув на меня быстрый взгляд, подтвердил:

— Твой упрек справедлив, госпожа Джун. Но твоя дочь достойный соперник. Тем желаннее ее получить. Подземному дракарату нужна такая принцесса. С Таши Кинриу клан Тигрового глаза станет сильнейшим в дракарате!

И снова у меня внутри произошло какое-то раздвоение: одна половинка визжала от восторга, готова была сорваться с места, хлопая в ладоши, потому что этот

самый красавчик-брюнет явно
вознамерился меня «получить».
Вторая же, более привычная мне,
негодовала и подбивала хозяйку
съездить невесть что возомнившему
о себе брюнету прямо по его
красивой физиономии.

Третья (некстати появившаяся) и
вовсе спросила моим голосом:

— А кто такая Таши Кинриу?
Это словосочетание кажется мне
знакомым.

Мамуль с брюнетом
переглянулись, причем он так с
нажимом на нее посмотрел. Но
мамочка не протестовала. Вздохнув,
она сообщила:

— Это твое имя, Сашунь.

Истинное имя, которым тебя нарекли при рождении.

— Так, — не выдержали мои нервы. — Требую все и немедленно рассказать мне! Вот прямо все, и желательно, побыстрее. Я так понимаю, этим двоим не терпится меня папахену доставить, и некие врата им помогут, поздняк, что называется, метаться. Но я настаиваю на разьяснениях! Очень настаиваю!

Мамочка ангельским голосом спросила у брюнетистого, не желают ли они-с чаю-с. На что они-с согласились-с. Чем только больше меня разозлили.

Злая я затолкала в рот

фаршированный блинчик, и, пока мамуль чай заново заваривала, а брюнет, последовав моему примеру, заново принялся желудок набивать, я пошла к кофе-машине и капучино себе сделала. Огромную чашку, чтобы на весь их рассказ хватило.

Наконец, мамуль снова уселась, и подлив черноглазому чаю, уперла локти в стол и принялась рассказывать.

Голос мамочки слегка дрожал, как и ее губы, глаза затуманились... мамулечка вспоминала.

— Мое истинное имя Джун, дочка, — начала она. — Джун — значит, послушная. Так меня называли при рождении. Родилась я от

человека, рожденного драконом. Я принадлежала клану Огненной птицы, когда родилась.

— Стоп, — перебила я. — Что значит, принадлежала? Ты была членом этого клана, мамуль?

Мамочка помотала головой. Видно было, что признание дается ей нелегко.

— Нет, милая, — сказала она. — Я женщина, а в моем мире женщина может только принадлежать.

— Свинский мир! — припечатала я, отчего глаза брюнета сузившись, полыхнули пламенем.

— Не смей говорить о мире драконов в таком тоне, женщина! — возвестил он, играя желваками.

— Не смей говорить со мной в таком тоне, мужчина! — возвестила я не хуже его.

Брюнет хотел еще что-то сказать, но мамуль ладонь подняла, а потом выразительно ногтем циферблат на своих часиках постучала.

Она продолжила рассказ.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, меня подарили великому воину, верховному предводителю Огненного дракарата, Мичио Кинриу.

— Что значит, подарили? — опешила я. — Ты что — вещь, что тебя дарить можно? Нет, с каждой секундой я все больше и больше хочу в этот чертов мир! Должен же кто-то

навести там порядок!

От такого брюнет даже чаем поперхнулся.

— Госпожа Джун, — выдавил он, не глядя на меня. — Как вы воспитали свою дочь?!

— Как принцессу, — ответила ему мамочка и посмотрела на него долгим взглядом.

— Понятно? — уточнила я, чувствуя к мамочке благодарность.

— Она не ведает традиций! — вскипел брюнет. — Она не ведает своего места!

— Это интересно, — вскипела уже я. — Это какого-такого-эдакого места я не ведаю? Может, просветишь?

— И просвещу! — нагло пообещали мне.

— Разве что, во сне! — ответила я.

— Перестаньте! — воскликнула мамуль. — Ведете себя, как дети...

Мы с брюнетом демонстративно отвернулись друг от друга.

— Мичио Кинриу, мой господин и повелитель, оказал мне великую честь, взяв меня в жены.

— Это что это за честь такая? — возопила я. — Да за тобой Виталий Владиленович два года ухаживал! Да у нас дома корзины цветов не переводились! Да я еще тебя подкалывала постоянно, что ты, должно быть, балерина, потому что

только балеринам ведь такие дарят!

Не помня себя от возмущения, я переключилась с мамуль на брюнета.

— Она ведь все его подарки поначалу возвращала! Ничего не принимала! На какой козе он только к ней не подъезжал! А предложение семь раз делал. Семь! Только на седьмое согласилась! И каких! От облаков в виде ее имени до белых голубей на поле, тоже в форме ее имени! Да он к нашему дому в латах и на белом коне приезжал, с оркестром, если что! Подъезд цветами выстилал! А вы мне тут про честь какую-то великую лепите?! Да отчим ее на руках носит, чтоб ты знал, и не перестает повторять, как

она его осчастливила!

— Твою мать взял в жены не какой-то смертный, а дракон. Это честь для женщины, — высокомерно пояснил брюнет. — Ей еще соответствовать надо! Не каждая достойна стать женой дракона.

— В чем-то он прав, Сашуня, — сказала мамуль, и от этого ее «в чем-то» у брюнета глаз дернулся.

— Он мог оставить меня наложницей, — пояснила мамочка.

— Наложницей?! — я даже задохнулась от возмущения. — Тебя — наложницей?! Это что там, каменный век сейчас, в вашем мире? Мне дубинку с собой взять и каменный топор, чтобы от

ополоумевших самцов отбиваться?

Брюнету мой пассаж про самцов не понравился. Как и про каменный век.

— У драконов — великая цивилизация! — возвестил он.

— Ага, то-то я вижу, какая великая! — огрызнулась я. — Женщин своих прессуете!

— Что делаем? — не поняла брюнет.

— В черном теле держите, вот что! — пояснила я, но брюнет все равно недоуменно моргал.

Не успела я пояснить популярно, что к чему, как в «трапезную» вошли блондин с Кирликом. Причем Кирлик ехал на плечах блондина.

Встрепанный, покрасневшийся и сияющий, как голда из Архейджа.

Я залюбовалась братиком. Так приятно его счастливым видеть!

— Таша, я теперь столько всего знаю! — сообщил он.

Я опустила взгляд с братишки на блондина и приказала гормонам оставаться на месте. Ну как приказала, попыталась. Он, оказывается, смотрел, как я братишкой люблюсь. Губы его при этом в усмешке растянулись, почти нежной. Почти — потому что физиономия до неприличия надменная при этом была. Но я буду не я, если я и с этого спесь сейчас не собою. А если он попытается меня

«к стенке припереть», как только что этот, брюнетистый...

Но блондин не попытался (чему что-то внутри почти оскорбилось).

Он устало опустился на стул, рядом с брюнетом, и я только сейчас поняла, что какой-то он бледный. Даже изможденный. Вокруг глаз круги, дышит тяжело... Перевела взгляд на братика и с трудом удержала возглас изумления. От Кирлика еле заметное сияние исходило. Бело-голубое. А физиономия до того счастливая и довольная, каким я братишку вообще никогда не видела.

Из раздумий вывела мамуль.

— Я никогда не забуду, что ты

сделал для моего сына, дракон, — сказала она.

Белый улыбнулся немного вымученно, а затем произнес:

— Пустое, госпожа Джун.

— А что он сделал такого? — уточнила я у мамочки.

— С Кирюхой драконьей силой поделился, — пояснила она мне. — Это бесценно для человека.

— А ты как же? — вырвалось у меня.

Белый при этом улыбнулся, немного снисходительно, что, учитывая ситуацию с Кирликом даже как-то не обидно было, а брюнет наоборот, нахмурился.

— Я восстановлюсь, — сказал

он мне, улыбаясь. — Драконы быстро восстанавливают силы. А что касается твоего брата, госпожа Джун права: человеку не помешает сила дракона.

Я только ресницами хлопала, придумывая слова благодарности, потому что за братишку любого порву... или расцелую! Но брюнет все испортил.

С чуть издевательской улыбочкой он произнес:

— Ты герой, Ичиро Исами. Но на восстановление тебе понадобится время, значит, ты не сможешь принцессу через ворота вести. Придется мне...

И он деланно вздохнул.

Блондин тут же плечи распрямил, и, несмотря на усталость на лице, явно собирался брюнету ответить. Но я опередила.

— Эх, — сказала я брюнету. — А ведь почти симпатичным сразу показался. А теперь вот, два косяка за тобой... Падаешь в моих глазах, стремительно падаешь...

Блондин при этом приосанился, а брюнет обиженно спросил:

— А второй косяк?

— Женщин уважать надо, — многозначительно процедила я.

— Ну-ка, великий воин, иди-ка сюда? — позвал он Кирлика и руки к братишке протянул.

Кирлик посмотрел на брюнета

недоверчиво, но потом, должно быть, «великий воин» сделал свое дело, потому что на плечи к брюнету все-таки перебрался.

И я буду не я, если братишка сразу еще больше не засветился!

Мама ахнула, когда Кирлик обмяк как-то и брюнет его аккуратно с плеч снял и на коленях у себя разместил.

Мамуль возмущенной мне ладонь на руку положила и пояснила:

— Он просто заснул, Сашечка. Принять драконью силу, даже немного, для человека тяжело. Но все хорошо будет.

— Спасибо, — сказали мы с мамулей в один голос брюнету и тот

на блондина с видом победителя посмотрел.

— А вот теперь и у тебя принцессу через ворота вести сил не хватит, — коварно сообщил блондин, улыбаясь во все зубы.

— Ребят, а вас никто объединять силы не учил? — вздохнула я. — Что вы как бодливые бараны.

— Принцесса смирилась со своей участью? — деланно обрадовался брюнет, улыбаясь, как и блондин, во все зубы.

— Принцесса понимает, что выбора у нее нет, — в тон ему ответила, а затем добавила: — Но принцесса желает знать, что с мамулей дальше было, после того,

как на ней отец женился.

И мы втроем уставились на мамочку.

— Да, — пробормотала она, — я стала седьмой женой верховного предводителя Огненного дракарата.

— Седьмой?! — вырвалось у меня.

Блондин с брюнетом недоуменно переглянулись, брюнет при этом еще глаза, гад, закатил, мол, до чего же я отсталая.

— Да у вас там настоящий каменный век! — возопила я. — Да где же видано, по семь жен иметь! Небось и эти ваши, наложницы или кто там, есть, да?

Брюнет губы поджал, а блондин

пояснил:

— Одна женщина не может насытить темперамента дракона. Наши традиции чтут и оберегают женщин, именно поэтому драконы берут себе несколько жен, и наложниц, да. Почему нет?

— До потому, что это свинство! — заявила я. — Потому что нельзя так с женщинами! Потому что...

— Остальные шесть жен уже родили твоему отцу сыновей, — продолжила рассказ мама, и я вынуждена была замолчать. — А у меня родилась дочь.

— Это я в курсе, — сообщила я. — Что дочь. Умница и красавица,

да, мам? И что дальше? Как мы в этом мире оказались-то? Ты сбежала от изверга и тирана, и вообще из этого психованного мира, где женщин в грош не ставят, а об эмансипации даже и не слышали?

Мамулины губы растянулись в улыбке, а вот на этих двоих было страшно смотреть.

Глаза у обоих загорелись, причем у одного темным пламенем, а у второго... голубым! Неоновым! И так это им шло, что я даже на нахмуренные брови и на желваки, гуляющие на щеках, внимания не обратила.

— Не смей говорить так о нашем мире, женщина, — процедил

на этот раз блондин.

— Не смей говорить со мной в таком тоне, мужчина, — уже привычно отозвалась я и на мамулю глазами показала: — Интересно же, что дальше! А если тебе не интересно, не мешай!

У блондина глаз дернулся, а мамочка продолжала.

— Ты не понимаешь, Сашенька. От драконов рождаются только мальчики. Причем не каждый из мальчиков рождается драконом. Я родилась именно от такого отца. Рожденный драконом, но не дракон. Это сильно повышало мою ценность, на рынке, так сказать, невест. Больше шанс, что я смогу родить дракону

сына, который станет драконом, понимаешь?

— Понимаю, — подтвердила я, хотя понималось не очень-то. — Почти все, честно. Кроме одного. Ты говоришь, что у драконов рождаются только сыновья. И в то же время сказала, что родила дочь. Меня. Эт как?

Мамочка усмехнулась.

— Вот так, — сказала она. — И поскольку ты для драконьего мира — чудо и вообще единственная, твой отец решил спрятать тебя в этом мире. Конечно, я отправилась с тобой. Он не хотел отпускать, но таково было мое условие: чтобы нас не разлучали. Понимаешь, когда

женщина дарит дракону дитя, она вправе попросить об одной вещи, и дракон выполнит ее. Моей просьбой было не разлучаться с тобой.

— Мамочка моя, — в глазах защипало. — Мамулечка. Ты лучшая мамуль на свете. Честно-честно!

— Мичио был вне себя. Я, сумевшая родить ребенка в первый же год замужества, я, подарившая ему тебя, дочь, я, Джун, послушная, не попросила, а потребовала — уйти в этот мир с тобой. Чего он мне только ни предлагал! Я была непреклонна. Я хотела быть со своим ребенком, и я осталась с тобой!

Даже оба дракона посмотрели на мамуль с восхищением. Чего уж

обо мне говорить. Я даже носом хлюпнула. А не было бы этих двоих тестостероновых — рыдала бы сейчас в голос у мамуль на груди.

— Он требовал, угрожал... но ничего не смог поделать. Мы перенеслись в этот мир.

— Он так любил тебя, мамочка? — спросила я, ничуть не сомневаясь, что мамулечку можно не любить.

Эти двое обменялись странными взглядами, а мамуль грустно улыбнулась.

— Любовь — это слабость, милая, — сказала она. — А дракон не может быть слабым. Тем более, верховный предводитель целого

дракарата. Мичио... уважал меня, даже почитал за то, что подарила ему тебя, но...

— Тогда понятно, почему ты Виталия Владиленовича выбрала! — ядовито припечатала я.

Мамочка зарделась и, к неудовольствию этих двоих, кивнула.

— Я просто не знала, что можно любить женщину так, Таша, — сказала она доверительно, словно одни с ней сейчас. Что можно не только любить самой, ведь дракона невозможно не любить, Ташечка, а быть любимой... очень любимой.

Мамулечка покраснела, а эти снова переглянулись.

— Госпожа Джун, — начал было

блондин.

— Вам не кажется, что вы вкладываете в голову принцессы недостойный мысли? — поинтересовался брюнет.

А мамулечка только плечиками точеными пожала и рассмеялась. Как будто хрустальные колокольчики зазвенели в воздухе. В этот момент я ее больше, чем обожала. Я ее боготворила!

Но видя, что этим двоим явно есть, что возразить, решила не давать им такой возможности.

— Мамуль, — опередила я возмущенного блондина. — Это все безумно интересно, знать свою и твою историю, честно, но одного в

толк не возьму: что сейчас папахену от меня понадобилось-то? Через восемнадцать лет-то?

Мамочка побледнела, губы кусать начала, а эти двое, наоборот, приосанились.

Глава 8

— Я же говорила, Сашенька, — сказала мамуль, — что на рынке невест в первую очередь ценятся те, кто был рожден от тех, кто из рода драконов... В некоторых кланах есть даже традиция: определенное количество сыновей допускается к инициации, а другим... не создают для этого условий... Точнее, наоборот, создают. Но другие. Ох, доченька, это сложно, очень сложно, ты не создана для того мира!

— Мамуль, — напоминаю, — ближе к делу.

Мамочка кивнула и продолжила:

— Я — рожденная от человека, рожденного от дракона, я считалась невероятной удачей для господина Мичио... Ты же... Ты даже не рожденная тем, кто не смог стать драконом, ты рождена от самого дракона, понимаешь?

— Не понимаю, — помотала я головой.

— Ты способна подарить мне самых сильных сыновей, женщина! — не выдержал брюнет.

А блондин тут же вмешался:

— Ты хотел сказать мне, Кенджи Кеншин?

— Я сказал, что хотел, Ичиро

Исами, — ответил второй.

— Стоп! — вмешалась я. — Это меня что, в качестве породистой самки домой забирают?!

Мамуля побледнела, а на лицах этих двоих проступило облегчение, мол, слава небу, до нее, наконец, дошло. И вот это было обидно.

— Удел женщины — слушаться мужа и рожать сыновей, женщина, — возвестил брюнет, кажется, его зовут Кенджи Кеншин, язык сломаешь!

— Это кто тебе сказал? — удивленно хлопаю на него ресницами.

— Традиции, — встал «на подмогу» блондин.

— Сказать, что надо делать с

такими традициями? — злюсь.

— Попробуй, женщина, скажи, — посоветовал брюнет, нехорошо сверкая глазами.

— Я говорила, — пробормотала мамуль, и мы все замолчали, прислушиваясь. — Нельзя Ташечке в драконий мир. Она росла вдалеке от драконьих традиций, она не рождена для того, чтобы просто рожать господину сыновей...

— У меня никогда не будет господина! — возвестила я.

— Тебе понравится, — уверенно сказал брюнет.

При этом глаза его сверкнули багрянцем, а у меня внизу живота дернуло теплой волной.

Превозмогая гормональную атаку, показала заразе брюнетистой неприличный жест, отчего мамочка покраснела, а лица у обоих драконов вытянулись.

— Ей нельзя назад, — повторила мамуль, причем сказала это умоляюще, словно надеясь, что эти двое передумают.

— Верховный предводитель Огненного дракарата, Мичио из клана Кинриу пообещал, что подарит единственную дочь Ледяному клану, если наш клан поддержит его в грядущей войне, — терпеливо объяснил блондин мамочке.

— Войне?! — переспросила мамуля.

— Водные совсем
распоясались, — пояснил брюнет. —
Верховный правитель Огненных
собирает кланы. И весь Подземный
дракарат поддержал предводителя
Огненных. Я, второй сын верховного
предводителя Подземного дракарата,
тому подтверждение. Поэтому
принцесса обещана нам!

— Принцесса обещана
Ледяному клану, — стиснув зубы,
произнес блондин. — И я выступаю
поверенным предводителя Мичио.

Брюнет завозившегося Кирлика
по голове погладил и уложил
поудобнее.

— Принцесса обещана клану
Тигрового глаза, — возразил он

блондину. — И если ты представляешь какой-то отдельный клан, то я представляю целый Подземный дракарат. И это я являюсь поверенным отца принцессы.

— Эй! — оборвала я их перепалку. — Мало ли кому я там обещаю. Всем, кому должна, прощаю. Я не вещь, не игрушка, не приз, чтобы меня обещать, понятно вам? А вот в мир ваш действительно слетаю, хотя бы ради этой вашей Альма-матер, или, как говорит Кирлик, драконьей матери! Я таких приемов нигде не видела. Не волнуйся, мамуль, я туда и обратно!

Что тут с этими двоими случилось! И глазами засверкали, и

зубами заскрипели! Наверно, если бы не спящий Кирлик, сейчас бы мне мало не показалось. Потому что прежде чем говорить, брюнет дыхание перевел, словно про себя до десяти считал, а потом выдал с бесячей ухмылочкой:

— Конечно, ты не вещь, принцесса.

Не успела я в себя прийти от удивления, как блондин добавил:

— Ты — награда. Самая бесценная награда и тебя получит достойнейший!

— А вот и не угадал, — огрызнулась я. — Так, сидеть тихо, не будить мне ребенка. Я пока пойду, вещички соберу. И поеду с вами. В

Альма-матер это вашу.

Драконы тревожно переглянулись.

— В Альма-матер не обучают женщин, — сообщил брюнет.

— Только драконов, — подтвердил блондин.

— Женщины не бывают драконами, — попытался воззвать то ли к моему разуму, то ли к совести, брюнет.

— Ташечка, — пробормотала мама, и голос у нее дрогнул.

— Ну а чего, мам, — попыталась ее успокоить я. — Ты же понимаешь, они меня так или иначе с собой утащат.

Мама кивнула.

— На свою беду, — ядовито припечатала я.

Мама улыбнулась и снова кивнула.

— А я всю жизнь о Шаолине мечтала... Просто об этой их Альма-матер не слышала... Но она, мам, знаешь, что?

Мамуль вся превратилась в слух.

— Она мне снилась, — призналась я.

Эти двое снова какими-то встревоженными взглядами обменялись.

— А значит, я должна попробовать, — сказала я.

— Ташечка, — прошептала мама.

— А с папиком я договарюсь! — пообещала я. — Он еще пожалеет, о том, что раздает обещания моей руки направо и налево, и вообще кому ни попадя! Ну мам, что я, зря все детство по спортивным лагерям, зря я в академии лучшая на курсе? Убедим папахена. Не сомневайся!

— Ташечка, — повторила мама.

— Без меня не улетать, — это я этим двоим. — Я быстро.

И унеслась из «трапезной».

Оказавшись в комнате, принялась кидать вещички в рюкзак.

Рюкзак выбрала самый вместительный, походный. Но когда место в нем закончилось, принялась второй набивать, справедливо

рассудив, что провожатых у меня двое, вот и рюкзака должно быть два. Когда во втором рюкзаке местечко закончилось, с сомнением на третий рюкзак посмотрела. С одной стороны, самой по их драконьему миру поклажу таскать не хотелось, но вот куда я там без туфель на шпильках с камушками? Или без красного, в обlipку, платьишка? И без бeльишка черненького с кружевом? И без помады Claris, алой такой? У них там, наверняка хуже...

За раздумьем и застала меня мамуль, когда тихонечко, как мышка, в комнату прошмыгнула.

— Сашечка, — сказала она. — Я там им еще вкусностей

предложила...

— То, что они пролоты, я заметила, мамуль, — ответила я, привставая на цыпочках, чтобы достать еще один рюкзачок из шкафа. — Как не лопнут-то...

Рюкзачок поддался, вместе с горой барахла, что лежала на нем, и я оказалась сидящей на пятой точке, под этой довольно-таки немаленькой горой погребенная.

— Не о том речь, Сашечка, — сказала мамочка, помогая мне разгрести барахлишко. И снова завела старую шарманку: — Беги!

— Куда, мамуль? — удивилась я. — Ты же понимаешь, они по любому достанут! Ты их скорость

видела?

— Но врата скоро закроются, — сообщила мамуль. — Если удастся убежать и скрыться от них за океаном... Следующий случай представится не раньше, чем через год...

— Э, мамуль, — пробормотала я, извлекая из груды вещей на полу сдутый волейбольный мяч и зачем-то запихивая его в третий рюкзачок. За мячом вслед отправились две гантельки. — Ты вроде любила этот мир...

Мамуль на меня глазки вытаращила и ресничками захлопала.

— Сама говоришь, здесь лучше, чем у этих извергов, которые женщин

наложницами делают, — пояснила я. — А сама хочешь на целый год здесь двух драконов оставить?

— Но Ташечка! — перебила меня мамуль

— Но мамулечка! — ответила в ее же тоне. — Нечего им здесь бесчинствовать, по городам да весям девиц воровать, или чем там честным драконам положено заниматься? Не хватало еще! Вдобавок, они сами сказали: их дело меня папахену доставить, а дальше разберусь. Я буду не я, если не смогу убедить его меня в эту их драконью мать отправить.

— Ты не знаешь Мичио, не знаешь своего отца, доченька, —

пробормотала мамуль.

— А он не знает меня! — возразила ей.

Мамочка недоверчиво на меня посмотрела и робко улыбнулась.

— Ты меня воспитала лучше некуда! — честно сообщила ей. — О такой муми-маме как ты, только мечтать можно, знаешь?

Мамочка зарделась, попробовала отмахнуться и воззвать к серьезности момента, но меня ж было не остановить.

— А знаешь, почему ты муми-мама? — спросила ее коварно.

— Потому что всегда все разрешаю, — стараясь казаться раздраженной, проговорила мамочка.

— Именно! — сообщила я.

Муми-мама распахнула мне объятия, и я с визгом в них бросилась. Обнимала ее крепко-крепко, вдыхала ее запах: безумно дорогих духов, домашнего очага и чего-то невыразимо родного, подозреваю, именно так пахнет любовь. Безусловная, материнская... Которая просто тебя любит. Ни за что-то, ни даже вопреки чему-то. Просто она есть и она не может не любить.

— Мамулечка, — прошептала я.

А мамочка меня по голове стала гладить, как маленькую.

— Видно и вправду, девочка моя, судьба, — прошептала я. — Сама

видишь, для тебя этот мир слишком тесный, слишком маленький. Ты дочь дракона! И хоть женщины драконами не становятся, крылья у тебя есть! Уж я-то знаю!

— Есть, мамочка! — реву я (да, стыдно, а что поделаешь?) — Ты меня очень-очень правильно воспитала. И знаешь, что? Я сегодня где-то глубоко внутри рев слышала! Вот! Так что я и в самом деле дочь дракона. И теперь в это верю. И ты конечно извини, но очень интересно посмотреть на мир, к которому оказывается, принадлежу. И драконов хочется увидеть. Очень-очень. Настоящих, а не на картинках.

И вот говорю все это, и с

запозданием замечаю, что мамочка, отстранившись, смотрит на меня с открытым ртом.

— Что ты слышала, Ташечка? — оторопело спросила она. — Что?

Я не сразу поняла, о чем она, а когда дошло, пояснила:

— Ну помнишь, когда мы с этим, на «к», в гляделки играли...

— Ты еще его взгляд выдержала... — охнув, пробормотала мамочка. — Взгляд дракона...

— Ну да, наверно, — согласилась я. — Мне внутри что-то помогло. — Я как будто рев внутри услышала, как будто моя сущность, моя истинная природа протестовала против того, чтобы я перед этим

наглецом спасовала. Понимаешь?

Мама головой помотала, встряхнулась, точно щенок, который из воды вылез.

— Вот что, дочка, — сказала она, и глаза ее при этом сверкнули решимостью. — Вы когда через врата пойдете, небом тебя заклинаю, настраивайся на воспоминание об этом, хорошо? Как можешь, настраивайся. Это очень серьезно. А если его еще раз вызвать сможешь... Хотя чего там, видно для этого нужно, чтобы тебя спровоцировали... Но все же, может, хоть чуть-чуть получится...

За дверью раздались шаги.

— В общем, ты поняла? —

спросила мамуль, хмурясь и я закивала, мол, поняла, поняла, не волнуйся.

У мамулечки, непонятно отчего вырвался вздох облегчения, а в дверь постучали.

— Входите, раз пришли, чего уж там, — любезно пригласила я.

Вошли они без Кирлика. Блондин сообщил маме, что «мальчик спит в своей комнате», и мамуль кивнула. Оба дракона тут же принялись шарить глазами по моей девичьей опочивальне. А я, воспользовавшись тем, что они на фотки начали пялиться и маму о них расспрашивать, к третьему рюкзачку вернулась.

— Это мы в Греции, — поясняла мамочка драконам, словно они понимали, где это. — Это Ташенька с Иришкой в Испании...

Кто-то из двоих недовольно засопел и я хихикнула. Ну не виноваты мы с Иришкой, что там, кроме нас на фотке еще десять испанцев.

— Это Ташечка в Тайланде, — пояснила мама. — На слоне.

Кто-то тяжело задышал, а я, вспомнив, что на слоне я в купальнике, а слоник поливает меня из хобота водичкой, снова хихикнула.

— Это в Гималаях, — словно извиняясь, сказала мамуль.

— Я готова! — возвестила я и

мамочка облегченно вздохнула.

Подхватив с пола самый легкий, где только платишки и бельишко, рюкзак, я, красноречиво взглянув на оставшиеся два, поинтересовалась.

— На чем поедем? И откуда отправляемся? На волшебном автобусе, как в Гарри Поттере? У-и-у! Хочу!

— Кто такой Гарри Поттер? — поинтересовался брюнет.

— Мы пойдем через ворота, — ответил блондин. — Прямо отсюда.

Он оглянулся и добавил:

— Хотя из холла лучше. Просторней.

— Ну, так кого мы ждем? — поинтересовалась я, и, схватив

мамулю за руку, потащила ее из комнаты.

Мамочка меня за плечи приобняла и всхлипнула. Но как-то после нашего разговора наедине она приободрилась, плечи расправила, подбородок вздернула. Конечно, была у нее грусть во взгляде, но уже не та самая тоска, что раньше. Словно мысль о том, что я в мир драконов еду, уже мамочке такой ужасной не казалась.

На лестнице меня что-то задержало, чуть дернув назад.

Я оглянулась, недоумевая. А у меня блондин рюкзак забрал, и с видом собственного превосходства на брюнета покосился.

— Спасибочки, — говорю. — Ты, кажется, Ичио Исами?

— Ичиру Исами, — поправил блондин, а у меня внутри от его голоса флейты заиграли.

— Неважно, — возразила я. — Ты, Ичиру Исами, мо-ло-дец!

Брюнет при этом на блондина недобро глазами сверкнул.

— Что? — спросила. — Тоже хочется быть молодцом?

— Он просто первый шел, — пробурчал Кенджи Кеншин. — Я бы и сам не позволил принцессе нести поклажу.

— Похвально, — кивнула я. — Если так уж сильно хочешь быть молодцом, я сейчас.

И унеслась обратно в комнату.

Спустя минуту вышла обратно и принялась спускаться по лестнице. Задом. Потому что катила за собой чемодан на колесиках.

Надо сказать, и у драконов, и у мамулечки глаза округлились. А я недоуменно плечами пожала и брюнету торжественно чемодан на колесиках вручила. Терпеливо показала еще, как ручка выдвигается. Для удобства.

В конце концов, я девушка интеллигентная. А куда мне без книг?

Мишень Монтень с его «Опытами», диалоги «Платона», его же «Государство»... А также все

семь томов цикла Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»... Наш философ бы сейчас мной гордился. Ну или ржал, что более вероятно. Ну а как еще брюнета оставить в неведении, кто такой Гарри Поттер? Вот утащит меня в свой Подземный дракарат, хоть читать научу...

Кенджи Кеншин, хоть слегка пятнами пошел, чемодан взял. Рядом с собой поставил. Зубами при этом так скрипнул, что наверно, даже Кирлик, наверху, в своей спальне, сквозь сон, услышал.

— Сашечка, — смущенно мамулечка протянула, когда увидела, что я с собой лук захватила. Тот

самый, что Виталий Владиленович сам вырезал. А за спиной колчан со стрелами.

— А что такого-то? —
вопросила у мамули, кивая на лук. —
Оружие в этом их драконьем мире не
помешает. А лук... Виталий
Владиленович вырезал. Мне он как
память еще дорог. Да у них там
наверняка хуже делают!

Драконы возмущенно так
переглянулись.

А мы с мамочкой стали
прощаться.

Крепко-крепко так обнялись, и
мамулечка шепнула:

— Не забудь настраиваться на
свой рев, доченька.

И словно в ответ на ее слова что-то внутри заворчало. Многообещающе так.

Мамуль прямо засияла изнутри.

— Я верю, у тебя все получится, — сказала она.

— Я знаю, мамулечка, — ответила ей, а у самой в глазах щиплет. — Ты всегда в меня верила. И знаешь, что? Поцелуй от меня... папу.

Тут у мамочки по щекам мокрые дорожки потянулись, у меня, признаться, тоже.

— Он тебя любит до безумия, — сказала мамочка. — Всегда любил, как родную.

Я кивнула.

— Он знает?

Мамуля закивала.

— Он всегда гордился, что в нашей семье растет дракончик, — сказала она.

— Спасибо вам обоим, — прошептала я и снова прижала мамулечку к груди.

Тут драконы сказали нам посторониться, а потом за руки взялись, а другие перед собой выставили. И у одного из-под пальцев белая струйка света поползла, а у другого — багряная.

И вот они в воздухе тянулись, пока не встретились, и стоило им сомкнуться, как стены чуть задрожали, а посреди нашего холла

стало проступать в воздухе огромное кольцо. Наполовину белое, наполовину багряное. Я ахнула, до того зрелище захватывающее. Искры, что бегут по кругу и окрашиваются в зависимости от половинки в серебристый или багряный, так и сверкают, отбрасывая блики на стены, а серединка манит, затягивает, как воронка.

— Подойди, принцесса, — сказал блондин.

— И встань между нами, — сказал брюнет.

Лица у обоих при этом сосредоточенные, напряженные... Ясно, что им нелегко эти самые ворота удерживать... Но мне при этом

все равно... Потому что какая-то неудержимая сила внутри просто рванулась к этим двоим! Словно меня накрыло гигантской волной, закрутило, ударило о камни и поволокло в океан!

Меня звало, манило, утаскивало. Внутри все пело, все ликовало. Я чувствовала, что я иду домой! Что там, где-то далеко-далеко, мой мир! И там меня ждут. Истинную меня, меня настоящую, ту, что всю жизнь, оказывается, толком и не знала, но которую всегда чувствовала, всегда любила всей душой!

Я пискнуть не успела, как оказалась между драконами.

Осторожно, словно до самого

главного на земле сокровища дотрагиваюсь, разомкнула их руки, вцепившись в них, как клещ.

И меня словно током прошибло!

Но было это так волшебно и волнительно, что страха совсем-совсем не было!

Было чувство полета, было ликование, было физическое ощущение крыльев, распахиваемых за спиной, как парус!

Я думала, мы пойдём навстречу вратам, но это врата на нас двинулись. Серебристо-огненный круг прямо на нас поплыл, а пространство стало искривляться, расплываться. Четкой оставалась только граница приближающегося

круга.

— До свидания, доченька! —
донесся откуда-то издалека мамин
голос. — Берегите ее, драконы!
Ташенька, не забудь, что я тебе
говорила!!

А мне так хорошо было...
просто держать за руки этих двоих...
так тепло, так здорово...
Пространство искрило, мир
вибрировал, врата пылали... Я с
трудом поняла мамины слова.

О чем это не забывать? Что она
говорила?

А потом вспомнила: мамуль
напоминала о внутреннем реве.

И тут же настроилась.

Попросила:

«Где ты? Дай еще раз послушаю...»

Сначала было тихо, сладкий омут врат утягивал все глубже. А потом внутри что-то взорвалось!

Рев был таким громким, таким свирепым, что чуть не оглохла! Показалось даже, что слышу его со стороны, но в следующий момент поняла, что нет. Изнутри. Этот рев был моим! И слышать его было... было... фантастически! Ни одна гормональная встряска с ним не сравнится!

Рев звучал и звучал, словно приветствуя врата, а они заполнили собой все пространство, превратившись в полыхающий

серебром и багрянцем тоннель, через который мы понеслись! И не было ни верха, ни низа, ни права, ни лева, ни прошлого, ни будущего! И настоящего тоже не было! Только сверкающий тоннель, только сильные руки драконов, что держали меня!

Я не знаю, сколько это продолжалось, потому что в один момент все кончилось, а когда опять появилось, я как-то не успела отследить.

Причем пришла в себя от ругательств и даже проклятий.

Проклятия были адресованы не мне, они звучали в принципе. Судя по голосам, ругались эти двое.

— Это все ты виноват! Зачем

было делиться с человеком силой!
Вот и не вытянули!

— Кто бы говорил! Сам между прочим, тоже поделился! Теперь только ждать восстановления!

Я открыла глаза, и первое, что увидела, было небо.

Синее! Пронзительное! А солнце белое-белое! И облака белоснежные, только не с голубизной, как у нас, а чуть зеленоватые!

А потом обрушились запахи, и какие-то звуки, фоном!

Нежные и очень насыщенные цветочные ароматы разливаются в

воздухе, густом-густом, сладком-сладком. А добавить сюда звонкую птичью трель, жужжание насекомых, порывы теплого и одновременно освежающего ветерка... Неудивительно, что ругань этих двоих отошла сразу на второй план.

В носу засвербело. Я потерла переносицу, но не помогло. Я чихнула и села.

Оказалось, что сижу в высокой траве, мягкой, шелковистой. Стебли колышутся в воздухе, словно водоросли. А вокруг целое море цветов! Синие-синие, как небо, шарики, качают головками, ярко-розовые стручки колышутся от дуновения вечерка, нежно-лиловые

бутоны, один-в-один наши пионы, только эти размером с голову, благоухают так, что про-о-осто!...

В воздухе раздалась нежная трель и я зачарованно проследила звук взглядом, а потом у меня рот приоткрылся. Прямо передо мной с цветка на цветок перелетело... перелетела... Я сначала приняла э т о за стрекозу. За бирюзовую, переливающуюся на солнце, стрекозу... А это оказалась крохотная, красивая до невозможности куколка с голубыми волосами и в бирюзовом струящемся платьице. За спиной — переливающиеся в солнечных лучах крылышки, стрекозиные,

трепещущие... А в руке крохотное ведерко с какими-то блестками.

— Рот закрой, цветы слюной закапаешь, — любезно посоветовали мне звенящим голоском, но, что закономерно, я не обиделась.

Фея фыркнула, поправила голубой локон и скрылась со своим ведерком в ближайшем пионе. Вскоре оттуда донеслась нежная, чарующая мелодия.

Я оторопело помотала головой, разглядывая мир, который видела до этого только во снах. И они казались невозможными и фантастическими.

Стебли травы зеленые, голубоватые и бирюзовые. Как и пышные шапки папоротников, и

деревьев вдалеке. При этом видно, что деревья — огромные просто! На каждом — хоть дом строй. В синем-синем небе парят какие-то существа. Не драконы, их бы я отличила, но и не птицы, а какие-то огромные-огромные... летучие мыши, что ли?

Земля содрогнулась, и я, проследив взглядом звук, увидела, как по бескрайней бирюзовой равнине несется стадо невиданных существ: шестиногих то ли слонов, то ли лошадей... Огромные, в каких-то щитках, с двумя хоботами, они куда быстрее слонов, и больше и явно сильнее тех же лошадок...

Только сейчас с запозданием до меня дошло, что драконы все это

время продолжают ссориться.

Я приподнялась, встала на ноги. Меня немного покачивало, а в голове шумело. Надо думать, после перехода.

Царапнуло шею и я любовно погладила древко лука, который, оказывается, кто-то заботливо повернул так, чтобы не мешал мне валяться в траве, но когда встала, поправила, перекинув древко через плечо.

— Эй! — позвала драконов. —
Че за шум, а драки нет?

Те уставились на меня непонимающе, словно впервые видят.

Для убедительности пощелкала пальцами. Не помогло.

— Это я, — сообщила им. —
Ваша принцесса. Вы меня в этот мир
притащили, на травку уложили
отдыхать, а сами ссориться, да? Не
пройдет этот номер, сразу
предупреждаю. Я тоже хочу.

Лица у обоих вытянулись. А
затем брюнетистый пробормотал
что-то, типа «этого еще не хватало,
разговаривать на повышенных тонах
с женщиной».

Я на «женщину» поморщилась и
пообещала ему это припомнить и
обернулась к блондину. Тот воспрял
от моего внимания, рукой в сторону
махнул.

Я послушно туда повернулась,
куда показывал.

И ахнула, зажав рот рукой.

Вдалеке возвышается гора.

Огромная, покатая, в зеленовато-бирюзовом покрывале деревьев. А на макушке горы расположилось ало-золотое здание, очень на буддистский храм похожее. Храм из моего сна! Как и это самое место!

Это оно мне вчера снилось! Этот мир, это синее небо, белое солнце, гора эта с этим храмом на макушке! И солнечные лучи точно так же от него отражались, и даже издалека слепили глаза.

— Проклятье! — снова повторил блондин в сердцах.

— Это еще почему? — не в силах оторвать взгляд от храма,

спросила я.

— Да потому что это не Огненный дракарат Кинриу, — ответила за него брюнет.

Мне, если честно, все равно было.

— А чейта? — поинтересовалась я.

— Это священная гора Такэхая Сусаноо-но Микото, — пояснил блондин.

— Эм, — протянула я. — И чем это нам грозит?

— Неприятностями, — ответил блондин, сжав зубы.

— Большими неприятностями, — подтвердил второй дракон.

Глава 9

— Так, — подытожила я. — Давайте договоримся, это для меня неприятности, сами подумайте: я, нежный цветок и вообще лапочка, попала в ваш мир, как кур в ощип, а вы меня еще и не к папахену доставили, а уволокли к какой-то сусано... куда вы уволокли-то меня?

— Ты и вправду нежный цветок, — сверкнув глазами, сказал Кенджи Кеншин, который брюнетистый. — Хоть сама мнишь себя сильной и независимой, равной мужчинам!

Я не успела ответить, потому что заговорил блондин. При этом он вперился в меня своими горящими льдинами глаз, так, что удивилась, как на ногах устояла.

— Никогда! Слышишь?! Никогда не произноси имена богов все!

— А что я такого сказала-то? — удрученно пробормотала я.

— Только небо уберегло тебя от того, чтобы исковеркать имя великого Такэхая Сусаноо-но Микото! — продолжал наседавать на меня блондин. — Если мы сказали, что у нас неприятности, значит, так и есть! А ты — своим невоздержанным языком стремишься их увеличить!

— Причем многократно! —

добавил Кенджи Кеншин, который тоже принял свирепый вид.

Признаться, я растерялась, и поначалу даже потупилась. Я понимала, что драконы правы, и стоит их слушать... поначалу, но это их чувство собственного превосходства, с которым отчитывали меня, как школьницу, бесило. Поэтому тут же задрала подбородок и ответила:

— Да ладно вам лечить, терапевты! Двое на одну! Тоже мне, драконы...

Оба, и блондин, и брюнет, сначала побледнели, а потом синхронно побагровели. По искаженным яростью лицам я

поняла, что попала в самое больное место, что в общем-то было нетрудно.

Прежде, чем они снова начнут давить меня драконьим авторитетом, быстро проговорила:

— Тихо-тихо, сами виноваты! А что возмущению нет предела, это потому что правду сказала. Не к лицу драконам на одну беззащитную девушку накидываться! И вообще, вы маме меня беречь обещали!

Пальцы брюнета сжались в воздухе, словно сомкнулись на горле врага, и, подозреваю, что это был за воображаемый враг. А у блондина на щеках желваки заиграли, а ледяной взгляд чуть не прожег насквозь.

Довести драконов до белого каления моей целью не было, по-крайней мере, пока, поэтому честно сказала:

— Я вовсе даже за, чтобы про вашего главного бога послушать, и про других тоже, честно-честно, но прежде, чем мы приступим к этой увлекательной дискуссии, давайте для начала познакомимся.

Брови обоих приподнялись, что значит ярость сменилась удивлением, и я тихонечко так, облегченно выдохнула.

— Но мы знакомы, принцесса, — недоуменно проговорил блондин, Ичиро Исами который.

— И ты даже начала

произносить наши имена вслух, — добавил Кенджи Кеншин. — А твое имя — Таши Кинриу, что в твоём мире звучит, как Белоснежка, мы так знали.

Я чуть скрипнула зубами. Вот кто тянул за язык Кирлика? Я, между прочим, про Белоснежку хотела умолчать, потому что не дай бог эта сказочка есть и в этом мире, тогда, что-то мне изнутри подсказывает, эти двое точно подкалывать будут!

— Ваши полные имена я запомнила, — сказала я. — Но их пока выговоришь — язык сломаешь. И длинные они. Мне надо придумать, как вас укороченно называть. Для моего исключительно удобства.

— Длинные? — усмехнулся брюнет. — Да ты других не слышала, принцесса. Но если твоему женскому уму тяжело запоминать длинные имена, конечно, можешь их укоротить, ради своего, исключительно удобства.

При этом брюнет нехорошо так усмеялся, да еще слова растягивал, гад, словно подчеркивал этим мою женскую тупость, и то, что я с трудом себя сдерживаю, чтобы не запустить в него чем-нибудь, от наглого дракона не укрылось, конечно же. Он даже как будто ждал, когда я из себя выйду. Но я на провокацию не поддавалась, понимая, что если решу этой заразе

брюнетистой навалить по первое число, может быть неудобно. Мне.

Поэтому стою себе спокойно, ручки на груди сложила и смотрю выжидательно, что еще скажет. Затянувшаяся пауза вызвала улыбочку блондина, и брюнет понял, что зря меня задирает.

— Я — Кенджи Кеншин, принцесса, — сказал он. — Второй сын предводителя клана Тигрового глаза, из Подземного дракарата. Кенджи переводится как Сильный второй сын, а Кеншин — Сердце меча. Ты можешь называть меня, как тебе удобней.

— Я — Ичиро Исами, — в свою очередь, представился блондин. —

Ичиро — значит, первый сын, а Исами переводится, как Храбрый. Я первый сын предводителя Ледяного клана, принцесса.

— А почему он из какого-то дракарата, а ты только клан назвал?

— Ледяной клан не принадлежит ни к одному из дракаратов, — сказал Ичиро Исами. Всего дракаратов четыре: Огненный, где верховный предводитель твой отец, Подземный, Водный и Воздушный. Ледяные драконы не могут относиться к водным, мы живем не на воде, как они, а в горах. Не можем также относиться и к воздушным, чей дракарат расположен на парящих островах.

— С кланом разобрались, — резюмировала я. — Значит, дракаратов здесь по каждому на стихию. Теперь с именами. Тебя, Ичиро Исами буду называть просто Исам, что значит храбрый, я запомнила, и тебе, несомненно, приятно. А тебя, Кенджи Кеншин, просто Кеншин, Сердце меча. О том, какие по счету вы сыновья в моем мире каждый раз обозначать неприято, поэтому воспользуюсь традициями, которые все-таки мне ближе.

— Тебе придется привыкать к новым традициям, — нахмурившись, сообщил Исам.

— Это возмутительно! —

поддержал его Кеншин. — Женщине следует проявлять больше уважения к драконам!

— Эй! — осадила их обоих. — Еще немного и будете Иса и Кеша! Этого хотите?

Судя по нахмуренным бровям, сжатым в линии губам и пылающим недобрым пламенем глазам, хотели драконы вовсе не этого.

— Отличненько, — подытожила я, пока они снова не рассвирепели. — Теперь моя очередь. Зовут меня Александра. Кто-то зовет Сандрой, кто-то Сашей, Сашуней, Сашулечкой, кто-то Ташей. Ташей, пожалуй, зовут чаще всего.

— Тебя зовут Ташей, — сказал

Исам. — Потому что твое имя Таши.

— Таши? Не Таша? Вы уверены?

— Уверены, — нехотя ответил брюнет. — Таши означает живопись.

— Чудно, - сказала я и пояснила драконам: — Всегда была в восторге от живописи, особенно от японской.

Блондин улыбнулся, и на этот раз не обидно, а как-то нежно, что ли, и у меня сразу колени ослабли. Поэтому я излишне торопливо проговорила:

— Теперь, когда мы так чудесно познакомились, можно топать в дом, или что там у него, моего отца.

На меня посмотрели даже как-то с жалостью.

— А что не так? —

поинтересовалась я. — Сейчас-то что такого сказала?

— Женщины, — буркнул Кеншин, и Исам, судя по поджатым губам и кривой ухмылке, был с ним солидарен.

— Так, вы опять? — воскликнула я, но договорить мне не дали.

— Мы не в Огненном дракарате, принцесса, — пояснил Исам. — Мы в двух днях пути от священной горы Такэхая Сусаноо-но Микото.

— Да это я поняла. Как и то, что вам здесь не нравится, — заверила я их.

Оба подняли очи к небу, а я обиженно пробормотала.

— Сами сказали, что у нас большие неприятности.

На этот раз на меня посмотрели внимательнее, а потом еще понимающим взглядом обменялись. Мне эти игры в гляделки из серии «небо, до чего же она тупая!» надоели, и я добавила:

— А если неприятности, чего теперь кипиш наводить? Драпать нужно отсюда!

— Драпать? — переспросил Кеншин.

— Ну да, драпать, — ответила я. — В смысле тикать.

— Тикать? — переспросил Исам.

— Господи, да какие ж вы

непонятливые-то! — вскипела я. — Драпать, тикать, валить, драть когти, идти отсюда, ножками, топ-топ, топ-топ.

Для пущей убедительности я ножками затопала.

На меня посмотрели со смесью недоумения, жалости и нежности. Я фыркнула.

— Ты не понимаешь, принцесса, — сказал, наконец, Исам. — Драпать не получится. Это же гора Такэхая Сусаноо-но Микото!

— Ну и что, что гора Такэхая Сусаноо-но Микото? — старательно выговаривая каждый слог, спросила я. — Всего делов, значит, идти не к горе, а от нее. Вон, равнина какая

красивая! А вы здесь мнетесь, и меня, между прочим, задерживаете!

— Горя Такэхая Сусаноо-но Микото не отпустит от себя, — хмуро сообщил Кеншин.

Я посмотрела на гору, на ало-золотой храм на вершине, на фоне синего, бездонного неба... над храмом сделало круг что-то огромное и крылатое.

На вершину этой горы хотелось смотреть и смотреть, не отрывая глаз. Нечеловеческим усилием воли я все же отвернулась.

— Ну, вас она быть и гипнотизирует... — пробормотала я. — Что же до меня...

— Драконы не подвержены

гипнозу, — перебил меня брюнет.

— Ну не гипноз значит, — тут же нашлась я. — А социально-культурные обуславливающие факторы.

— Что? Какие факторы? — спросили у меня уже одновременно.

Я вздохнула, нехорошо улыбнулась Кеншину, мол, помню-помню, как ты меня душой назвал. Судя по поджатым губам Кеншина, он почти об этом жалел. И вот мне это «почти» не нравилось.

— Ну, — протянула я с умным видом, старательно копируя интонации нашего философа. — Вы воспитывались там... у себя... в дракаратах... в почтении к всяким

священным горам, а я нет. На меня не действует. Так что я пошла.

С этими словами я поудобней пристроила лук, поправила колчан за спиной и ринулась наискосок через поле, под спасительную сень деревьев. Потому что солнце было уже довольно высоко, и припекало.

— Принцесса! — раздалось сзади злое.

— Подожди!

— Не смей ходить здесь одна!

Ага, остановилась, как же. Судя по сопению сзади, которое вскоре меня нагнало, эти двое за мной пошли. А судя по звукам подпрыгивающих на рытвинах колесиков, Кеншин мой чемоданчик

с книжками не бросил, что не могло не радовать.

Путь через поле, по которому еще недавно бежали странные существа, похожие на лошадей и слонов одновременно, занял куда больше времени, чем мне поначалу представилось.

По дороге эти двое молчали, а мне первой заговаривать не хотелось. Я так и чувствовала на себе их взгляды, и, сжав зубы, обещала пытавшимся бунтовать гормонам кузькину мать, если сейчас же не прекратят.

Надо отметить, в мир я попала фантастический.

Буйство красок могло

сравниться разве что с буйством запахов и звуков. Над бутонами цветов порхали бабочки всевозможных расцветок, с яркими узорами на полтораметровых крыльях.

Время от времени ветер швырял в лицо странными семенами: словно фигурки младенцев на парашютах-одуванчиках. Одно из таких семечек я поймала в ладони, сложив их лодочкой, и, прижав к уху, расслышала нежную трель, что раздается из-под пальцев. Кеншин, заметив мой интерес, пояснил, что это семена мандрагоры. И добавил, что писк взрослых растений способен надолго оглушить, а вот

семена поют еле слышно и даже приятно, особенно для чувствительного женского уха.

Возмущенная, больше от буйства гормонов, чем от наглости дракона я осторожно раскрыла ладони и выпустила из рук семя мандрагоры, которое, оказавшись на свободе, зазвенело громче, победно.

Я не переставала крутить головой по сторонам и восторгаться красками этого мира.

Цветы, особенно пионы, источали самый дивный аромат, который доводилось слышать, а трель невидимых птиц, которые порой вспархивали прямо из-под ног, очаровывала. Проследив взглядом

очередную птицу, которая вспорхнула прямо у меня под носом, что заставило отшатнуться, а этих двоих по бокам нагло захихикать, я отметила, что перья у певуньи нежно-голубые, а хвост и маховые — ярко-бирюзовые.

— Вот почему этих птиц не видно в траве! — наставительно возвестила я этим двоим, подняв палец вверх, отчего они обидно закивали.

Исам принялся рассказывать про того самого Такэхая Сусаноо-но Микото. О его чудесном рождении из капель воды, которыми бог Идзанаги совершал омовение. О том, что отец подарил сыну море, отдав водную

стихию в его полное распоряжение. Но Такэхай Сусаноо-но Микото не принял дар отца, возжелав удалиться в страну своей матери, Нэ-но катасу куни.

При этом блондин бросал на меня такие взгляды, что по телу словно бегали электрические искры. Я с таким вниманием слушала сказания драконов, что второй дракон тоже не выдержал, принявшись тут и там исправлять блондина и дополнять его рассказ деталями.

Так я узнала, что прежде чем покинуть мир богов, Такэхая Сусаноо-но Микото побывал в гостях у сестры, Аमतэрасу, которой было

отдано небо. К слову, один из кланов Воздушного дракарата с гордостью носит имя Амаатэрасу.

Изгнанный бог спустился на землю, одолел восьмиглавого змея, который похищал прекрасных дев, после чего женился на одной из них и обосновался со своей женой в стране Идзумо, в местности называемой Суга.

— Он и стал покровителем драконов этого мира, — пояснил Исам. — Потому что одолел изначального дракона и стал богом ветра. Только тот, кто одолел дракона в себе, способен одарить драконьей силой других.

— Именно в стране Идзумо, в

местности, которую называют Суга, мы сейчас и находимся, — подытожил Кеншин.

Рассказ драконов был таким удивительным, что я не заметила, как мы миновали поле, зашли в лес и какое-то время продвигались по нему, огибая гигантские стволы деревьев, нагибаясь, проходя под корягами и перелезая по ветвям через расщелины и ямы, поросшие мхом.

Я чувствовала, что дыхание сбилось, и понимала, хоть и не признавалась драконам, которые умудрялись нести мои рюкзаки и даже тащить чемоданчик с Гарри Поттером, что силы почти на исходе.

Поэтому, когда впереди забрезжили просветы между деревьями, обрадовалась, подумав, что скоро выйдем на равнину и идти будет легче.

Каково же было мое изумление, когда, выйдя на поляну, расположившуюся на возвышенности, обнаружила впереди, на том же расстоянии, что была и в прошлый раз, священную гору Такэхая Сусаноо-но Микото!

Я оглянулась на драконов и не смогла сдержать стон отчаяния.

А эти двое переглянулись и расхохотались.

— Вы знали, да? — уныло спросила их.

— Конечно, принцесса, — с гадкой улыбочкой произнес Кеншин.

— Но не к лицу дракону вступать в спор с женщиной, — добавил Исам с таким видом, что захотелось его прибить.

Вздохнув, я опустилась на землю, сложив ноги перед собой в полулотос и к моему удивлению, эти двое последовали моему примеру.

— Значит, так, — недобро поглядывая на них исподлобья, проговорила я. — То, как вы мне тут древними сказаниями зубы заговаривали, я оценила, спасибо. А теперь, будьте добры, правду, ладно? Чегойто это за гора и чего она от нас хочет.

Драконы переглянулись и Кеншин, почесав макушку, пробурчал, что гора, пожалуй, «чегойта хочет вовсе не от них».

— Вот как? — воскликнула я. — Значит, я без пяти минут в вашем мире, а от меня уже что-то этой горе надо? Знаете, так нечестно.

— Мы тоже так считаем, — неожиданно поддержал меня Исам. А пока я ресницами хлопала и в себя приходила, добавил: — Это главная гора в нашем мире, священная для драконов. К ней невозможно попасть, если она сама этого не захочет.

— Если не позовет, — поправил Кеншин. Исам отмахнулся.

— Недра этой горы скрывают священное озеро, — сказал Исам. — В этом озере проходят инициацию драконы.

— Эм, — вырвалось у меня. — Это очень важно, типа. Да. Понимаю. А что значит, проходят инициацию?

— Это значит, что тот, кто проходит инициацию, обретает дракона.

— Дракона? — вытаращилась я на них во все глаза. — Это... Это значит...

— Свою вторую сущность, — сказал Кеншин. — Ипостась.

— И у вас они есть, как я понимаю? — решила уточнить на

всякий случай.

— Мы оба — драконы, — спокойно сказал Исам.

— Конечно, — сказал Кеншин, — мы сильно растратили силу, прежде чем шагнуть во врата. Но для того мы и объединили усилия, чтобы хватило на то, чтобы перенести тебя в Огненный дракарат.

— Даже если наших сил не хватило бы до Огненного дракарата, здесь нас все равно быть не должно, — подтвердил Исам. — Ведь страна Идзумо лежит намного дальше!

Кеншин провел языком по зубам, не разжимая губ.

— Вот почему мы не можем понять, почему мы здесь, принцесса. — Ведь мы оба пережили инициацию, и сюда нас выкинуть просто не должно было.

— Но выкинуло, — подытожила я. — И гора эта еще не отпускает... Значит ли это, что мы должны не уходить от нее, а идти прямо к ней?

Драконы переглянулись с недовольным видом и нахмурились, что должно быть означает, что я права.

Я же продолжила рассуждать вслух:

— Ну а я... Сами говорили, я дочь дракона...

Снова переглянулись, и еще больше нахмурились.

— Так может эта гора меня таким образом на инициацию заманивает? — осторожно спросила я.

Эти двое снова переглянулись, а затем обидно расхохотались.

— Женщины не могут быть драконами, — высокомерно бросил Кеншин.

— Это чегойта? — хмуро так интересуюсь.

— Просто у драконов не рождается дочерей, — также высокомерно сообщил Исам.

— Это в вас спесь ваша драконья говорит, или здоровый

смысл? — поинтересовалась я. — Сами же видите, я действую вам на нервы, следовательно, я существую! И я дочь дракона, как бы вам этого ни хотелось опровергнуть. Сами же меня для своих кланов заполучить хотите! Это же чистой воды свинство — так противоречить самим себе.

Лица у обоих вытянулись, помрачнели, но возразить-то нечего.

После долгого молчания, наконец, заговорил Исам.

— Если священная гора зовет, нельзя не идти.

Судя по взгляду Кеншина, он был согласен с соперником.

— Что в общем-то непонятно, — проворчал он. —

Потому что гора отзывается на зов дракона.

И тут мне понятно стало, почему мамочка так настаивала, чтобы когда я через врата шла, на внутренний рев настраивалась. Ну я и настроилась. Кто ж знал, что он так заревет? Значит, гора откликнулась на зов моего внутреннего дракона. Этого я, понятно, говорить этим двоим не стану. Во-первых, не хватало мне опять насмешек, мол, женщины драконами не бывают и все такое... Еще обвинят в глупых женских фантазиях. А во-вторых, они сами говорили, инициацию не каждый переживает. То есть рождаются от драконов многие, а драконами

становятся единицы... Это значит, что молчать нужно. Потому что если я, вдруг, инициацию не переживу, или, что хуже, переживу, а драконом не стану, я же от их шуточек потом не отмоюсь...

Но это значит... Небо...

Мамочки!

Это значит, что я и в самом деле могу...

Стать драконом.

С ума сойти!

Глава 10

— Гора зовет, — пробормотала я, усиленно стараясь не смотреть драконам в глаза, а также не скользить взглядом по перекатывающимся под майками мускулам. Что в общем-то непросто, учитывая, что я успела отдохнуть, а значит и гормоны, которые решили временно бунт отложить, тоже отдохнули.

Делая вид, что я разглядываю деревья за их спинами, я подумала, хорошо, что не путешествую наедине ни с одним из них. Конечно, вдвоем

от них прет так, что глаза на лоб лезут. Но по их перепалкам между собой, заметила, что они друг друга все-таки сдерживают. То есть когда один из них меня жечь начинает глазами, второй тут же из кожи вон лезет, чтобы спесь с соперника сбить, а мое внимание на себя отвлечь, что, учитывая мою реакцию на них обоих, в общем-то несложно.

Вот и сейчас, брюнет только-только попробовал со мной в гляделки играть, отчего по спине строем мурашки побежали, как блондин едва уловимое движение сделал, я на него уставилась, и в следующий момент уже улыбалась глупо-глупо, отвечая на его улыбку.

Тогда Кеншин закашлялся, и мои слова повторил, мол, гора зовет.

Я с трудом взгляд от Исама оторвала, и на Кеншине фокусировать не стала, во избежание.

Вместо этого на гору обернулась, к которой приблизиться требовалось. Сначала, значит, с этой горы спуститься, на которой нас выбросило, относительно небольшой, но только если с той громадиной сравнить... Затем низину миновать, словно сплюсненную с боков невероятной красоты горами с водопадами, а затем на ту, самую большую карабкаться.

Опыт хождения по горам у меня имелся. Было дело, с Ариэлькой в Гималаях зависали. То еще удовольствие, скажу, в смысле горные переходы, а не Гималаи, понятно. Сначала оно нормально кажется, особенно когда в гору карабкаешься, но после часов восьми примерно, особенно на спуске, мышцы, несмотря на тренированность, свинцом наливаются, конечности, что верхние, что нижние, трястись начинают, колени какие-то неродные становятся, а суставы словно наждачные... Боль от крепатуры была дикая, стиснув зубы, шли. И это учитывая нашу закалку в военной

академии... Здесь же расстояние, что драконы любезно обозначили «двумя днями пути» даже у хорошо подготовленной меня нервную зубную дробь выбивает. По воздуху тут что ли... эти два дня лететь?

И тут я хлопнула себя ладонью по лбу.

Драконы, которые вновь очередную перепалку затеяли, враз успокоились и ко мне повернулись.

«Какая же я глупая!» — это я про себя воскликнула, не дай небо при этих двух самодовольных мордах такое ляпнуть.

Вслух же сказала:

— Ну вы даете, парни.

Парни синхронно нахмурились.

Пояснила им:

— Сами же сказали, нам к этой горе надо. Прямо очень надо. А вместо этого водите меня чигирями.

— Мы всего лишь не спорили с тобой, принцесса, — тут же высокомерно сообщил Кеншин. — Поскольку спор с женщиной противоречит чести дракона.

— Чести дракона, чести дракона, — пробурчала я. — Так бы и сказали, что хотели поглумиться над беззащитной девушкой.

К моему удивлению, эти двое расхохотались. Одновременно и в голос. Причем смеялись долго и с удовольствием. И приятного в этом было мало. Потому что разве же это

приятно, когда над тобой смеются?

Когда замолчали, я пробурчала:

— Если оторжались, берите мои вещички и меня за компанию и полетели. Хватит уже придуриваться. Драконы вы или нет? Крылья вам на что?

К моему неудовольствию, эти двое снова расхохотались. Но на этот раз смех продлился недолго.

Наконец, Исам пояснил причину их веселья.

— Если священная гора зовет тебя для инициации, ты должна идти пешком.

— Так что наши крылья здесь не помогут, — буркнул Кеншин. — Потому что весь путь пешком идти

надо преодолеть. Так что мы тоже взлетать не будем. На всякий случай. Никогда не знаешь, что понравится горе, а что нет, и что за испытания она пошлет тому, кого позвала.

— Тогда, будьте добры, подождите меня, прежде чем мы продолжим наше увлекательное турне по местным достопримечательностям, — вздохнув, сказала я и поднялась.

— Ты куда? — спросил Исам, тоже вскакивая на ноги.

Кеншин, поднявшись, закинул за плечи рюкзак, и, сжав губы в одну линию, подтянул поближе чемодан на колесиках.

— Куда? — настойчиво

повторил Исам, когда на первый вопрос ответа не дождался, а я, развернувшись, к кустикам направилась.

Я обернулась и так выразительно посмотрела на обоих, что драконы сначала покраснели, а затем взгляды их изменились, ноздри расширились, а дыхание потяжелело.

Я, сделав вид, что ничего не заметила и совсем даже не смутилась, к кустам потопала. Это как они здесь вообще живут с таким темпераментом?

* * *

Остаток дня запомнился мне, как адский ад.

Мы спускались в низину с такой скоростью, что казалось, вот-вот сорвусь вниз. Приходилось перелезать через торчащие из-под земли коряги, перепрыгивать рывины, огибать гигантские стволы деревьев, то и дело проваливаться в моховые подушки, рискуя переломать ноги. Драконы, конечно, страховали, но я из гордости, которая спустя несколько часов стала казаться мне дурацкой и вообще абсолютно ненужной, руки им не подавала. А когда готова была подать, уже не предлагали. Одно радовало — эти двое еще три моих рюкзака тянули, а

Кеншин еще и чемодан с книжками нес.

Я как раз перелезала через огромный покатый ствол дерева, которое ураган вырвал, должно быть, очень давно, ствол успел порости мхом и покрыться лишайником...

Не удержалась на боку дерева и соскользнула вниз, вывалявшись в жухлой листве. Ветки больно хлестнули по лицу и открытым плечам, и хорошо, что успела, поджав колени, сгруппироваться, потому что иначе наверняка лук бы сломала.

— Тебе помочь, принцесса? — спросил Исам, оборачиваясь.

Сцепив зубы, помотала головой из стороны в сторону, надеясь при

этом, что вид у меня не очень страдальческий.

Исам хмыкнул, криво улыбнувшись. Затем пожал плечами и устремился вперед.

— А может, принцесса, тебя на ручки взять? — проговорил Кеншин. — Ведь наверняка, принцессы на инициацию только так и ходят. В смысле ездят.

Вид при этом у него был такой самодовольный, несмотря на поклажу, дракон ничуть даже не запыхался, что окончательно взбесило.

Изо всех сил сдержалась, чтобы неприличный жест ему не продемонстрировать, вместо этого

посоветовала:

— Себя возьми.

Издевательская улыбочка тут же покинула губы дракона, он хмыкнул и отвернулся.

Ну, Кеншин, подумала я мстительно, а я уже хотела тебя от чемоданчика с книжками избавить, потому как зачем они мне здесь нужны? Итак, понятно, что не до этого как-то будет, особенно в первое время. А вот после ехидства дракона отогнала от себя альтруистический порыв, как ненужный и бесполезный. Пусть тащит. Ему полезно.

Стиснув зубы, я встала, сначала на четвереньки, потом на колени, лук

и колчан поправила, а когда поднималась на ноги, в ушах зазвенело.

— Приплыли, — буркнула себе под нос. — Уже в ушах звенит и перед глазами звезды.

Помахала рукой перед носом. Это помогло. Звезды мелькать перестали, а я дальше потопала. Причем с первым же шагом обалдела: ноги, которые только что были свинцом налиты, какими-то слишком легкими показались. Такое чувство бывает, когда после часа на беговой дорожке утяжелители снимаешь и бежишь водички попить. Такое ощущение, что к ногам по сотне воздушных шариков привязали.

Вот оно и сейчас так было. Только не заканчивалось никак. Я заозиралась по сторонам, но ничего объясняющего причины этой неожиданной легкости не нашла.

Сочная, зеленая листва чуть шелестит на ветру, бирюзовые стебли по пояс с розовыми пушистыми головками удивленно трепещут. Показалось даже, что эти странные цветы за нами наблюдают: их головки поворачиваются вслед ушедшим вперед драконам.

Я недоуменно поморгала, а затем дошло: они, как воздушные шарики на невесомых ниточках, трепещут от малейшего изменения ветерка, вот и реагируют на наши

шаги, а при этом кажется, что любопытные цветы провожают нас взглядами.

Дивясь необычной легкости, я поспешила за драконами.

— Наверное, второе дыхание открылось, — подумала я вслух и отчего-то показалось, что где-то совсем рядом захихикали.

Гора временно перешла в относительную горизонталь, что не могло не радовать. Следуя за драконами, я вошла в небольшую, и, судя по тонким стволам, от которых исходит стойкий аромат смолы, молодую рощицу.

Драконы шли впереди, не оглядываясь, словно знали, что я

топаю следом.

Я прищурилась, вглядываясь в листву над головами этих двоих. Показалось, или какая-то тень преследует их, перескакивая с ветки на ветку?

Сначала тень над блондином скакала. Причем так тихонечко, даже листва почти не шевелилась. Но дракон все равно напрягся. Какое-то чутье заставило его поднять голову, вглядываясь в листву и прислушиваясь. То, что скакало сверху, тотчас замерло. А когда блондин возобновил шаг, принялось скакать снова. Только уже над брюнетом.

Я не знаю, что меня заставило

снять на всякий случай лук, и, натянув тетиву, прицелиться.

Как бы ни казалось, что эти двое идут налегке, все же я видела, что и они устали. Особенно досталось надменному брюнету. Который из-за чьей-то вредности еще и чемодан с макулатурой катит.

Глядя, как уставший дракон упорно тащит мой чемодан, я почувствовала что-то похожее на укол совести.

Тень над головой Кеншина скакала сверху с ветки на ветку, постепенно снижалась.

А когда соскочила с самой нижней, над головой дракона, моя стрела вжикнула в воздухе.

Дальше все произошло очень быстро.

Кеншин перекатился по земле. Так быстро, что на миг потеряла его из виду. Исам тоже перекатился, но предварительно прыгнул, пролетев над головой Кеншина.

Никогда не забуду глаза драконов, которыми уставились на меня, когда приподнялись. Причем в руках Исама была стрела с насаженной на нее пупырчатой жабой с выпученными красными глазами.

— Она... это... — пробормотала я. — Кеншина сожрать хотела. Вот.

Кеншин нахмурился, недоверчиво взглянул на мертвое

тельце жабы, что болтается на стреле в руках Исама, затем снова на меня. Тишину прорезал вопрос Исама:

— Как?

— Что — как? — переспросила я, пожимая плечами. — Стрелой, разумеется, ты ее в руках держишь.

— То, что мы заметили смертопыра, это понятно, — спокойно пояснил Исам. — Как и то, что мы, когда тварь атаковала, были готовы, тоже.

— Но как ты умудрилась не только выстрелить, но и попасть в него — загадка, — пробурчал Кеншин.

— То есть вы эту тварь и без меня бы заметили? — дошло с

запозданием. И это было обидно.

— Мы и заметили, — сказал Кеншин. Но спеси в его голосе не было, что хоть как-то утешало.

— Вопрос — как его заметила ты, — проговорил Исам.

Я плечами пожала, присела, разглядывая мертвую жабу. Стрелу обратно получить хотелось, Виталий Владиленович сам делал... При этом трогать тварь желания не возникало. Пупырчатая, склизкая, при этом покрытая то ли мхом, то ли плесенью... Жуть. Но ничего не поделаешь...

Стоило мне протянуть руку, как Исам отдернул свою.

— Ты что делаешь? — спросил

он, хмурясь.

— Стрелу назад получить хочу, — ответила ему.

— погоди, — пробормотал Исам. — Сам дам. Она ядовитая.

Я поежилась, содрогаясь от отвращения и от благодарности дракону. Вслух же сказала:

— Значит, будет теперь у меня в арсенале ядовитая стрела.

Тот усмехнулся и пробормотал снова, что непонятно, как у меня получилось, потому что реакция драконов опережает человеческую в несколько раз.

Я невинно плечиками пожала, а когда Кеншин издал вопль, на индейский клич похожий, и вовсе

подпрыгнула.

— Ты чего? — обернулась к нему. Причем судя по лицу Исама, который как раз жабу с помощью охапки листьев со стрелы снимал, ему тоже интересно было, что с обратом.

А тот на меня победно пальцем тычет и глазами сверкает. А потом расхохотался, как ненормальный.

Проследив направление его пальца, я хмыкнула, осматривая свои плечи, и снова этими самыми плечами пожалала, что, мол, за шутки. А блондин, который к нам подошел, тоже вдруг смеяться начал.

— Да что происходит-то? — разозлилась я.

— Она в пыльце фей, — со смехом произнес Кеншин, и Исам закивал.

Я снова осмотрела себя, на этот раз более внимательно и заметила, что в полумраке леса оголенные участки тела и в самом деле мерцают.

— Эт-то что это значит? — спросила я.

Лица у обоих стали серьезными.

— Феи никогда ничего не делают просто так, — сказал Исам. — И уж точно никому, кто не относится к их народу, не помогают.

— Бесплатно, — добавил Кеншин, и блондин кивнул.

— Если феи осыпали тебя

пыльцой, облегчив передвижение, лучше быстрее уходить отсюда. Пока они не потребовали плату.

— Тем более, что мы не знаем, что это за плата.

Путь продолжился, и хоть благодаря волшебной пыльце фей, которой меня обсыпали с ног до головы, идти было несравненно легче, все равно чувствовалась вымотанность и пройденный путь.

Спуск был то крутым, то пологим, что встречалось мной с благоговением.

На одной из отвесных площадок мы остановились, чтобы отдохнуть и перекусить бутербродами, которые сложила нам на дорогу мамуль. Из

вредности я отказывалась
останавливаться, заявляя, что
прекрасно себя чувствую и готова
идти хоть всю ночь напролет. Лишь
когда Исам бросил на землю оба
рюкзака, и, преодолев расстояние
между нами одним прыжком,
перехватил меня за талию и легко,
как пушинку, приподнял над землей,
прямо над своими плечами,
заболтала ногам в воздухе и
завопила, что согласна на отдых.

Я пыталась вырваться, но дракон
держал крепко. При этом я
надеялась, что мои попытки
выскользнуть, наконец, из его рук, не
выглядят показушными. От
прикосновения дракона по телу

заскользили электрические заряды, низ живота свело сладкой судорогой, а ноги налились слабостью. Судя по сбившемуся дыханию Исама, я понимала, что чувствует он сейчас то же, что и я, а по сполохам его голубых глаз отчего-то понимала, что его огонь горит жарче.

Исам бережно усадил меня на нагретый солнцем камень, а затем отшатнулся, словно обжегся, тяжело дыша. Я смущенно опустила глаза и пробормотала, что если кому-то передохнуть приспичило, то можно обойтись и без таких аргументов.

Перекусив бутербродом с ветчиной и огурцом, который я, недолго думая, соединила с

бутербродом с сыром, я, отхлебнув из термоса крепкого чая с сахаром, сообщила, что вполне отдохнула и готова продолжить путь.

На меня посмотрели укоризненно и усиленно заработали челюстями, а я от души порадовалась, что есть еще минутка-другая отдыха. Когда действительно пришла пора подниматься и продолжать путь, я чудом сдержала стон. Казалось, что до наступления темноты я не доживу.

Драконы торопили, говорили, что до низины нудно добраться до темноты, потому что с наступлением сумерек выходят на охоту более опасные твари, чем та пупырчатая

жаба, которую они называли смертопыром.

Добраться до низины мы успели, и драконы ощутимо расслабились.

С наступлением темноты воздух посвежел, и то и дело по загоревшему за день телу пробегали волны озноба. Над головой ухали птицы, из кустов раздавалось утробное рычание и чавканье. Невольно я старалась держаться поближе то к одному, то ко второму дракону, что не могло быть ими не замечено. Что у блондинистого, что у брюнетистого лица то и дело самодовольно сияли (и это несказанно бесило!), то и дело темноту прорезывали белозубые

улыбки (что бесило еще больше!).

Но, стоило миру окончательно погрузиться в сумрак, решено было остановиться на ночлег.

Что до драконов — им ни темнота, ни рюкзаки и даже чемодан на колесиках помехой не были. Как оказалось, видят они в сумраке, как днем. А вот что касается меня — тут все было гораздо хуже. Мир утрачивал очертания, сказывалась адская усталость, и я то и дело натыкалась на деревья, украшая физиономию корой деревьев и лишайниками.

Место для ночлега пришлось выбирать стремительно.

Когда остановились на

небольшой полянке, меня (как самую беспомощную по словам некоторых) решено было оставить на месте, охранять вещи, так они сказали. Сами же драконы отправились за дровами для костра и ужином.

Я ожидаемо на месте не осталась, хотя бы из соображений безопасности: очень требовалось в кустики, а справлять естественные потребности на месте общей стоянки, было по меньшей мере странным, по большей, неэтичным и неосторожным.

Я старалась не отходить далеко, но между деревьями что-то заблестело, и меня внезапно поманило на этот блеск. Осторожно,

шаг за шагом, нащупывая в темноте путь и стараясь не сильно стучать лбом о деревья, я вышла к лесному озеру.

И вот здесь было светло, как днем!

Цветы, которые днем были розовыми шариками на ножках, светились неоновым светом. Неоновыми отблесками сверкала трава, мох, кора деревьев. Огромных таких, напоминают наши ивы, и ветви сверкающими сосульками спускаются в озеро. Круглое, как тарелочка, со светящимися кувшинками на водной глади.

Я присела на корточки и попробовала воду рукой — теплая.

Захотелось избавиться от одежды и рухнуть в эти темные воды, смыть с себя напряжение дня, такого богатого на события. Ведь еще утром, проснувшись в общежитии под щебет Ариэльки я и представить себе не могла, что к вечеру окажусь в волшебном мире, который уже станет привычным и будет восприниматься, как данность.

— Нет, купаться, я, пожалуй, не буду, — пробормотала я. — Мало ли что здесь водится. Не исключено, что крокодилы, и опять же, эти жабы ядовитые...

Показалось, что рядом

засмеялись мелодичными голосами, или зазвенели колокольчики, но, когда оглянулась, никого не обнаружила.

— А вот умоюсь с дороги с удовольствием.

Зачерпнув воды, я с наслаждением умыла лицо, пригладила выбившиеся из пучка пряди. Когда омыла руки и плечи, показалось, что озноб спал.

— Спасибо, озеро, — пробормотала я и снова как будто в воздухе зазвенели колокольчики.

В следующий момент меня толкнули в спину, спустя секунду — уже вынырнула из теплой воды, хватая ртом воздух. Проступившая на

несколько секунд паника отступила. Во-первых, на берегу никого не оказалось, а значит, то, что меня толкнули — показалось. Во-вторых — вода была такая теплая и освежающая одновременно, что на этот раз я (уже с удовольствием, чего сокрушаться, когда уже искупалась в одежде) погрузилась в озеро, массируя пальчиками кожу головы.

Как бы хорошо ни было нежиться в водах лестного озера, пришлось выбираться на берег. Потому что каких-нибудь неприятных хищников никто не отменял, как и того, что когда драконы вернутся на полянку и не обнаружат там меня, поднимут хай

на весь лес.

Чувствовать себя нужной нравилось. Важной тоже.

А вот хлюпающие джинсы, липнущая к коже майка, мокрые, ставшие тяжелыми волосы — не очень. Кроме того, вода набралась в колчан со стрелами и оттягивала его вниз. Пришлось остановиться и выплеснуть воду, пообещав себе, что на ночь нужно стрелы разложить на ветвях кустарника сушиться, и туда же повесить колчан.

На стоянку я пришла одновременно с драконами.

Кеншин прошелся по мне взглядом мельком. Затем бросил на землю охапку хвороста, наклонился,

подул — и сухие ветки затрещали, когда по ним весело заскакали языки пламени. Исам тоже что-то бросил на землю и подошел ближе.

— Таши? — спросил он. — Почему ты мокрая?

Я поежилась от ночной свежести и от его взгляда, а потом и от взгляда Кеншина, который был тут как тут.

— Упала, — буркнула я.

— Это куда ты так упала, что так вспотела? — почти угрожающе прорычал Кеншин.

Вид у обоих драконов был взволнованный, если не сказать рассерженный.

— В озеро! — ответила я и

добавила: — Красивое такое...

С меня немедленно потребовали подробного рассказа об озере, и вот то, что стою мокрая, трясусь так, что колчан со стрелами по спине стучит, никого не волнует.

После моего торопливого и оттого не сильно красочного рассказа, Кеншин многозначительно посмотрел на Исама, и, пожевав губами, сказал:

— А я говорил, не стоит здесь останавливаться.

— Это еще почему? — поинтересовалась я.

— Да потому, что это озеро фей, — пояснил дракон. — Судя по тому, что они осыпали тебя пылью,

облегчая переход, и всего лишь в озеро уронили, а топить не стали, они к тебе благосклонны, но с феями никогда не знаешь наверняка.

— Никто меня не толкал, — пробурчала я. — Говорю же, показалось.

Дракон хмыкнул, и когда вздрогнула в очередной раз, запоздало спохватился:

— Ты замерзла.

Меня обдало ветерком, а в следующую секунду дракон протягивал свою оранжевую майку. Обе майки мне протягивали. Черную и оранжевую. Потому что Исам тоже каким-то волшебным образом разоблачился.

И вот стою я, ресницами хлопаю, а эти двое, с торсами, мне свою одежду суют. Разгоревшийся костер играет на их мускулистых телах бликами, лица с правильными чертами — словно из камня выточены. Я ощутила себя в какой-то глубокой древности, среди языческих богов, прекрасных, как звездное небо и таких же соблазнительно-манящих.

Сделав над собой нечеловеческое усилие, я отвела взгляд от багряных глаз и от синеледяных и буркнула:

— Размечтались.

Не притронувшись ни к одной из предложенных маек, которые, несмотря на то, что парни целый

день в них провели, дразнили ноздри ароматом сильных, молодых мужских тел и какой-то желанной свежести, я, хлюпая джинсами, к рюкзакам направилась. Зря я, что ли, их доверху вещичками набивала.

Когда сняла лук с плеча, взвизгнула.

— Чейта?!

Драконы были тут как тут. При этом одеться они не удосужились, но мне не до их мускулов было.

Дрожащими руками я протянула им лук.

Он был мой... и не мой. Массивный, потяжелевший, весь оказался покрытый какими-то узорами и... поблескивающий в

темноте. Такая же метаморфоза произошла и со стрелами, которые в новеньком, совершенно сухом, и, судя по всему, непромокаемом колчане обнаружались.

Глядя на мое оружие, драконы, прямо как мальчишки, присвистнули.

— Эт-то что? — заикаясь, спросила я.

— Феи одарили тебя, — с придыханием выдохнул Исам.

— Посмотреть дашь? — прямо как пацан с соседнего двора, спросил Кеншин.

Сунула одному лук, второму — колчан, и ушла переодеваться за дерево.

Когда вернулась в новой сухой

майке, спортивном костюме с капюшоном и с ушками, потому что костюм из черного флиса с баечкой на молнии лисичку изображает, и в новых сухих кедах, почувствовала себя почти счастливой. Но, бросив взгляд на новоприобретенное оружие, которое все еще благоговейно рассматривали, нахмурилась.

Лук со стрелами были тут же мне возвращены. Я положила их поверх рюкзаков. Драконы вернулись к костру и занялись ужином. Мне даже чуть-чуть совестно стало, что парни на себя ужин взяли, а я, единственное на что способна, это опуститься возле костра на

подложенное полено и смотреть, как они с ужином управляются. Еще и остывший чай прихлебывала из походной кружки, которую мне Кеншин дал.

Я днем никакого оружия у них не заметила, и решила уж было, что они как в людях Икс из себя ножики выпускать умеют, а судя по разрубленным бревнам, не только ножики, но и топорики, а затем, приглядевшись, и увидев, чем они все это делают, заахала от восторга. Настал мой черед клянчить. Кеншин с усмешкой протянул мне какую-то гладкую палку, посоветовав быть осторожней. Когда я спросила, почему только что она у него ножом

была, острым и длинным, снисходительно усмехнулся.

— А ты подумай о том, что тебе хочется, — посоветовал Исам.

— Подумай? — фыркнул Кеншин. — Женщины не владеют языком разума.

Стоило ему это сказать, как у меня в руках стилет оказался, причем, судя по камням в рукоятке, старинной работы. На Кеншина, если что, нацеленный.

Настал черед Исама нахмуриться.

Он быстро забрал у меня стилет, и когда наши пальцы соприкоснулись, по рукам привычные искры побежали, что

побудило меня быстро оружие
отдать, и вернул его Кеншину.

— Ты не обрадовалась подарку
фей, — проницательно заметил
Исам.

Я пожала плечами.

Какое-то время мы молчали, и
лишь после того, как перекусили
сочным мясом какой-то птицы, я,
видя, что Исам не сводит с меня
взгляда, пояснила.

— Лук отчим делал. Виталий
Владиленович. Я его так ни разу в
глаза папой не назвала...

В глазах защипало.

Кеншин фыркнул.

— Обязанность дочери — чтить
отца, — сказал он

глубокомысленно. — А обязанность дочери дракона — чтить отца-дракона!

— Напыщенный индюк! — мило ответила ему, про себя радуясь, что от хамства брюнета глаза щипать перестали.

Тут уж и блондин нахмурился.

— Женщина не должна повышать голос на мужчину! — нравоучительным тоном произнес он.

А мне внезапно, как в детстве, плюнуть в их сторону захотелось.

— На мужчину — да! — специально «подкрутив громкость» сказала ему.

Тут уж оба на меня глазами

засверкали. Но должно быть, тяжелый день и все остальное сказалось, потому что меня понесло.

— На мужчину голос повысится у меня бы язык не повернулся! Я в присутствии Виталия Владиленовича, чтоб вы знали, вздохнуть боялась! Он, между прочим, умный, мудрый и замечательный! Самый сильный в мире, ясно вам? А еще спортсмен, красавец, и мужик просто охрененный! И это не мои слова, а весьма авторитетных людей!

— Людей, — фыркнули мне, но я и не думала обижаться.

— Да, людей! — запальчиво ответила я. — Его знаете, как боятся

и уважают? Все! И вот знаете, что? Он дома ни разу голоса не повысил! Ни разу! А с мамочкой он вообще тише воды, ниже травы. Мне как-то за какой-то дурацкий мамочкин скандал, который она на ровном месте затеяла вскоре после их свадьбы стыдно стало. Она вещами бросалась, плакала, кричала обидные вещи, а потом в комнате закрылась.

И вот я испугалась, что Виталий Владиленович от нас уйдет, и прямо его спросила:

— Ты теперь уйдешь?

А он меня по голове погладил, в макушку поцеловал и сказал:

— Ну что ты, Сашенька? Даже не думай о таком. Мужчина тот, кто в

социуме — лев, а дома — ягненок. Думаю, ни у кого сомнения не вызывает, что я сильнее твоей матери, так что же мне теперь, самоутверждаться за счет своей женщины? Глупости какие. Мне для этого подчиненных хватает.

А потом пошел, дверь в спальню выломал и мамочку успокоил. Она потом знаете, как у него прощения просила и говорила, что лучше него никого нет и она вообще никого в жизни не знала лучше него?

А мамуль моя, если помните, была женой дракона, так что не смейте мне говорить ничего о том, о чем, чурбаны вы бесчувственные, самовлюбленные сверх меры, знать

не знаете!

Оба дракона замерли, чуть не с открытыми ртами. И по мере моей тирады то краснели, то бледнели, даже темнота этого не скрывала.

Я же, совершенно взбешенная, с места вскочила, и первым порывом было на озеро отправиться, тянуло меня туда, слов нет, как, меня, когда грустно, всегда к воде тянет, а тут довели! Но за спиной раздался холодный, невозмутимый голос Исама:

— Таша, идти сейчас на озеро — не самая хорошая идея.

И таким тоном это было сказано, что поняла — стоит мне еще шаг сделать, опять, как днем, на руки

подхватит и насильно у костра усадит. А это унижительно. Поэтому я замерла, как громом пораженная, и, обернувшись, огрызнулась:

— А никто и не собирается на озеро. Я вообще спать буду.

Порывшись в одном из рюкзаков, извлекла наружу тонкий самонадувающийся походный коврик два на два и спальник. Коврик неподалеку от костра расположила, сама в спальник залезла, и, прежде чем улечься, буркнула драконам:

— Можете укладываться. Места хватит.

У тех даже рты раскрылись.

— Принцесса Таши, — пробормотал Кеншин.

— Таша... Ты... — пробубнил Исам.

— Предлагаешь нам возлечь с тобой? — спросил Кеншин и сглотнул.

Исам вытер пот со лба, вот за всю дорогу он не вспотел ни разу, а тут нате вам, пожалуйста.

— Д-двоим? — уточнил он.

И что-то было в них такое тревожное, а точнее в моих готовящихся к революции гормонам, что я о своем великодушном предложении жалеть начала.

— Эй, что значит, возлечь? — запротестовала я. — Я, если что, ни с кем еще не возлегала и не собираюсь. Не знаю, чему вас в этой

вашей драконьей матери учат. Я имею ввиду... ночь-то холодная. Тьфу, черт! Не хотите — не надо.

С этими словами я легла, и, прежде, чем отвернулась, увидела, как оба синхронно отсаживаются от меня подальше. Скажите пожалуйста!

Усталость, накотившая девятым валом, помогла совладать с гормональным бунтом, и спустя мгновение я провалилась в блаженное забытие.

Кажется, я сомкнула глаза лишь на миг, но тут же меня выдернули из темноты голоса. Так и есть. Драконы продолжали сидеть у костра и беседовать вполголоса. От звуков их

ГОЛОСОВ БЫЛО КАК-ТО СПОКОЙНО И НАДЕЖНО, Я ОЩУЩАЛА СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ, И ПОЭТОМУ СНОВА ЧУТЬ НЕ ПРОВАЛИЛАСЬ В СОН. ПОМЕШАЛО ТО, ЧТО УСЛЫШАЛА СВОЕ ИМЯ. МОЕ СОЗНАНИЕ ОСТАЛОСЬ НА ХРУПКОЙ ГРАНИ ЗАБЫТЬЯ И РЕАЛЬНОСТИ — КАК БЫВАЕТ, КОГДА ТЕЛО ЗАСЫПАЕТ, НО ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ОСОЗНАВАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ.

— Принцесса Таши спит? — спросил Кеншин

— Спит, дыхание ровное. Ей сегодня крепко досталось, — ответил Исам.

— Да уж. Как она до последнего на ногах оставалась, даже с этой демоновой пылью фей, — задумчиво произнес Кеншин.

Я, сквозь сон, улыбнулась. Меня что, похвалили? Неожиданно.

— Значит, документы, которые пришли за ней из Альма-матер у тебя? — спросил Кеншин и я насторожилась.

Каким-то шестым чувством я поняла, что, отвечая, Исам улыбался.

— Я не говорил, что у меня. Говорил, что они в надежном месте.

— Как мастер Акихиро тебе вообще их доверил? — спросил Кеншин. — Сколько помню нашу учебу, когда он видел тебя, особенно на последних курсах, у него начинал дергаться глаз.

Исам коротко хохотнул и ответил:

— Доверил и доверил. Своими секретами делиться я не намерен.

— Не делись, — хмыкнул Кеншин. — Ерунда эта. Затея с Альма-матер. Отец вправе ее не пустить. И он не пустит.

— Скорее всего, ты прав, — ответил Исам.

Мне показалось, или в его голосе я услышала сочувствие?

— Мичио пообещал дочь. Дракараты и даже ваш клан — все поддержали его, лишь бы получить принцессу.

— Ему придется сказать ей про Альма-матер. Нечестно с его стороны будет скрыть от нее.

Кеншин хмыкнул.

— Долг дочери — следовать заветам отца, — он добавил спустя паузу: — Она нужна Подземному дракарату.

— Ледяным она тоже нужна, — возразил Исам холодным тоном. — Даже нужнее. Потому что нас меньше.

— Когда я только ее увидел, сразу решил: она будет моей, — сказал Кеншин.

На что Исам ответил:

— Ты не видишь ее, Кеншин. Она не такая, как наши женщины.

— А какая? — спросил тот.

Мне представилось, как Исам пожимает плечами, когда отвечает:

— Другая.

Кеншин хмыкнул.

— Вот ты уже и обращаешься ко мне так, как она. Когда я получу ее, научу послушанию.

— Ты не получишь ее, потому что получу ее я, — процедил Исам.

— Как? Каким образом ты собираешься получить ее? — спросил Кеншин.

— По праву сильнейшего, — просто ответил Исам.

Раздался короткий, злой смех.

— Хочешь проверить, кто из нас сильнейший, прямо сейчас?

— Хочу, — ответил Исам. — Но мы проверим это перед всеми. Когда Мичио Кинриу должен будет отдать дочь одному из нас, он объявит

поединок. И я одолею тебя.

— На твоём месте я не был бы так самонадеян, Ичиро Исами. За тобой сила одного клана, за мной — целого дракарата.

— Я не самонадеян, Кенджи Кеншин. Я реально смотрю на вещи.

У меня возникло ощущение *dejavu* и подумалось, что драконы повторяют свой спор по очередному кругу.

Я вновь погрузилась в сон, и мне снилось, что я кружусь высоко-высоко, в синем-синем небе, и тело непривычное и легкое, и рядом слышатся взмахи крыльев, и звуки эти такие желанные, такие родные...

Глава 11

Разбудила меня мелодия.

Еле слышная, но такая красивая, что проснулась я мгновенно и сна ни в одном глазу. Казалось, звенит и переливается волшебными звуками само пространство, отчего внутри все сладко сжимается в каком-то непонятном предвкушении.

Я осторожно приподнялась на локте, потянула за молнию спальника. В первую очередь нашла глазами обоих драконов, чтобы спросить у них, что это такое звенит в воздухе.

Эти двое спали, вытянув ноги к костру и положив головы на бревно. Руки у обоих скрещены на груди, кисти зажаты подмышками что значит, ночь все-таки свежая.

Мелодия зазвенела новым переливом, и драконы тут же были забыты.

Убедившись, что они не проснулись от моих телодвижений, я, стараясь ступать осторожно, не хрустеть ветками под ногами, пошла на звуки мелодии и на свечение из-за деревьев. Оно было куда ярче вечернего. Выглянув из-за ствола, обомлела: на поляне перед озером светятся чуть ли не все растения, даже летающие семена мандрагоры,

которые сначала приняла за одуванчики.

Но главный свет исходит от середины озера. И мелодия раздается оттуда.

Вечером, когда упала в него, не заметила островка в центре. Сейчас было видно, что он небольшой, но на нем растут те же деревья, что и на берегу, с длинными, спускающимися к воде ветвями. Напоминают наши ивы, только у этих, если приглядеться, между вытянутых листочков ветки еще и какими-то светящимися горошинами усыпаны.

Я протянула палец и дотронулась до одной из них.

От моего прикосновения

горошина вспыхнула ярче, а мелодия, что звенит в воздухе, как будто стала громче. Теперь кроме музыки я различила песню, и таких красивых, словно хрустальных голосов, я нигде не слышала.

Внутри все почти болезненно сжалось, и я поняла, что мне нужно на этот остров. Вот нужно, и все тут. Хотелось, чтобы мелодия и песня звучали еще громче, хотелось разобрать слова, или хотя бы попытаться вслушаться в них.

Взгляд упал на воду и тут же темная поверхность, в которой отражались неоновые отблески растений и деревьев булькнула. По поверхности ударил небольшой

рыбий хвост. Хозяйка хвоста скрылась под водой, а по воде пошли круги.

— Вот как, — пробормотала я. — Здесь рыба водится. Жирная, судя по размерам. А если водится жирная рыба, то хищников здесь нет.

С этой неопровержимой логикой я принялась разоблачаться. Потому что купаться два раза за вечер одетой не хотелось.

Одежду я стопкой сложила на берегу, под светящейся ивой, чтобы найти потом и придавила камушком.

Отбросив последние сомнения, я осторожно вошла в воды лесного озера. Вода была до того теплой, приятной и какой-то мягкой, что я

поспешила погрузиться в нее полностью. Для этого как только вода дошла до середины бедра, присела, и, оттолкнувшись ногами от илистого дна, поплыла.

Над водной поверхностью разнесся мой, полный наслаждения, стон. Потому что плавать обнаженной — это просто феерия, на это меня давно Ариэлька подсадила, а вот плавать обнаженной в волшебном озере... Это было нечто!

Вода искрилась, переливалась неоновыми сполохами, отражая пышные растения и деревья, она обволакивала, ласкала каждую клеточку кожи, которая стала вдруг

невообразимо чувствительной. Я подумала, что так подействовало все вместе: маленький побег от недобдивших меня сторожей, ореол опасности от озера фей, о котором предупреждали драконы, чудеснейшая из всех мелодий, что когда-либо слышала в жизни, красивое, сказочное место... И теплая, чудесная вода, какая-то упругая, как резиновый мячик, пресная на вкус, но при этом плотная, как морская.

Опустив взгляд, я ахнула от изумления. Тело под водой светилось. Не ярко, но заметно. Приглядевшись, я увидела, что поверхность кожи словно усыпана

блесточками, которые искрят и переливаются при каждом движении. Причем чем движение резче, тем больше блесточек «прилипает» к коже.

Насмотревшись на переливающуюся под водой собственную кожу вдоволь, я перевернулась на спину и какое-то время блаженно гребла к острову, радуясь, что хоть под водой мелодия стала тише, зато песня звучала громче, и слова — почти отчетливо. Я зажмурилась и прислушалась.

Нежные голоса пели о заплутавших в дороге путниках, несчастных, изможденных... Голоса звали их к себе, обещали подарить

неземное блаженство, наполнить жизнь красотой и смыслом... Ведь единственный смысл жизни — любовь, которая дарит усладу и удовольствие...

Я заслушалась песней и когда она стихла испытала почти физическое страдание.

Перевернувшись на живот, ощутила, как потоки воды стекают по волосам в воду. Зазвучавшая громче мелодия утешила.

Оглянувшись по сторонам, поняла, что полпути до островка преодолела. Мимо проплыла светящаяся кувшинка, большая, круглая, как шар.

Еще несколько гребков — и я

оказалась среди целого сада из кувшинок. Крупные и мелкие, розовые, лиловые, сиреневые и голубые, со светящимися краями лепестков, они были прекрасны и совершенны, и казались волшебными, нереальными, как и эта ночь. Опасаясь зацепиться ногой или рукой за длинные стебли, я, тем не менее, принялась плавать между ними, зачарованно заглядывая в серединки.

Рядом послышался всплеск и я охнула, зажав рот рукой, когда в шагах десяти из воды вынырнула девичья головка. Когда вода струящимся покрывалом соскользнула с нее, обнажилось

прелестное, чуть курносое личико, с огромными и темными, как ночь, глазами. Волосы девушки, которые стоило им оказаться над поверхностью, завились пружинками, были нежно-голубого цвета и отсвечивали неоновым блеском.

Я замерла, боясь даже вдохнуть: неизвестно, насколько дружелюбны местные русалки. Судя по тому, что читала о них, подводные жительницы отличаются вероломством и коварством, заманивают путников чарующими песнями, а потом утаскивают на дно...

Русалка злой не выглядела и меня вовсе не замечала, но я все

равно старалась как можно плавней двигать под водой руками и ногами, удерживаясь на плаву, чтобы не привлекать ее внимания. Благо «резиновая», пружинистая вода хорошо держала.

Я пожалела, что не расспросила драконов поподробнее о местных обитателях, интересно, что бы они рассказали о русалках? Хотя они, вон, насчет фей как предостерегали, а феи оказались вовсе не вредные, меня пыльцой с ног до головы обсыпали, чтобы идти легче было, а потом еще луг тюнинговали...

Выражение лица русалки стало задумчивым и каким-то озорным, что ли. Она смешно наморщила

курносый нос и проплыла мимо меня, что называется, «на цыпочках». Будь она чуть внимательней, наверняка заметила бы меня, притаившуюся за крупной кувшинкой, но вниманием русалки владело что-то другое. Заинтригованная, я поплыла следом, стараясь двигаться бесшумно.

Вскоре мне стало понятно, что высматривала русалка. Точнее, кого.

На плоском листе, который лежит на поверхности воды, стояла крохотная чуть светящаяся фигурка со стрекозиными крылышками. Мне она показалась почему-то знакомой, я даже мысленно отругала себя за глупость, ну откуда у меня могут

быть знакомые феи? И тут же чуть не хлопнула себя ладонью по лбу, когда вспомнила свое пробуждение в этом мире. Тогда моим вниманием завладела такая же крохотуля.

Глядя на нежно-голубую кожу крошки, потоки синих в темноте волос и стрекозиные крылышки за спиной, я готова была поклясться, что это та самая фея.

— Глупости, — беззвучно прошептала я одними губами. — Наверняка все феи на одно лицо.

Пользуясь тем, что русалка меня по-прежнему не замечала, а может, просто не обращала внимания, я подплыла к фее поближе.

В руках крохотули было

давешнее ведерко, откуда она с самым серьезным видом доставала блески, по одной и кидала их в воду, радуясь каждый раз, когда раздавался крохотный «бульк», как ребенок.

Помимо воли и мои губы растянулись в улыбке. Уж очень картинка выглядела волшебной, словно из моих детских фантазий. Глядя на фею, которая притопывала и пританцовывала от радости и наблюдающую за ней русалку, я поняла, что именно об этом мире мечтала, когда была маленькой девочкой, его видела во снах, его пыталась изобразить на картинках... А ведь я не придумала ничего, я просто вспоминала...

Лицо русалки из задумчивого стало озорным, словно придумала, как сделать кому-то пакость. Над водой показалась ее рука с зажатой в кулак черной трубкой. По тому, с каким довольным видом русалка приставила трубку к губам и надула щеки, нацеливаясь на фею, я поняла, что она задумала.

Прежде, чем сама успела сообразить, что делаю, я выбросила вперед руку, ладонью к русалке, заслоня фею. Упругая струя воды, которая наверняка смыла бы крохотулю с листка, отразилась от ладони и брызнула русалке в глаза.

Ругаясь мелодичным голоском, перед лицом взмыла фея. Она

сердито трясла ведерком и роняла блестки в воду. Русалка сверкнула на меня темными глазами, отчего внутри похолодело. На курносом личике явственно проступила злость и досада.

В тот же миг вокруг меня забили по воде рыбки хвосты. Через несколько мгновений они сменились девичьими головками, большеглазыми и кудрявыми. Русалки плавали вокруг меня по кругу, словно хотели закружить, тянули ко мне тонкие руки, словно приглашали в свой хоровод.

Я покачала головой и развела руками, мол, спасибо за гостеприимство, но как-нибудь в

другой раз.

Но русалки не отставали, плавая вокруг, они сужали круг и продолжали тянуть ко мне руки.

Я беспомощно оглянулась на берег: далеко. Перевела взгляд на остров — ближе, но все равно не доплыть. Если эти хвостатые решат под воду утащить, утащат. Одной мне с ними не сладить. Тем более в их родной среде.

И тут русалки запели. Ту же самую песню, которой я недавно заслушивалась!

Глаза их при этом были такими томными, чуть не умоляющими, а курносые лица озаряли многообещающие улыбки. Не

понимая, что делаю, я протянула руки в ответ и тут же была схвачена цепкими, чуть прохладными, пальцами.

В следующий миг уже с головой погрузилась под воду. Меня тянули вниз, при этом остальные продолжали плавать вокруг и петь волшебными голосами. Я не сопротивлялась, наоборот, отталкивалась ногами от воды, чем вызывала довольные улыбки своих провожатых.

Черное, кажущееся бездонным дно взмыло к глазам, и когда я готова была нырнуть во тьму, в глаза ударил свет. Это было так неожиданно, что я, поперхнувшись, закашлялась,

пуская пузыри.

Я оказалась в прекрасном подводном городе, с чудными постройками из розовых кораллов, вымощенными голубым и белым камнем дорожками по дну, с чудными водорослями-деревьями, и поменьше, пышными, кустарниками. Между колышущихся листков резвятся разноцветные рыбки, которые в этом мире должно быть, заменяют птиц. Все выглядело волшебным и вместе с тем настоящим, и было так светло, что я невольно попыталась прикрыть наготу.

Русалки мельтешили вокруг, они больше не пели, но говорили все

разом и непонятно было, что они хотят.

А потом легкие сдавило, и я вспомнила, что давно не дышала. Навалилась паника, захотелось вдохнуть так сильно, как никогда. Я поняла, что даже если оттолкнусь от голубой плитки изо все сил, все равно не успею всплыть на поверхность.

Очарование песней русалок внезапно покинуло. Их одинаково улыбающиеся красивые лица стали пугающими, отталкивающими. Я отчаянно забила руками и ногами, пытаюсь всплыть. Я решила бороться за жизнь до конца, путь и не суждено вдохнуть еще хотя бы раз. В глазах

потемнело, но я успела заметить, как та самая русалка, которой помешала смыть в воду фею, приблизила лицо к моему.

Что-то прохладное и мягкое коснулось губ, а в легкие ворвался столь необходимый воздух. В глазах посветлело, подводный мир снова обрел краски и четкость. Русалки увлекли меня в свой танец, и, опьяненная глотком воздуха, я поплыла с ними меж коралловых колонн и арок, играя в какую-то странную чехарду. Когда в глазах снова начало темнеть, еще одна русалка вдохнула в губы столь необходимый воздух.

«Они играют со мной, —

пронеслось в голове. — Им надоест — и расплывутся, а я останусь одна».

Но у меня не было выбора, я вынуждена была подчиниться мимолетному настроению русалок. Их игра все больше пугала, но каждый поцелуй пьянил, и я носилась вместе с ними друг за дружкой снова и снова.

Поцелуи русалок становились все реже, то одной, то другой надоедало резвиться, и она уплывала. Кто устремлялся к поверхности, позабыв взять меня с собой, кто-то исчезал в зарослях водорослей или среди коралловых колонн.

Когда в глазах потемнело в очередной раз, и спазмы,

сжимающие легкие, все не проходили, я поняла, что осталась одна. Осознание, что это конец, и притом несправедливый конец, заставляло барахтаться, бить руками и ногами, пытаюсь всплыть, но тело внезапно стало тяжелым, а руки и ноги — непослушными.

И тут меня снова поцеловали. Но губы были не прохладными и равнодушными, как у русалок, а горячими и требовательными. В легкие поступил спасительный воздух, в глазах прояснилось, и я увидела перед собой лицо Исама.

Белые волосы дракона облаком поднимались над его головой, извиваясь под водой, как водоросли.

Взгляд Исама был испуганным, встревоженным, но стоило мне слабо улыбнуться ему в ответ, как стал злым.

Обхватив меня одной рукой за талию, а второй помогая себе, он принялся подниматься, время от времени принося к моим губам в поцелуе.

Голова кружилась, тело было странно легким, но каким-то непослушным. словно сквозь пелену пришло осознание, что беловолосый дракон спасает меня. Я обхватила Исама руками и ногами, прижимаясь так крепко, как могу. Рука дракона, поддерживающая меня, задрожала. А когда поняла, что что-то горячее

пульсирует у бедра — покраснела бы, если бы могла.

В затуманенном сознании мелькала одна мысль: Исам спасет меня.

Не понимая, что делаю, чуть подтянулась и прижалась к губам дракона в робком, но настойчивом поцелуе. Показалось, несмотря на то, что мы находились под водой, из груди Исама вырвался стон, а меня прижали к себе так крепко, что будь это над водой — задохнулась бы. Сейчас же сознание и так было затуманено долгим отсутствием кислорода.

Время от времени Исам припадал к губам в поцелуе, делясь

драгоценным воздухом. Какими-то остатками разума я сообразила не выдыхать его, а возвращать Исаму. Так, гребок за гребком и доля один воздух на двоих, мы приближались к поверхности.

То и дело вокруг скользили русалки, лепеча, что не наигрались и вообще, вместе играть веселее. Но стоило им затянуть свою песню, от которой у меня, подозреваю, помутилось в глазах, Исам нахмурился и погрозил хвостатым кулаком. Те тут же прекратили, но продолжали плавать вокруг и что-то говорить, правда, ближе подплывать не решались.

Когда вместо водяной пленки

лицо облепил воздух, а затем ворвался внутрь, такой желанный, такой необходимый, в голове вспыхнуло и я потеряла сознание.

Пришла в себя от горячей волны, разливающейся от низа живота и омывающей все тело. Я слабо застонала и поняла, что меня трясут за плечи.

— Таша, — звал тихий бархатный голос. — Таша! очнись!

Еще до того, как прийти в себя я знала, кто меня будит.

— Исам, — прошептала я, и, обняв дракона за шею, припала к его губам в поцелуе.

Поначалу он замер, словно вот-вот отстранится, а потом впился в

мои губы с таким неистовством, что я даже не знала, что так бывает. Мускулистый торс накрыл мое тело, расплющив грудь и мы оба застонали. Только мой стон был протяжный и какой-то нежный, что ли, его — короткий и больше на рычание похожий. Горячие ладони заскользили по телу, рождая волны жара и вынуждая выгнуться дугой.

Но стоило мне притянуть его к себе еще крепче, как Исам отпрянул от меня, скатился на землю рядом, тяжело дыша, а затем перехватил мою руку прямо в воздухе.

— Таша! — позвал он громче, но голос его звучал как будто издалека. — Принцесса Таши! Саша!

В голове стало понемногу проясняться. Внезапно осозналось, что я лежу рядом с мужчиной абсолютно обнаженная и при этом недвусмысленно ищу его ласки. Мамочки!

Я подпрыгнула, усаживаясь и закрывая ладонями грудь.

— Наконец-то! — облегченно воскликнул он, но мне показалось, что была в этом облегчении еще и досада.

— Игры с русалками опасны! — сказал он, тоже поднимаясь. — Очень опасны! Я мог не успеть, принцесса!

А мой взгляд вниз скользнул, и, стоило увидеть, что Исам, в отличие

от меня, белья не снял, как я так раскраснелась — хоть спичку о щеки зажигаю!

Блондин тоже скользнул по мне взглядом, затем шумно сглотнул и отсел.

Я осмотрелась — нас от всего мира отрезало покрывало светящихся ивовых веток, и это было очень красиво, но все же стыдно. Потому что светло все же было, как днем, и даже хуже. Днем оно все как-то приглушенно, а тут, в таинственном неоновом свете, на теплой, прогретой за день, земле все как-то чувственно что ли было... И таинственно, сверх меры, что эту самую чувственность только

усиливало.

Проследив мой взгляд, дракон проговорил:

— Мы на острове. Сюда ближе было.

А до меня как-то медленно-медленно происходящее доходило, словно по чайной ложке. Я вспомнила, как целоваться к нему лезла, пока он меня спасал, как на берегу прижималась так, словно он и есть для меня воздух, как горела от его прикосновений и поцелуев...

Дракон, видимо, мои мысли по потупившемуся взгляду понял, там надо было постараться, наверно, чтобы не понять.

— Как тебя угораздило с

русалками в подводный мир поплыть, — нарочито сердито пробормотал он. — Я, когда проснулся и увидел, что тебя нет, думал, все, вернулась принцесса в родной мир... С концами...

Упрек был справедлив, и я какая-то беззащитная перед его негодованием, и перед обаянием тоже, наверное, потому что обнаженная, сижу, как мышка, пошевелиться боюсь, понимая, что с его ракурса ему только мой обнаженный бок виден, ну, рука еще... бедро, будь оно неладно и нога...

— Но почему они тебя не тронули? — спросила я, имея ввиду

русалок.

— Обаяние дракона, — сказал кто-то скромно и белозубо улыбнулся.

Я вспыхнула, потому что буквально только что об этом думала, но не призналась бы и под пытками.

— Я думала ты спишь, — сказала я. — Думала вы оба спите.

Тут не выдержала и шмыгнула носом.

— Думала, все. Останусь там. На дне.

Эта мысль и воспоминание подводного мира заставили вздрогнуть и поежиться.

— У нас иммунитет на русалочье пение, — сказал Исам. —

У всех драконов. Нам эти их песенки... Не то, что остальным. Вот мы и спали с Кеншином, как убитые.

Вспомнила, как драконы спали, вытянув ноги к костру, посапывая, и улыбнулась.

— Я еще удивилась, что никто на вахту не остался, — призналась я. — Все-таки говорили, здесь опасно.

По лицу дракона понятно было, что упрек попал в цель. Он скривился и пояснил:

— Не столько опасно даже, сколько порой неожиданно. Никогда не знаешь, что от здешней местности ждать, это все из-за священной горы. Во время моего посвящения, помню,

горы ходуном ходили, Кеншин добирался до горы Такэхая Сусаноо-но Микото вообще, перепрыгивая через ручьи лавы... У всех поразному. А что спали — так это хвостатые виноваты. Пели громко!

— Как же ты проснулся? — поинтересовалась я.

Исам усмехнулся.

— Фея разбудила, — ответил он. — Трещит что-то на своем, звенит, ручками машет в сторону озера. Я гляжу — тебя нет, вот и догадался, что с тобой что-то...

— В смысле трещит? — не поняла я юмора. — Ты ее что, не понимаешь?

Исам посмотрел на меня, словно

я с Луны упала. Только что.

— А как их звон различить? — спросил он настороженно, пожимая при этом плечами. — Ну, звенит и звенит.

Я шумно выдохнула.

— Понятно все с вами, — сказала ему. — Понятно-понятно, отчего вы фей такими вредными считаете. Они вам по-человечески небось: не мните цветов, не ходите по газонам... А вы претесь, как обалдевшее стало носорогов...

— Обалдевшее стадо носорогов? — обиженно переспросил Исам.

— Ну да, — ответила я. — Ты видел, какие они маленькие? Такую

крохотулечку каждый обидеть может!

Исам коротко хохотнул.

Словно в ответ на его смех откуда-то из-за светящихся ветвей ивы послышался звон, тоже на смех похожий.

— Не хочется мне тебя переубеждать насчет беззащитных крохотулечек, — сказал Исам. — Но, видимо, придется.

— В смысле?

— Это остров фей, — прошептал он. — Я не понимаю, почему они помогли тебе, но от них лучше держаться подальше.

— Остров фей? — воскликнула я.

— Т-с-с, — приложил палец к

губам Исам. — Здесь живет их королева. А эти твои крохотулечки, когда находятся на своем острове вполне себе...

Дракон замялся и даже потупился.

— Но от этого еще более опасные, — пробормотал он.

Дракон встал и протянул мне руку. При этом тяжело дышал и смотрел в сторону. Не зная, зачем я это делаю, протянула руку в ответ и в следующий миг оказалась прижатой к мускулистой груди.

Слабо пискнув, я отпрянула. Причем показалось, что сначала дракон собирался мне помешать (его горячая ладонь по бедру скользнула,

отчего захотелось застонать, выгнуться и прижаться к нему еще сильнее), но потом шагнул назад. А я с трудом на ногах устояла, потому как колени привычно ослабли.

— Это как? — делая вид, что ничего не произошло, прошептала я. — Почему еще более опасные?

— Хорошо бы не пришлось тебя просвещать, — пробормотал Исам, отодвигая ветку в сторону и всматриваясь в темноту. Затем обернулся ко мне с обреченным видом и руками в стороны развел. — Да все-таки придется.

— В смысле? — переспросила я.

Исам опять палец к губам

прижал и за собой поманил, мол, пошли, только тихо.

Шагнув из-под сени дерева со светящимися ветвями я какое-то время просто хлопала ресницами, зыряка глазами по сторонам. А посмотреть было на что!

В воздухе парили мотыльки со светящимися крыльями, чертили в воздухе сверкающие полосы светлячки, колыхались стебли густой сочной травы, приводимые в движение дуновением ветерка, цветы напоминали модниц в широкополых шляпах, которые вот-вот снимут эти самые шляпки и начнут обмахиваться ими, сетуя на духоту.

Но самым главным чудом среди

всего этого великолепия была фея. И эта была вовсе не крохотулей ростом с половинку мизинца, а вполне себе рослой, даже высокой девушкой с изящными кистями и непомерно длинными стройными ногами. Фея сидела на ветке дерева, почти у самой земли, перекинув ногу на ногу и наигрывала на золотой, увитой живыми цветами, флейте. Внутри все задрожало: это была та самая мелодия, которая разбудила среди ночи.

Голубоватое лицо феи с тонкими, аристократичными чертами было вдохновенным и задумчивым. Ее можно было бы принять за человека, если бы не этот

голубоватый оттенок кожи, неоновые искры в волосах, в которые вплетены маленькие белые цветочки, не золотые завитушки на лбу, вместо бровей и не стрекозиные крылышки за спиной. Фея не замечала нас, она всецело погрузилась в мелодию, нежную, грустную и, несмотря на ночную темень, какую-то светлую.

Исам дернул меня за руку, выводя из легкого транса, призывая следовать за собой. И мы уже скрылись за зарослью пышных кустов, где фея нас видеть уже не могла, когда на другом конце поляны затрещали сухие ветки, а кусты заходили ходуном, словно через них ломился медведь.

Я замерла, выглядывая поверх макушек поросли: брови феи приподнялись, но флейту от губ не отняла, только мелодия стала носить какой-то безысходный характер.

— Таши, — тихо позвал меня Исам.

— Подожди, — шепнула я. — Мне показалось, я слышала что-то.

За противоположными кустами мелькнули два кряжистых силуэта и я спросила вслух:

— Люди?!

Исам выглянул поверх моего плеча, обдав волной тепла, что чуть было не вызвало стон. Пришлось зажать рот ладонью, и молиться про себя, чтобы этого не заметил Исам. А

если и заметит, чтобы не истолковал это... правильно. Как мою слабость.

— Да, люди, — прошептал Исам и пояснил: Это охотники за смехом фей.

Глава 12

— Что? — я обернулась к нему и это неосторожное движение чуть не столкнуло нас... губами.

Резко ступив в сторону, скривилась, потому что под пяткой хрустнула ветка. Но фея не обернулась в нашу сторону. Ожидаемо ее вниманием завладели ходящие ходуном кусты.

— Что еще за охотники? — спросила я, убедившись, что мы остались незамеченными. — Как это — охотники за смехом фей?

— Смех фей — одни из самых

востребованных алхимических ингредиентов, — шепотом пояснил Исам. — С его помощью можно изготовить смертоносное орудие, а можно зелье, разрушающие оковы или целебный бальзам невероятной силы. Алхимики платят за смех фей лучшими алмазами. Даже капля смеха способна принести целое состояние.

Я вытаращила на Исама глаза. Он что, серьезно? Но дракон и не думал шутить, а продолжал повествовать таинственным и немного покровительственным тоном:

— Тем, кто хочет добыть этот дорогой ингредиент, нужно сначала

рассмешить фею, а потом суметь забрать ее смех. Но к фее нужно еще подобраться и застать ее врасплох. Вон, видишь, что они и пытаются...

— Да уж безрезультатно, — пожалала плечами я. — Фея их заметила.

— О да, у них бесподобный слух, — подтвердил Исам, а я подумала, что это понятно еще по их музыке.

Тем временем из кустов, шурша ветками и топая, как стадо ежей, вышли, простите, две задницы. То есть это были два человека, предположительно, мужчины, которые согнулись так низко, что казалось, могут зажать себе уши

коленими... и пятились назад.

Вышеупомянутые части тела, одетые, слава небу, непонятно во что, но все же одетые, украшали пучки страусиных перьев. Перья держали они и в руках, собранные в веера и привязанные к каким-то бубенчикам. Руками люди размахивали, как крыльями, гремя на весь лес и при этом, подозреваю пытались курлыкать или издавать какие-то похожие на птичьи, звуки. У них не очень-то это поучалось, больше создавалось ощущение, что две пятящиеся назад задницы (простите) с красными лицами под ними, натужно кряхтят.

Над ухом прыснул Исам, а я

оторопело захлопала ресницами, открыв рот. Фея же играть на флейте перестала. Опустила руки на колени. Поменяла положение ног и посмотрела на двух мягко говоря, странных субъектов, подняв золотые брови.

При этом на лице ее обозначилась какая-то безысходность что ли и обреченность, как давеча в мелодии.

Ободренные вниманием феи, люди кряхтеть перестали, зато начали подпрыгивать и передвигаться по поляне боком, курлыкая и продолжая махать руками, как крыльями.

Скорее от тоски на лице феи,

чем от потуг несчастных у меня вырвался смех и какое-то время мы с Исамом глупо хихикали в кулачок.

Наконец, отсмеявшись, дракон сказал серьезно и с достоинством:

— Птичьи люди.

— Чьи? — не поняла я.

— Птичьи, — повторил дракон и пояснил: — Они передвигаются верхом на страусах.

— Понятно, почему у них страусовые перья из зад... над зад... из спин, короче, торчат.

— Ага, — согласился дракон. — Из тех спин, которые под спинами. Вот, выследили фею, теперь рассмешить пытаются.

— Что-то пока

безрезультатно, — прошептала я, снова давясь от смеха. Потому что эти двое, на поляне, начали выделывать совсем уж чудные вещи.

— Оно и понятно, — прошептал Исам, глядя на фею, — Это ж сколько таких умников сюда суется, чтобы фей рассмешить...

— Ага, — поддакнула я, с интересом наблюдая за представлением. — Прямо юморист на юмористе.

— А все-таки феи эти зажрались, — хохотнул в кулак Исам. — Вон. Ребята как стараются...

А мне вся эта ситуация, как охотники за смехом сначала к фее

подбирались, а потом устроили все эти дикие танцы отчего-то другую напонила. В мыслях вдруг ясно картинка встала, как русалка к фее на озере подбиралась. А это тут же навело на мысль.

— Эй, — толкнула в бок хихикающего Исама. — Где эта ваша штука, которая умеет в разные другие штуки превращаться?

— Ртауар?

— Да может и Тауэр, откуда мне знать-то, — зашипела я. — Хотя ты, наверно ее на берегу, с вещами оставил. Жаль. Хорошая штука. Полезная и крайне сейчас нужная.

Я вздохнула, и вправду сетуя о нужной штуке, а Исам пальцами по

другой руке провел, и широкий браслет в восточных узорах с нее соскочил. В следующую секунду мне этот браслет протянули.

Я даже пискнула от счастья.

Забрала у дракона оружие, закрыла глаза и в следующую секунду у меня в руках трубочка оказалась. Наподобие той, как у русалки видела.

Покрутила головой, и с ликующим писком сорвала с ветки ивы несколько светящихся горошков.

— Ты что задумала, Таши? — спросил Исам а я подмигнула, сейчас увидишь, мол... и давай стрелять этими горошинками по... ну, скажем, в людей. В очень старательных, к

слову, людей.

Те моментом курлыкать перестали.

Стреляла я метко и очередью. Отчего те, кого Исам назвал «птичьими людьми», завопили, на землю повалились. А когда поднялись, сначала на колени, затем на ноги, повскакивали и в кусты ломанулись, как положено с воплями и чуть ли не с визгом, оба держась за пятые точки... пространство взорвалось звоном!

Я вскрикнула от изумления, из глаз слезы брызнули. В следующий миг Исам мне своими руками уши закрыл, что помогло сразу, а сам в

глаза всматривается, головой кивает, мол, как ты.

Глазами показала, что лучше, а эта близость с ним такой волнующей оказалась, что понимаю, еще минуту — и снова не удержусь, обниму его.

Исам держал крепко и вместе с тем нежно, и губы его рядом с моими были, и глаза эти синие-синие, близко-близко. И я в них смотрела и тонула. Просто тонула и все тут. И мир, вместе с этим диким пространственным звоном, феями, русалками, ожидающим где-то беглую дочь папахеном-драконом мог лететь в Тартарары, мог разлететься на тысячи, миллионы

кусков — я бы не заметила. Это все был обман, от начала и до конца, поняла я, пустая иллюзия. Настоящим в нем с самого начала были только эти вот синие глаза напротив.

И вдруг все кончилось.

Когда Исам руки убрал, взгляд отвел. А вид при этом у самого такой виноватый, и дышит часто и тяжело.

— Это... что было? — спросила, едва вернулась способность говорить.

— Ну... как что, — пробормотал он, нарочито на меня не глядя. — Эти двое, побежали, значит, со всех ног, да обратно в воду, а фея, значит, расхохоталась.

Я совсем не об этом спрашивала и готова была поспорить, Исам прекрасно понял, о чем я. Но услышав его ответ я кивнула, от души надеясь, что полумрак скрывает румянец, выступивший на щеках.

— Нам пора, — сказал тихо дракон. — Здешние ночи короткие, ты не выспишься, принцесса. Пошли.

Он руку протянул и я свои пальчики доверчиво в его ладонь вложила и мы двинулись к воде.

— Подожди, — прозвучал сзади мелодичный голос.

Готова поклясться, Исам его не услышал, поэтому пришлось его притормозить, за руку дернув. Дракон остановился, обернулся

недоуменно и замер.

Я тоже замерла.

Потому что неслышно к нам сзади приблизилась фея. Та самая, с флейтой в руке.

— Спасибо, — прозвенела она, глядя на меня, и я скорее почувствовала, чем знала, что Исам опять ее не понял. Для него это просто мелодичный перезвон был. А я слова различала.

— Я давно так не смеялась, — сказала фея, хитро улыбаясь.

— Оно, знаешь, и хорошо, — искренне ответила ей. — Я чуть не оглохла. Поэтому оно здорово, что вас так трудно рассмешить.

Фея голову запрокинула и опять

рассмеялась. На этот раз тихо и нежно как-то, а все равно внутри все затряслось и мурашки по коже. Исам, словно что-то неладное почуял, поближе меня притянул.

А фея ладонь раскрыла, а в центре лежит крохотный хрустальный пузырек с какой-то неоновой жидкостью.

— Возьми, — сказала она, все еще улыбаясь. — Пригодится.

Я тоже в ответ робко улыбнулась и высвободив кисть из бульдожьей хватки дракона (не с первого раза, кстати, получилось), протянула ладонь навстречу фее.

Та прищурилась, словно прикидывая что-то, а потом

пощелкала пальцами другой руки в воздухе, и под ними закачалась тонкая цепочка. Флакончик поднялся в воздухе и кулоном к этой цепочке приделался.

Фея шагнула ближе и мне на шею цепочку надела, при этом в глаза смотрела и хитро улыбалась.

Показалось, вот-вот и снова прыснет.

— Иди, — сказала она, подтверждая мои мысли. — Я еле держусь.

Попрощавшись с феей, мы шагнули в воду, и, оттолкнувшись ногами, поплыли к берегу.

На обратной дороге с нами пробовала играть русалка, могу

поклясться, та самая, но у дракона с ней был разговор короткий.

— Хвост откручу, — пообещал девице Исам, и та обиженно нырнула, шлепнув по воде хвостом, напоследок обдав нас столпом брызг.

— Вот зараза, — пробормотала я. — Волосы только высохли... Надеялась не намочить!

— Могудохнуть, — предложил Исам, оборачиваясь.

— Спасибо, не стоит, — скривилась я. — Видела я, как Кеншин в костердохнул. Я пока под ноль стричься не собираюсь. Без бровей и ресниц оставаться тем более.

— Пока не собираешься? —

уточнил Исам.

— А тебе-то что? —
огрызнулась я.

Мы уже почти доплыли до берега, я представляла, что надо выходить и искать одежду и оттого чувствовала себя неловко.

— Ничего, — ответил Исам. — Просто ты красивая. Тебе любая прическа пойдет.

Мы подплыли к берегу и дракон начал выходить, причем пятясь и не сводя с меня глаз. А я краснела и краснела...

— Отвернись, а? — попросила его.

— А что мне за это будет? — поинтересовался кто-то наглый и

белобрысый. И пока я думала над очередной колкостью, спросил: — Может, тебе одежду подать?

— А ты знаешь, где она?

— Там же где и моя, — белозубо улыбнулся дракон. — Я под тем же деревом раздевался.

— Не надо мне ничего подавать! — разозлилась я, вспомнив, что там, вместе со спортивным костюмом и маечкой, еще и кружевное бельешко.

— Да мне не сложно! — жизнерадостно сообщил непонятливый дракон и понесся под дерево.

Забыв на секунду, что совершенно обнажена, я устремилась

за ним.

И вот подхожу к дереву, где одежку оставила, а он уже вещички мои подхватил с земли, поднял, а трусики ожидаемо выпали.

Я охнуть не успела, когда он их другой рукой подхватил. Драконья реакция, чтоб ее!

А я стою, ресницами хлопаю, уставилась на него, словно впервые вижу.

И это так волнительно, стоять перед самым сильным и красивым мужчиной, что я видела в жизни, полностью обнаженной, и видеть у него в руке свои кружевные трусики...

Дракон и сам покраснел, ноздри

раздуваются, на щеках желваки играют, мускулы под кожей перекатываются... Из убранных в хвостик сзади волос одна прядь выбилась и спадает на лоб, что придает дракону озорной и какой-то мальчишеский вид. И сумасшедше-сексуальный какой-то при этом...

И он мне шмотки протягивает, а трусики, что в другой руке, соответственно, нет.

Гормоны внутри, казалось, не просто бунт устроили, а успели каким-то хитрым маневром верх над разумом взять.

Иначе как объяснить, что я к нему шагнула, шмотки не взяла, а глядя в глаза, за трусиками

потянулась... Он, не отрывая взгляда, свою руку в сторону отвел и приподнял еще, чтобы мне не достать было. Это заставило меня шагнуть еще ближе, пока на твердую, словно из камня высеченную, грудь не натолкнулась. И такой жар от него, что колени подкосились. Что-то мягко на землю обрушилось, подозреваю, что мои шмотки. А меня в охапку сгребли и поцеловали.

Нежно-нежно и при этом требовательно и как-то... горячо.

Голова закружилась, захотелось воздуха глотнуть, и губы беспомощно приоткрылись навстречу дракону, а из груди вырвался стон. Меня с такой силой к себе прижали, что набухшая

и странно ноющая грудь об него расплющилась, и было это так сладко и одновременно так невыносимо... и еще внизу дергать начало.

А я каким-то остатками разума понимаю, что все, что мы тут стоим голые, и целуемся, словно сожрать друг друга хотим, и вот дороги назад нету... И поэтому надо оттолкнуть его, по щеке, что ли, лягнуть, чтобы неповадно было... Или хоть обругать как-нибудь... И все это понимается, а только сделать с этим пониманием ничего невозможно, вот совсем.

Если бы еще ночь была не такая теплая, не такая волшебная, если бы не эти неоновые вспышки вокруг, если бы не нежная мелодия, что

опять с острова фей полилась... Может, я и нашла бы в себе сил противостоять этому драконьему обаянию.

Но руки его были при этом горячие, пальцы твердые, прикосновения нежные... А огонь, что внутри него пылал, я знала, я чувствовала был по своей мощи просто несопоставим с моим... внутреннем пламенем. Если у меня какие-то зачатки разума сквозь гормональный шторм пытались еще пробиться, то Исам и вовсе ничего не соображал. Он просто целовал меня, так, что задыхалась, просто прижимал к себе, покрывал поцелуями шею, плечи так, что

вздрагивала... Просто скользил горячими ладонями по спине, плечам, бедрам, сжимал пальцами ягодицы... И внизу дергало, и наливалось каким-то непонятным томлением...

Запрокинув голову, я застонала, обхватила его шею руками, и прошептала:

— Пожалуйста, Исам... Пожалуйста... Только будь нежен. У меня никогда... Никогда... Еще не было... Ну, ты понимаешь...

И в тот же миг меня целовать перестали.

А затем отступили на шаг.

И в горящих ледяным пламенем глазах осмысленное выражение

появилось.

Затем Исам встряхнулся, словно пес, который только вылез из воды и снова на меня уставился.

— Что не так? — прошептала я. — Никогда не думала, что скажу это мужчине... Но я как бы и не против...

И вот говорю это, а сама себя дура-дурой чувствую. Потому что смотрит он на меня как-то... по-новому. И вот это новое рождает стыд. А стыд, в свою очередь, как огнетушителем, тушим гормоны.

— Ты девственница, Таша?! — вырвалось у него.

У меня даже слезы на глаза навернулись от обиды. А кто, он

думал?

Кивнула.

Он как-то нервно сглотнул.

А мне все больше и больше стыдно становится, стою и пытаюсь хоть как-то руками и волосами прикрыться.

— Как по мне, ты сейчас от счастья скакать должен, — хмуро сообщила ему. — Разве нет?

И его ответ меня потряс.

— Нет.

Показалось, он вот-вот приближаться начнет, поэтому руку перед собой выставила и крикнула:

— Не смей!

И в ответ мне:

— Я и не собирался!

А затем развернулся и в воду скользнул, подняв фонтан брызг.

А у меня горло перехватило от обиды и в глазах защипало.

Быстро, что называется, «на автомате», натянула бельишко, подняв его с земли, маечку, наконец, спортивный костюм. И вот кажется, должна бы себя начать чувствовать при этом более уверенно, а нет. Такое ощущение, что меня растоптали. В прямом смысле этого слова. Вот наизнанку вывернули и растоптали!

Я же... Я же никогда, ни с кем... Поцелуи в щечку в летнем лагере в двенадцать лет не считаются... Мы с Андреем дружили больше, чем «гуляли». А потом... Не то, чтобы я

вот была как-то радикально против, что ли... Подружки уже в старших классах школы делились кое-какими секретами. Я понимала, что девчонок интерес ведет больше, чем то, что я только сейчас узнавать начинала. Мне тоже интересно было. Но чтобы этот интерес удовлетворить, лично мне нужен был контакт. Близкий. Глубокий. Не вчерашний и уж тем более не сегодняшней. Когда меня на втором-пятом-десятом свидании лапать начинали, уходили обычно с подбитым глазом и в плохом настроении.

Потому что что-то внутри говорило: «Рано. Он чужой».

Я сама понять не могла, что

значит, свой, а что значит, чужой. Но вот семья — мамуля, Виталий Владиленович, Кирюшка, Ариэлька... они для меня «своими» были. Родными.

А когда «чужие» начинали руки распускать, я себя какой-то девкой чувствовала. Вот прям девкой. И это осознание причиняло чуть ли не физическую боль. Которую я незамедлительно возвращала назад, к так говоря, источнику.

Поэтому сблизиться ни с кем как-то не довелось (мало кто захочет повторить попытку сближения после удара, скажем, в челюсть). А потом началась военная академия. Где девчонок меньше, чем парней. Где

девчонке надо быть всегда впереди и лучше, чтобы заслуги хоть наполовину признали... А что касается чести... Глядя на печальный опыт некоторых, я знала, что не зря говорят «потом не отмоешься».

И еще мамино предупреждение:

— Нет одному — нет никому.

Можно одному — можно всем.

Поэтому я и вовсе никого ближе вытянутой руки не подпускала.

А тут, практически сама себя предложила! Осознание этого подогнуло колени, сбило дыхание. Захотелось заплакать, даже завывать в голос. Останавливало только то, что слышала всплеск воды. Поэтому поспешила ретироваться и как

можно тише.

— Целуйся там с этими жабами хвостатыми, — от души пожелала Исаму, прежде чем провалиться в неглубокий, тревожный сон.

Глава 13

Проворочавшись всю ночь, я уснула только под утро. Мне снилось, что рядом кричат, вот прямо орут на ухо. Крик казался таким реальным, он него не спрятаться было, не укрыться, и когда три поверхностных сна сменили один другой, а крики с мольбой о помощи продолжили повторяться, до меня дошло: кричат наяву.

Я сонно заморгала, потом принялась яростно тереть кулачками глаза. Секунды две. Затем рывком села, озираясь вокруг.

Кричал невысокий темноволосый парень, с убранными сзади в хвост волосами. Одежда, как я успела бегло заметить, вся в прорехах, словно бежал, продираясь через колючие кусты. В глазах — какая-то безысходность, лицо искажено отчаяньем.

Я хмуро притянула поближе лук, который положила, засыпая, рядом со спальником.

Заметив, что добудился, человек кричать перестал и только воскликнул с болью в голосе:

— Помогите, прошу! Эти люди держат в плену мою невесту!

Я заозиралась в поисках извергов, лишивших парня невесты.

Взгляд натолкнулся на Кеншина, который был уже на ногах, и вид у дракона был отвратительно-выспавшимся. Что касается Исама, на него смотреть не хотелось, но пришлось, поскольку второй дракон находился в поле зрения. Беловолосый сидел на том же месте, где вчера засыпал, вид при этом тоже был подозрительно отдохнувший, только моргал часто, уставившись на разбудившего.

Кеншин как-то очень уж самодовольно улыбнулся и обратился к незнакомцу:

— Ты видишь, добрый человек. Мои спутники утомлены дорогой.

И руками развел, гад. Словно

приглашал несчастного
присоединиться к его личной
трагедии.

Исам, понятно, этого не вынес,
оказался на ногах раньше, чем
Кеншин договорил.

А я решила гордость на потом
оставить и зевнула. Все-таки игры с
русалками, утопление, приключения
на острове фей и разбитое сердце за
одну ночь — это серьезно.

Исам парня по плечу похлопал,
отчего тот на него с собачьим
выражением каким-то посмотрел, с
надеждой и верой в беловолосого,
отчего лично мне захотелось
фыркнуть.

— Мужик, сначала поесть, —

сказал Исам. — А потом уже что угодно. Я за завтраком.

И скрылся в кустах, чурбан бесчувственный.

Тот кивнул, и с криком «Я помогу!» бросился за драконом.

Я откровенно опешила.

— Как вы можете быть такими жестокими? — спросила у Кеншина.

Дракон плечами двинул.

— Ты что, не видела, принцесса? Этот человек не в себе.

— Что значит, не видела? — пробормотала я, поднимаясь и сворачивая спальник. — Прекрасно я его разглядела — вполне нормальный мужик, только нервный какой-то и дерганый.

Кеншин как-то странно головой покачал, поджав губы. Наконец, сказал:

— Его околдовали. Только непонятно, кто и чем.

Я ресницами захлопала. Но все же сочла своим долгом сказать:

— А мне он вполне убедительным кажется.

Кеншин, вопреки ожиданиям, кивнул, соглашаясь. От такого я снова глаза протерла. На всякий случай. Это он сейчас серьезно, с женщиной, то есть со мной, согласился?

Оказалось, серьезно. Потому что дракон добавил:

— Вот поэтому сначала позавтракаем, потом пойдем

помогать ему и его невесте. Если она существует.

Я не могла не признать правоту его аргументов. То есть забурчавший желудок не смог не признать.

— А если не существует, не беда, — продолжил дракон. — Я уже узнал, нам по дороге.

Я обозрела место нашей стоянки. Потухший костер. Рядом хворост и дровишки, которые, должно быть, Кеншин раздобыл, пока мы спали.

— Вот чтобы вы делали, если бы не котелочек мой походный, — пробурчала я, направляясь к рюкзаку. Утро было свежим, солнце еще не выглянуло из-за горы, к которой

лежал наш путь, и я ежилась. — Да не посудка... Чай-то вчерашний кончился. Вчера еще.

Появлению котелка и остатков вчерашних бутербродов, а также половинке черного хлеба дракон обрадовался.

— Здесь недалеко родник, — сказал он. — Давай наберу воды.

Протянула ему котелок, и стоило нашим пальцам соприкоснуться, как внутри что-то отозвалось. Робко так. Но приятно и тепло. А я уже думала, что после этой ночи моя реакция на драконов пройдет. На всех причем.

Кеншин посмотрел в глаза долгим взглядом и улыбнулся, словно знал о смятении внутри... и о теплых

волнах, которые заскользили по коже, стоило чуть задержать на нем взгляд.

— Я схожу к роднику, — сказал он таким низким и мелодичным голосом, что у меня дыхание перехватило. — Я быстро. Не скучай, принцесса.

— Соскучишься тут, — пробормотала я, мотая головой, чтобы немного прийти в себя.

Пытаясь собраться с мыслями, я продолжила говорить вслух:

— Значит, кто-то за водой, кто-то за дичью, а я, значит, на хозяйстве. Плохая идея.

Но все же когда оба дракона и незнакомец почти одновременно

вернулись, их ждал нарезанный хлеб, а еще четыре бутерброда с сыром, которые я порезала каждый на три части. Кроме того, оказалось, что маменька запихнула в рюкзак несколько огурцов, их я тоже порезала и разложила на походной тарелочке. И даже солью посыпала. Гулять так гулять.

Никогда не видела, чтобы птицу ощипывали, разделывали, натирали солью и специями так быстро, я даже моргать не успевала. Расположив дичь над углями, которые чудесным образом появились благодаря дыханию дракона, все трои умильно уставились на хлеб и остатки бутербродов. В общем, дичи закуска

не дождалась.

Наш новый знакомый представился Грикеофетом. И был сразу мной переименован в Гришу. Аппетитом он почти не отставал от драконов, что зародило у меня подозрения в правоте Кеншина: а может, и нет никакой похищенной невесты, или есть, но только в реальности Гриши?

Но тут рассуждения пришлось отложить на потом, потому что, если бы не успела ухватить птичью ногу, которую в мгновение ока сжевала с припасенным заранее куском хлеба и половинкой огурца, осталась бы без завтрака.

Пока «сворачивали лагерь»,

рассуждали, как быть с похищенной невестой.

По заверению обоих драконов и Гриши, места здесь глухие, а люди лихие, а что касается тварей, которые запросто могут встретиться по пути, о них вообще лучше даже не говорить, «чтобы не накликать беду». Это Гриша сказал.

Мое рациональное предложение, почему бы драконам не слетать побыстрому самим и не освободить несчастную девушку было отвергнуто, поскольку, как заявил Кеншин (Исам как-то демонстративно со мной не общался, что не могло не радовать брюнета), дорогу они не знают и без Гриши не

найдут.

Второе мое предложение, подкорректированное и оттого еще более рациональное, почему бы кому-то из них не слетать прямо с Гришей, он хоть парень крепкий, но для дракона, что-то мне подсказывает, это не ноша, было не просто отвергнуто, а даже подвергнуто остракизму.

С выражениями лиц, словно я им кровное какое-то оскорбление нанесла, мне заявили, что драконы — это вам не перевозочное средство, и вообще любой другой сильно пожалел бы даже о подобных мыслях, не то, что о сказанном!

Я ни о мыслях, ни о сказанном

жалеть была не намерена, потому что предлагаю реально рабочий план, а его всячески критикуют и еще и насмеваются, мол, женщина, куда тебе и все такое.

— А что же насчет невест? — спросила у них, и, когда на меня уставились все трое, пояснила: — У нас в сказках драконы девиц похищают, до которых они большие охотники.

Драконы переглянулись и сообщили важно, что девицы, тем более невесты, исключение. Кто бы сомневался!

Но на невесту по мнению драконов и самого Гриши парень не походил, поэтому решено было идти

пешком, что мы и сделали. Благо шествовать теперь предстояло по низине, что значит, никаких спусков и подъемов, и двигались мы ровнехонько к заветной горе, что также радовало.

— Они на повозках клетки катят, мы их нагоним, — сообщил Гриша, радуясь, что мы откликнулись на его скромную просьбу спасти невесту из рук «извергов» и еще и завтраком накормили.

Он так приободрился, что даже просил у Кеншина мой чемоданчик взять нести (поскольку по рытвинам и кочкам катить чемоданчик глупо). По лицу дракона видно было, как ему хочется расстаться с чемоданчиком

(от Louis Vuitton, если что!), но все же сказал, что Гриша таким образом быстро выдохнется, и это сильно нас замедлит, а он, Кеншин сильный, с чем спорить никто не стал.

Но с рюкзаком моим Кеншин смог расстаться, и если вчера Исам был явно в выигрышном положении, с двумя рюкзаками по сравнению с Кеншином, с рюкзаком и чемоданом, то сегодня, наблюдая торжественную передачу рюкзака Грише по лицу дракона было видно, что жалеет, что такая замечательная идея, как дележка одним рюкзаком не ему пришла в голову.

Миновав лес, мы вышли на хорошо укатанную дорогу, и оттого,

что Кеншин теперь запросто чемоданчик катил (я еще раз показала ему, как для удобства ручку выдвигать, и вообще, сама об удобстве чемодана напомнила), Исам и вовсе помрачнел. Надо сказать, я за его мрачным видом наблюдала с нескрываемым удовольствием.

Сама же я с удовольствием таранилась по сторонам и вообще чувствовала себя не то в турпоходе, не то на экскурсии по какому-то красивейшему заповеднику. Потому что драконий мир продолжал оставаться невероятно, просто фантастически красивым!

Местная природа напоминала мне одновременно нежно любимую

мною Исландию и не менее нежно любимый Непал. То же монументальное северное величие и южное буйство красок. Добавить сюда еще водопады по сторонам от нас — в отблесках утреннего солнца лазурно-розовые, какие-то странные горы, впивающиеся макушками в облака, но при этом лишённые оснований, просто висящие в воздухе, невиданных птиц с четырьмя, и, готова поспорить, даже с шестью крыльями, которые парят на воздушных потоках прямо над нашими головами в синем-синем небе... И можно сказать, что с каждым шагом стыдное ночное приключение становилось все

нереальнее и невозможнее. Словно я видела сон: местами жутковатый, местами красивый и сладкий... но все же больше стыдный и невозможный сон!

С удовольствием разглядывая бабочек с полтораметровыми крыльями, которые порхают над цветами, точь-в-точь наши тюльпаны, только голубые и с бутонами размером с голову я приняла для себя единственно верное решение: больше никаких блондинов.

Какое-то время мы слушали рассказ Гриши о его невесте. По словам спутника, «прекраснейшей из женщин, нежном и трепетном цветке, достойном гарема

сильнейших мира сего», которая томится в плену у «извергов». Сначала я слушала с интересом и даже задавала вопросы, но потом, когда Гриша начал повторяться и твердить о локонах цвета расплавленной меди, белой, как макушки гор, коже, о ясных очах, больших, как у лани и кротких, как у голубки, о грудях, похожих на мрамор, украшенный двумя вишнями, мне, если честно, надоело. Подозреваю, что драконам тоже, потому что те слушали с большим интересом только о грудях, а на остальное только вежливо кивали.

Нас окружили внезапно, вырвавшись, словно специально

поджидали, из-за холма, вопя и улюлюкая.

Взяв в кольцо, затихли, а я смогла рассмотреть окруживших.

По-крайней мере то, что все они были верхом на страусах.

Я сразу вспомнила, что ночью Исам назвал таких «птичьими людьми». И действительно, было в их облике что-то птичье, а еще они наших индейцев напомнили. Пристальные взгляды, поджатые губы, словом, непроницаемые выражения физиономий, красноватый оттенок лиц с высокими скулами и упрямо торчащими вперед подбородками.

Сходство с индейцами

придавали еще и перья в темных прямых волосах, доходящих до плеч.

Полуголые, в кожаных штанах и хорошо вооруженные, от ножей и сабель на боках до длинных трубок, приставленных к губам, подозреваю, стреляющих ядовитыми стрелами.

Словом, суровые, прям не подойти.

Окружившие со своих страусов попрыгали, но те не убегали, перетаптывались с ноги на ногу. Надо отметить, что местные страусы были не нашим чета. Во-первых, эти выше, а во-вторых ощутимо сильнее. И выражения морд (вот не подозревала, что у птиц есть мимика), злое и какое-то надменное,

как у хозяев.

Я незаметно для себя оказалась между двумя драконами зажатой, а сзади Гриша прикрывал.

— Проклятье, — сказал Исам Кеншину. — Если выстрелят из своих трубок — мы справимся, а принцесса сразу погибнет.

— И новый друг тоже, — подтвердил Кеншин. — А может успеем?

Исам покачал головой.

— Сам видишь, бесполезно. Не достанем, ни так, ни огнем.

Звучало не очень обнадеживающе, судя по тому, как заскрипел зубами Гриша сзади, вот совсем.

В это время двое, у кого перьев в волосах побольше было, и еще знаки какие-то на лицах, на улиток похожие, вперед вышли и принялись пристально-пристально нас разглядывать. Причем их вниманием больше поклажа завладела, нежели мы все вместе взятые... Ну... И ваша покорная слуга. Остальные продолжали в нас из трубок целиться, а на этих двоих как-то с почтением косились, из чего можно было смело вывод делать, что они здесь главные.

Я, воспользовавшись их повышенным к чемоданчику моему вниманием, их, в свою очередь, беззастенчиво разглядела. И они

какими-то подозрительно знакомыми показались.

Захотелось у Исама спросить, не этих ли мы видели ночью, на острове фей, но тогда пришлось бы о ночи, собственно, местами весьма бурной рассказать... В общем, я промолчала.

Вместо этого присмотрелась к туземцам получше, ночью как-то не до этого было.

Помню, тогда еще думала, что физиономии у них покраснелись оттого, что они в позе «зю» перед феей выплясывали... А теперь оказалось, это они сами по себе такие. И вправду на индейцев похожи, только ростом несравненно выше и в плечах шире.

— Гарри Поттера не отдам, — возмущенно прошептала я, потому что двое главных в него уже пальцами тыкать начали и языком цокать. — Подозреваю, они и читать не умеют.

Кеншин как-то подозрительно на меня покосился, но ничего не сказал. А что тут скажешь, когда все мы под прицелом находимся, особенно мы с Гришей, потому что драконам, как выяснилось, ядовитые стрелы нипочем, а нам, людям, очень даже опасны.

«Птичьи люди» продолжали безмолвствовать, словно хотели дать нам вдосталь насладиться ужасом.

Ужасом мы не наслаждались, но

у меня от нервного напряжения ощутило засосало под ложечкой, а учитывая, что Гриша не сводил глаз с их страусов и при этом сглатывал не переставая, он и вовсе в отчаянье был.

— А чегой-то они серьезные такие? — тихо спросила Кеншина, пользуясь сильно затянувшейся паузой.

— Чтобы не потерять лица, — пояснил дракон. — У них большего позора нет, чем проявить хоть какие-то эмоции или поставить себя в неловкое положение.

— Ага, — пробормотала я. — А эти двое кто? Их вожди, что ли?

— Похоже на то, — согласился

дракон. — В том, что они тут главные, сомнений нет.

У меня сомнений тоже не было.

Но «птичьим людям» не понравилось, что мы между собой разговариваем.

— Молчать, бледные! — гаркнул один из них, причем гаркнул громко, а выражение лица ничуть не изменилось, оставаясь такой же отрешенной, непроницаемой маской, словно этот человек был всего лишь костюмом, скафандром для какого-то другого, судя по голосу и интонациям, излишне эмоционального.

— Соблюдайте тишину, пока высшие думают! — с таким же

непроницаемым выражением лица подтвердил второй.

Насчет «высших» от дикарей услышанном, я даже захихикала, о чем тут же пожалела, потому что внимание «птичьих» снова вернулось ко мне.

Меня рассматривали пристально и долго, не пропуская ни одного изгиба тела, отчего захотелось съежиться и вообще по размалеванным лицам съездить, а судя по желвакам на щеках драконов, их такое ко мне внимание оскорбило едва ли не больше, чем меня саму.

— Сегодня ваш счастливый день, бледные, — величественно сказал один из туземцев. — Мы могли бы

забрать ваши жалкие жизни, но вместо этого берем в уплату за пользование нашей дорогой лишь ваши вещи и женщину.

Меня, то есть.

Я, услышав такое хамское высказывание, головой помотала, показывая, что я против, но на меня никто внимания не обратил, ни свои, ни чужие, что обидно.

Чуть шагнув вперед, Исам возвестил:

— Ни вещи нашей женщины, ни сама женщина с вами не пойдут.

— И если вы уберетесь с дороги немедленно, мы сохраним вам ваши жалкие жизни, — добавил Кеншин.

Эти двое главных у «птичьих

людей» обменялись долгим взглядом. Я уже понадеялась, что они все же прислушаются к угрозам драконов, но, как оказалось, зря.

— Мы берем назад свое великодушное обещание, — с достоинством сказал один из этих.

— Вы все пойдете с нами, — добавил второй. — Из крепких мужчин получают хорошие рабы.

От слов «пернатых» веяло такой уверенностью, что я сглотнула. Это что же, придется к ним в племя топтать под прицелом? По меньшей мере унижительно, по большей — просто глупо. Да и от намеченного пути не хотелось отклоняться. Кому-то позарез к священной горе надо,

кому-то невесту выручать...

Я еще раз скользнула взглядам по непроницаемым лицам. В том, что именно этих двоих мы с Исамом видели ночью на острове фей, лично у меня не было никаких сомнений.

— Ага, — буркнула я вслух. — Угу...

На меня покосились оба дракона, и я тихо поинтересовалась у Кеншина:

— А как они относятся к магии? К пророчествам там, предсказаниям?

Дракон нахмурился, но ответил:

— Уважительно.

— Ага, — кивнула я.

Навесив на лицо самое непроницаемое выражение, я

драконов чуть в плечи пихнула, чтобы пройти дали и вперед выступила. При этом трубки, что эти к губам прижимали, за мной не повернулись, из чего сделала вывод, что эти туземные шовинисты за бойца меня совсем не считают, не смотря на лук и колчан со стрелами за спиной. И вот это было обидно.

Нахмурившись от этой самой обиды, но при этом стараясь попасть дикарям в том и говорить надменно и непроницаемо, как они, я заговорила. При этом подняла руку, развернув к ним ладонь.

— Хау! — начала я. — Привет великим красномордым воинам от бледнолицых братьев с великой

земли Шаляй-валяй.

Вожди промеж собой переглянулись, но один из них все же уточнил.

— Это где такая? Что-то мы не слышали о таком странном названии.

Я пространственно махнула рукой.

— Там, — сказала я важно. — За высокими горами, да за глубокими долами!

Вроде отстали. Но слушали. И как-то напряженно, что воодушевляло. Важно откашлявшись, выдерживая паузу, я продолжила:

— Я, великая скво из клана Смертоносных студюзусов пришла на сию благословенную землю,

чтобы нести пророчество по закону гор!

Драконы переглянулись, у обоих на лицах одно и то же выражение, мол, мы пропали, и что она несет?!

А эти наоборот, посмотрели с каким-то новым интересом.

Гриша же, который заслышав мою пламенную речь, вперед выступил с открытым ртом, прослышав о клане Смертоносных студиозусов, даже поклонился.

Надо сказать, поклон Григория и на этих подействовал

Кто-то, из тех, что драконов на мушке продолжал держать, все также держа, на всякий случай тоже поклонился. Кто-то только

почтительным выкатом глаз решил отделаться.

Ничего. Мы их всех сейчас пройдем.

— Пророчество? — недоверчиво переспросил один из вождей, но на лице все та же маска непроницаемая.

Я на это величественно кивнула, и для пущей убедительности на плечи поплевала. Не знаю, зачем это сделала, но, по моим скромным убеждениям, дикарей должно было пронять.

Кое-кого проняло, из еще не поклонившихся. Еще пара-тройка воинов в почтении головы склонили.

Второй же вождь, который ни разу не слышал о клане

Смертоносных студиозусов, почти нахмурился.

— Как докажешь свой дар? — спросил он, пожевав губами.

Нет, ну надо же какие мы серьезные, что-то, когда ночью они перед феей свое «курлы-курлы» изображали, мне такими вовсе не казались.

Ничего. Сейчас пройдем, решила я.

— А я вам прямо сейчас погадаю, — нагло так сказала, в традициях «Ой нанэ-нанэ красавица, позолоти ручку и дай бог тебе здоровья и жениха — богатого и неутомимого!».

Мой наглый тон и уверенность в

глазах подействовали.

Тем, кто драконов на прицеле держал было скомандовано на шаг отступить и руки с трубками опустить, но, если что, стрелять без предупреждения.

— Как ты собираешься нам гадать, о великая скво из клана Смертоносных студиозусов? — старательно выговорил один из вождей.

— Все уважающие себя гадалки делают предсказания, разбросав по дороге внутренности своих врагов, — подсказал второй вождь и глаза его при этом вредно сверкнули.

Если он таким образом думал меня пронять, то сильно

просчитался. Мы с Ариэлькой покерфейс умеем не хуже профессиональных игроков держать. А иначе в нашей академии просто не выживешь. Как еще свое опоздание на пары или прогулы объяснять?

Заверив, что моих врагов давно уже нет в живых, что сподвигло всех, кто до этого поклониться забыл, восполнить сие упущение, я сказала, что гадаю по старинным книгам.

Поскольку слово для дикарей было новое, те тут же прониклись еще большим уважением.

Скомандовав всем, а особенно Кеншину отвернуться, я извлекла из чемоданчика томик Гарри Поттера и старательно подула на корешок.

Распахнув книгу, надула щеки для пущей убедительности и уставилась на буквы.

Моего гадания ждали с нетерпением и нарастающим беспокойством.

Наконец, я, старательно хмуря брови, словно внимательно вчитываюсь в историю мальчика-волшебника, воспитанного маглами, исторгла:

— Слы-ышу-у! — прогудела я, многозначительно при этом глянув на вождей. — Слышу звуки, сильно напоминающие птичий клекот, но издаваемые человеческими глотками!

На лице одного из вождей

обозначился явный интерес, на лице другого — тщательно скрываемое беспокойство.

— Курлы-курлы, — старательно вывела я. — Кудах-тах-тах!

И так же старательно побряхтела.

Поскольку интонации я копирую филигранно, а по словам преподав, пакостничество и талант выводить из себя у меня в крови, после красноречивой попытки воспроизвести услышанное ночью на острове фей, оба вождя обменялись довольно-таки тревожными взглядами.

Я же, окрыленная первой победой, глаза вытаращила в книжку

так, что Гриша даже попытался заглянуть через плечо, мол, чего я там такого увидела.

Поскольку священная история Гарри Поттера не для посторонних глаз, от Гриши я отмахнулась и возопила:

— Ви-ижу!!

Беглый взгляд на вождей и вот, они уже не красномордые, а огненно-мордые, прям с горящими щеками и ушами.

Я же продолжала:

— Вижу две части тела, подпрыгивающие в ночной тиши, украшенные перьями, как да простите меня, великие красномордые воины, ваши буйны

головы. Сии непонятные мне части тел подпрыгивают, ударяются друг о друга и отскакивают в стороны, как волейбольные мячики.

Может, из красномордых никто о волейбольных мячиках не слышал, но, когда я сообщила, что в неопознанных частях тела задницы опознала-таки, захихикали не только драконы с Григорием, но и внимательно слушающие меня туземцы. Все, кроме вождей.

Я же не стеснялась ни в красочных описаниях, ни в выражениях.

— Задницы сии, о доблестные воины, с торчащими из них перьями оперением наружу (это уточнение

почему-то рядовых туземцев до колик рассмешило, а вот вождей наоборот, расстроило как-то), так вот, эти два зада звуки издают неведомые и наскакивают друг на друга, аки срамники какие! — вещала я. — А под ними, знаете ли, другие части тела болтаются! Красные такие!

Тут уже туземцы покатывались со смеху вместе с Григорием. Кто-то даже, завидев, что парень закашлялся, по плечу его похлопал. Драконы же смотрели на меня не сказать, чтобы одобрительно, но все же не мешали, на чем и спасибо, а вожди пошли пятнами.

— Ну-ка, ну-ка, — хорошо

поставленным ГОЛОСОМ
ПОТОМСТВЕННОЙ вещуньи вопила я и
делала вид, что вглядываюсь в
печатные строчки. — Не вижу, что за
части тела такие...

Выдержав паузу, как всякий
уважающий себя драматург, я,
наконец, возвестила:

— А не лица ли это у коленок
болтающиеся, о великие
красномордые воины? Причем лица
красные такие, и какие-то до боли
знакомые...

Я пальцем заложила книжку и
задумчиво-задумчиво на вождей
посмотрела...

— Хватит!! — рывкнули они в
голос.

— Ты доказала, что являешься великой пророчицей, скво!

— Ты вольна идти, вместе со своими людьми, дабы вершить свою великую миссию! — подхватил второй.

— По закону гор! — хором подхватили остальные, причем вместе с Григорием.

— Красномордые воины (эко я с названием-то угадала!) поддержат любое твое правое дело и предоставят по первому же зову свои мечи и плевательные трубки!

— Принимаю ваши мечи и плевательные трубки, — с самым серьезным видом сообщила я, пряча волшебную книжечку в чемоданчик,

чтобы вождей лишний раз не нервировать. И не искушать отобрать ее у нас, поскольку по их лицам было видно, что думают, что там секреты всего мира собраны, вот всех на свете, от великих красномордых вождей до некой скромной, но не менее великой, скво.

Прощались мы, как положено, долго, обстоятельно, красноречиво и даже горячо.

Меня в очередной раз заверяли в вечной верности, клялись своими мечами и плевательными трубками, а я, несмотря на явное неодобрение драконов, разошлась и раздавала направо и налево свое высочайшее благословение, желала каждому

крепкого здоровья и долгой жизни (причем Григорий тоже за благословением подошел), а я, окончательно войдя в раж, чуть было им всем женихов богатых да неутомимых не пообещала.

Хотя, вспоминая ночные пляски из серии юморист на юмористе... Может, кого-то бы такая перспектива и не очень-то оскорбила бы...

Глава 14

Расставшись, наконец с племенем «красномордых», мы продолжили свой путь к благой цели, а именно, вызволению несчастной ясноокой Хоккайды из лап «извергов». Причем Гриша теперь чуть не в рот мне заглядывал и смотрел с таким восторгом и обожанием, что даже как-то неудобно было.

А еще, к неудовольствию обоих драконов, парень воодушевился не на шутку и вообще каким-то неумным оптимизмом воспылал. Потому что,

по его словам, если раньше он хоть немного (совсем чуть-чуть) сомневался, что мы сможем врагов одолеть и невесту освободить, то сейчас у него и тени сомнений не осталось.

Чуть отойдя от дороги, мы сделали привал, чтобы перекусить остатками утренней птицы, а я, уговорив Кеншина согреть воду в термосе, насладилась еще и свежесваренным чаем с сахаром. Ароматный напиток оценили все, а Гриша, который ни разу в жизни не пил ничего подобного, кажется, окончательно убедился в моих незаурядных способностях, к негодованию обоих драконов.

Правда, к чести обоих надо сказать, что свою шарманку о том, что женщина должна сидеть ниже травы и не отсвечивать, они сегодня не заводили.

Исам вообще был малоразговорчивый, а Кеншин, надо полагать, не хотел ронять мое реноме в глазах Григория, поскольку мои личные заслуги хитрый дракон, ничтоже сумняшеся объявил общими. Я не возражала. К такой несправедливости я еще в академии привыкла. Оставалось только надеяться, что в их Альма-матер будет по-другому.

По дороге нам дважды встречались какие-то крытые

повозки, запряженные лошадьми, которые оставляли за собой облака пыли, из чего я сделала вывод, что передвигаются здесь не только на страусах. Когда вдалеке снова увидела странных зверей с двумя хоботами и спросила, что за они, мне пояснили, что это титанозавры, местные парнокопытные, в этих местах они дикие, но есть и такие страны, где их впрягают в повозки, именуемые лингерами.

На мой вопрос, кто может рискнуть впрячь эдаких слонопотамов в повозки, мне спокойно ответили:

— Демоны.

Из чего я заключила, что демоны

в этом мире тоже есть, после чего временно задавать вопросы расхотелось.

После того, как, следуя указаниям Григория, мы сошли с укатанной колеи и двинулись через поле, путь пришлось прервать еще дважды.

Один раз мы были атакованы гигантской сколопендрой, вознамерившейся полакомиться всеми нами по очереди. Сколопендра поднималась на несколько метров над землей, отчего ее коротенькие ножки болтались в воздухе, разводила и сводила жвала, угрожающе распахивая огромную пасть, в которой я могла бы запросто

уместиться целиком и атаковала.

Что-то мне подсказывало, что своим огненным дыханием оба дракона могли бы расправиться с зарвавшимся насекомым в два счета, но это было бы не так эффектно.

Вместо быстрой расправы нам с Григорием показали настоящий боевой танец, со взлетами в воздух, эффектными разворотами, разящими смертоносными ударами рук и ног. Ни Исам, ни Кеншин, принципиально оружием не воспользовались, видимо, чтобы произвести больший эффект. И им это удалось. В том, что касается Григория. Да и вашей покорной слуги... Наблюдать за смертоносной

схваткой драконов в человеческом обличе и гигантского и потому очень опасного насекомого было интересно, захватывающе... и очень волнительно.

Вопреки моей воли губы дрожали, пока вела счет, пальцы вздрагивали в унисон ударам, я то и дело зажмуривалась, когда казалось, что схватка вот-вот будет проиграна, и, поэтому, когда слышала очередной восторженный вопль Гриши, с облегчением декламировала:

— Удар! Еще удар!левой! Правой! Да это почти нокаут! Счет десять — ноль в пользу наших! Ой! Мамочки! Вот это да...

Судя по самодовольным лицам

драконов, такая моя реакция была им приятна. На Исама я специально не смотрела (справедливости ради надо заметить, что он на меня тоже), а вот Кеншин из кожи вон лез, красуясь передо мной и соперником.

Надо сказать, поведение Кеншина по отношению ко мне тоже изменилось: может, сказался ночной разговор с Исамом, который я слышала, засыпая, а может, дракон сам понял, что тактика «я — сильный и мужественный, а ты — глупая и слабая» со мной не пройдет... Но брюнет перестал хмыкать и фыркать по поводу и без повода, усмехаться, словно нарочно подчеркивая мое скудоумие, и

вообще вел себя, можно сказать, галантно, пытался даже развлекать местными легендами и сказаниями.

Во второй раз путь нам преградили скорпионы. Огромные, почти как сороконожка.

На этот раз боевым танцем драконов отделаться не удалось. Когда до Исама, пока он с двумя насекомыми сразу рубился, сделав из чудо-браслета кривую саблю, третий его чуть было жалом не достал, я, хоть зареклась смотреть в сторону блондина, ахнула и выстрелила.

Подарок фей порадовал тем, что свалил пятиметровую тушу с одного выстрела. Затем еще Кеншина подстраховала, и еще двоих

скорпионов уложила исключительно из любви к искусству. И от злости, если честно. Потому что стоило вспомнить, как Исам ночью от меня отстранился, без причины, без объяснений даже, так горько становилось, что схватка со скорпионами пришлась на руку.

После этого Григорий уважением ко мне еще больше проникся, а Кеншин, видя, что Исам за день не сказал мне ни слова, и вообще в мою сторону не смотрел, так и жег глазами, отчего щеки краснели, словно к ним приложили угли, а ноги то и дело норовили подкоситься.

Догнали мы похитителей

невесты Григория уже к вечеру.

Солнце уверенно катилось к верхушкам деревьев на горизонте, словно истосковалось за день в синеве неба и желало как можно быстрее погрузиться в блаженный теневой покой. Я моргнуть не успела, как от него осталась только желто-багряная полоса, позолотившая лес на горизонте, отсвечивая от парящих гор и грохочущих водопадов.

Торжествующий вопль Григория заставил подпрыгнуть и схватиться за лук.

Только истолковав, наконец, его буйный танец, напоминающий гопака и вприсядку одновременно, соперемежаемый торжественными

воплями и тыканием пальцами куда-то вперед, я поняла, что мы, наконец, у цели.

Гриша оказался прав: впереди, на опушке леса, разбили лагерь десятка два человек. От двух костров, одного побольше, другого поменьше, ветер донес щекочущий ноздри аромат жареного мяса и печеных овощей. Рядом паслись шестеро коней, должно быть, днем они были запряжены в две длинные повозки, обе уставленные ящиками... нет, клетками! Причем довольно вместительными, запросто уместится человек.

Что-то в облике снующих туда-сюда по стоянке людей показалось

странным, причем, судя по взгляду, которым обменялись драконы, их тоже что-то насторожило.

Я перевела взгляд на Григория и поняла, что именно: люди, похитившие, по его словам, его невесту, были одеты так же как он, правда, чище и опрятнее.

Нас заметили издали и ожидали во всеоружии, правда, когда увидели Гришу, такое ощущение, что, узнав его, оружие опустили.

Когда мы приблизились к стоянке, нас встречало трое мужчин и женщина. Все в кожаных доспехах, в ножнах оружие, за спинами луки и стрелы.

Не дожидаясь, пока с нами

заговорят, Гриша вырвался вперед и возвестил:

— Бойтесь и трепещите, ничтожные, ибо я привел великая пророчицу из клана Смертоносных студиозусов (запомнил, надо же... как-то неудобно, если честно), и обрушится на ваши головы кара небесная, поскольку великую скво сопровождают два героя-дракона, могучие и непобедимые воины! Так что недалек час расплаты за ваши прегрешения! Отдайте Хоккайду похорошему, а не то худо будет!

Судя по лицам драконов, с героями и могучими воинами они согласны были, а вот с тем, что являются моими сопровождающими,

нет. Но ни слова не сказали, видно присматривались к предполагаемым противникам, позволяя Грише вести переговоры, ведь судя по одежде, а также по лицам встречающих нас и их сочувственным взглядам, они с Гришей точно знакомы.

Я тоже присматривалась к предполагаемым похитителям, и, не в обиду Грише, но по сравнению с ними он не совсем вменяемо выглядел, особенно с его монологом про несокрушимую скво из клана Смертоносных студиязусов.

Хоть он и говорил про этих ребят, что они плохие, но с виду какими-то нормальными казались. Или это на фоне Гриши?

Пользуясь тем, что Григория узнали, на нас нападать не пытались и смотрели с сочувствием и пониманием, я тоже наладить контакт решилась.

Я вышла вперед, положила руку на плечо Григорию, который красноречиво довольно-таки расписывал, что мы сейчас с ними со всеми сделаем, если они не возвратят Хоккайду, и он замолчал. На меня с надеждой посмотрели и многообещающе этим людям улыбнулся.

— Вы знакомы с Григорием? — спросила я девушку с перекинутой через плечо косой.

Потому что как-то проще с

женщинами вопросы решать. Данные экспериментальных исследований показывают, что продуктивнее.

Драконы же на девушку наоборот как-то подозрительно косились... Конечно, подозреваю, если мамуль их в каком-то бесформенном балахоне встретила и глаза чуть ли не в пол, они привыкли своих женщин кутать в сто одежек, да небось еще и кланяться им велят по несколько раз на дню, чтобы не забывали свое место.

А тут изящная, стройненькая, кожаные брючки и лиф в обтяжку, быстроглазая, смотрят прямо и открыто, за спиной, как у меня, лук и колчан со стрелами — красота!

Кстати о луках — их вниманием явно мой завладел, по-крайней мере мужчины только мне за спину смотрели, а девушка пытливо в глаза.

— С Григорием? — повторила она мой вопрос и нахмурилась. Голос у нее оказался низкий и звонкий одновременно. Такой совсем не злой голос, а можно сказать, певучий.

— Тьфу, — неинтеллигентно пробормотала я. — я имею ввиду с...

— Грикеофетом, — с придыханием шепнул на ухо Гриша.

— С Грифеокетом, — послушно повторила я.

Мужчины по сторонам от девушки переглянулись. А девушка

губы поджала, словно сдерживает смех и от этого еще более хорошенькой показалась.

Стрельнув глазами на Гришу, она проговорила:

— Знакомы ли мы с Грикеофетом? Знакомы. Он мой брат.

Тут настал наш черед переглядываться. Причем с совершенно непонимающим видом.

Насладившись недоумением, проступившем на наших лицах, девушка продолжила.

— Мое имя Ликерия. И Грикеофет мой младший брат. Еще вчера яростный охотник на лис, а сегодня перебежчик на вражескую сторону.

Драконы так нахмурились нехорошо, надо сказать, мне тоже неприятно стало. Ведь нормально беседуем, с чего нас вдруг во враги записали-то?

Заметив наше замешательство, Ликерия, которая должно быть, отличалась хорошо развитой интуицией, подняла ладони в успокаивающем жесте и заверила, что имеет ввиду вовсе не нас, а каких-то там лис. К слову, одна из них, по ее словам, и околдовала ее младшего брата, сиречь Грикеофета.

Гриша стоял хмурый, сестре не возражал, разглядывая носки своих сапог. И вид у парня при этом был такой несчастный, что мне стало его

жалко.

— О каких лисах ты говоришь? — спросила я девчонку. — Кто околдовал твоего брата?

Ликерия же на Гришу посмотрела. С жалостью и теплом. На лице ее читалось такое искреннее сочувствие, что мне как-то неловко стало, а в груди все сжалось.

— Грикеофет, — игнорируя мой вопрос, тихо проговорила Ликерия, обращаясь к брату. — Эта твоя Хоккайда никогда не любила тебя. Лисы не умеют любить... Ей хотелось просто жить в тепле и уюте, а еще они питаются эмоциями, как и любые демоны.

— Хоккайда не демон! —

воскликнул Григорий с отчаянием и глаза у парня заблестели.

— Нам кто-нибудь объяснит, наконец, что происходит? — не выдержал Кеншин. — Мы преодолели много миль, чтобы спасти невесту этого юноши. Он говорит, что она у вас, и вот, когда мы вас нагнали, вы говорите совсем другое.

Ликерия посмотрела на нас с сочувствием и показала в сторону одной из клеток.

— Убедитесь сами, — сказала она нам.

В тот же момент Григорий бросился в указанном направлении, но мужчины, что стояли до этого

молча, преградили ему путь. А когда попытался прорваться силой, схватили за руки, заломив их за спину.

— Тихо, тихо, парень, все в порядке с твоей Хоккайдой, — сказал один из них, тот, что постарше и похлопал Гришу по плечу, — Но тебе лучше не смотреть на нее, пока заклятье проклятой лисы не утратит силы...

Заинтригованные до крайности мы с драконами прошли к клеткам.

Из первых двух нас облаяли лисы.

Лисы как лисы, может, хвосты чуть пушистее, а глаза умнее, чем у остальных, а так ничего особенного.

Но в следующей клетке лис не было. Там сидел человек. Девушка. Она сидела, обхватив колени руками, положив сверху голову. Спутанные рыжие волосы свисают до пола клетки. На девушке было серенькое мешковатое платьице, все в прорехах, не скрывающее белоснежную, в садирах кожу.

Так непривычно было видеть человека в клетке, что я замерла, как громом пораженная. А потом девушка подняла голову и посмотрела на меня.

От взгляда желтых глаз стало не по себе. Кончик носа девушки дрогнул, словно она принюхивалась, а когда сзади подошел один из

охотников, она обнажила зубки в оскале. Ничем не примечательные зубки, надо сказать, вполне себе человеческие, только мелковатые. Белые и почти ровные, если бы не торчащие вперед клыки.

Девушка посмотрела на охотника за моей спиной, а потом твякнула по-лисьи и утробно заворчала. И была она при этом такая жалкая, растрепанная и какая-то напуганная, что не знаю, как у остальных, а у меня ком в горле стал.

— Видите? — спросил охотник и сердито сплюнул под ноги. — Это не человек, это оборотень.

В том, что передо мной не человек сомнений не было. Но

вместе с этим презрения и даже какой-то ненависти, что от взрослого сильного мужчины к этой встрепанной девчушке исходит, тоже не было.

Девчонка же снова на меня посмотрела долгим взглядом, а потом опять голову на коленях устроила. И что-то мне в ней знакомым показалось. Прямо очередное *dejavu*. Как будто я девчонку эту раньше видела. Но понятно, раньше я ее видеть нигде не могла.

— Мастер Горо, — вырвалось у меня, а у девушки ушко, что между спутанных локонов выглянуло, дрогнуло.

В следующий момент она рывком голову подняла и снова на меня посмотрела. Настороженно и при этом как будто с надеждой.

Я вплотную к клетке подошла и за прутья взялась.

— Ты знакома с мастером Горо? — спросила тихо.

Это нашим хозяевам не понравилось. Меня тут же оттеснили от клетки. Девушка так и не ответила, может, не поняла, только голову на сложенные на коленях руки больше не опускала, смотрела на меня насторожено и с какой-то робкой надеждой.

Драконам то, что меня от клетки оттеснили, не понравилось. По

сторонам от меня встали, и охотники отступили на пару шагов. Но при этом смотрели так, что понятно было — одно неловкое движение — будет драка. А становиться причиной драки мне не хотелось.

Я Гришу с Ликерией глазами поискала, и увидела, что брат с сестрой у второго костра сидят. Ликерия руку ему на плечо положила и что-то настойчиво объясняет. Григорий сидит хмурый, как сыч, на слова сестры не реагирует, смотрит прямо перед собой невидящим взглядом, губы сжал в одну линию.

Мы с драконами вернулись к костру.

Тот самый охотник, что до этого

Григория успокаивал, спросил:

— Ну что, убедились? Не человек это вовсе, а оборотень.

— Кицунэ? — вопросом на вопрос ответила я.

Мне в ответ нахмурились, а потом настороженно спросила:

— Ты ведаешь их тайное имя?

— Ну, это тайное имя у нас любой школьник знает, — пожала я плечами.

— Должно быть, ты из какой-то диковинной страны, госпожа, — пробормотал охотник, но взгляд его настороженности не утратил.

— А что она сделала? — спросила я охотника.

Тот покрутил головой, словно

искал, о ком спрашиваю.

— Я об оборотне, — пояснила я.

— Как, госпожа? — не понял охотник. — Что значит, что сделала? Она оборотень!

— Да уж, — хмыкнула я. — Исчерпывающий ответ.

— Я не понимаю тебя, госпожа, — пробормотал охотник.

— Так сложно понять, — сочувственно покивала я. — Кроме того, что эта несчастная оборотень кицунэ, она еще в чем-то преступном замечена? Видите ли, мне она подозрительной не показалась.

Охотник отшатнулся от меня, как от чумной.

— Кицунэ околдовала тебя! —

крикнул он и практически сразу же нас окружили охотники.

Глава 15

— Ты зря, Таши, — прошептал на ухо Кеншин. — Это же дикие люди, охотники, причем. В этом смысл их существования. А ты перед ними оборотня выгораживаешь.

А Исам ничего не сказал. Когда на него из-под ресниц взглянула, дракон хмурый стоял, еще хуже, чем Гриша, и недобро так охотников рассматривал, что нас окружили.

— Да ладно? Смысл существования? — прошептала я, обращаясь к Кеншину. — А что-то мне подсказывает, смысл их

существования в деньгах. Ведь не для себя они этих лис добывают. Сами они их ненавидят, понятно. Так почему тогда не убивают?

— Ты права, принцесса, — нехотя пробормотал Кеншин. — Наверняка... Они... Наверняка они продают их. Хоть это и странно, очень странно.

— А кому? — спросила я. — Кому нужны живые лисы и оборотни?

Дракон не сразу ответил, а мне отчего-то не по себе стало.

— Никогда не становись между людьми и деньгами, — презрительно бросил Кеншин.

Охотники, тем временем,

окружившие нас и не сводившие с меня взгляда, пропустили в круг еще одного, с сединой в волосах и усах, отчего усы человека казалось, тронуты инеем.

— Кого здесь еще околдовал оборотень? — сверкнув темными глазами, спросил человек хриплым голосом и мне стало не по себе.

— Ее! — сразу десять рук показали на меня.

Человек шагнул навстречу и одновременно с ним шагнули драконы, показывая, что никого ко мне подпускать не собираются, даже самого почетного-распочетного охотника.

Тот намек понял, но вид сделал,

что сам остановился. Важно так губами пожевал и продолжил по мне глазами шарить. Взгляд его мне не понравился, и что-то подсказывало, что драконам тоже.

Наконец, пожилой охотник заговорил.

— Это правда? Ты говорила с лисой, девочка?

И при этом продолжает глазами впиваться, словно норовит в душу заглянуть.

— Нет, — отвечаю ему, — не получилось у нас с ней разговора.

Ведь и вправду не получилось. Я только про мастера Горо спросила, меня оттеснили сразу, а лиса не ответила. Кстати, могла. И вот до

меня дошло, что она специально не сказала ничего, чтобы меня не подставить. Потому что этот охотник только и ждал явно, чтобы я в чем-то таком призналась. Но вот не вышло у него. Тогда он с другого зайти решил:

— Но ты пыталась заговорить с лисой? Она показалась тебе привлекательной? Желанной? Манящей? Притягательной такой? Отвечай, девочка!

Я пожала плечами.

— Девчонка как девчонка, — говорю. — Напуганная только.

Глаза охотника блеснули торжеством.

— Ага, — у него даже голос задрожал. — То есть жалкая, да? Так

и хочется пожалеть, посочувствовать?

Меня Кеншин в бок ткнул, но я и без него уже поняла, куда старик клонит.

— Не жалкая, — ответила я. — Просто нормальная. Обычная.

— Наша спутница прибыла из другой страны, почтенный, — вступил в разговор Исам.

— И не ведает местных традиций, — подтвердил Кеншин. — Она никогда раньше не видела оборотня.

— Это я понял, — сказал старый охотник. — И Грикеофет говорил про дальнюю страну и дар предвидения. Может, ты увидела в этой лисе что-то особенное, девочка?

Он говорил со мной таким сладким голосом, что очень хотелось ответить ему в тон, сообщить, что на фоне их всех девчонка-оборотень нормальной казалась. Потому что они все как из психушки сбежавшие.

Но вместо этого пожала плечами.

— Да обычная она, — ответила я. — Но другая при этом. Не такая, как вы.

Восторженный вопль потряс лагерь.

— Другая! Она увидела это! Госпожа не говорит, что оборотни ничем не отличаются от нас! Колдовство подлой твари не коснулось ее! — понеслось со всех

сторон.

Старик пожевал губами, видно, ему не очень-то хотелось признавать меня вменяемой, но ничего не поделаешь. Он устало махнул рукой в мою сторону, и остальные довольно закивали.

— Надеюсь, вы почтите нас своим обществом, уважаемые? — спросил он. — Разделите с нами вечернюю трапезу.

Я хотела сказать, что мы спешим, но Кеншин незаметно наступил мне на ногу. Не больно, но ощутимо.

— Мы примем ваше предложение с удовольствием, — ответил он старику и нас пригласили

к костру.

— Придется заночевать тут, — сухо сказал Исам. — Чтобы не вызывать подозрений.

Нас усадили у костра, причем Григорий хотел подойти, но его не подпустили. То один охотник отвлекал, то другой. Опять же, сестра не отходила от брата ни на шаг. И если раньше мне эти охотники нормальными казались, то сейчас отчетливо видела: что-то с ними не так. И Гриша, стоило ему подольше поговорить с сестрой, уже не предпринимал попыток к нам подойти, сидел, молчал, взгляд какой-то отсутствующий.

Оба дракона сидели

нахмуренные, задумчивые, правда, такое ощущение, что это только я замечала, остальным так не казалось. Исам и Кеншин незаметно, но с любопытством разглядывали наших хозяев и что-то мне подсказывало, что драконы не очень-то довольны увиденным.

Нам предложили жареное мясо, тушеные бобы и запеченные овощи на широких зеленых листьях и какое-то время мы были заняты только едой. Время от времени я косилась на клетки за спиной, но открыто смотреть опасалась.

Исам покинул нас и говорил сначала со старым охотником, затем с Ликерией и Гришей. Когда вернулся

от них, протянул нам ароматный травяной напиток в походных кубках, напоминающих рога.

— Не пей, — шепнул он, когда я с наслаждением вдохнула аромат заваренных трав. — Только сделай вид, что пьешь.

Я послушно сделала, хотя пить хотелось жутко, но в голосе Исама что-то насторожило, так что пришлось терпеть.

Нас долго расспрашивали, откуда идем и куда, особенно интересовались страной, откуда приехала «великая провидица» и даже просили предречь им будущее, но я сослалась на то, что нельзя гадать в темное время суток, когда

злые духи особенно сильны.

На меня посмотрели с уважением и отстали.

А еще я сделала для себя такое открытие: священную гору драконов эти люди не видели. Это обнаружилось случайно: когда спросили, куда мы держим путь, я махнула рукой в сторону горы. Храма снизу видно не было, но она сама стояла гордая и величественная, освещаемая лунным светом.

Прежде, чем я озвучила название горы, которое выучила наизусть (Такэхая Сусаноо-но Микото), Исам пихнул в бок. Думая, что дракон имел ввиду название, которое, должно быть, тайное и

вообще священное, я с милой улыбкой проговорила:

— Домой, вон за ту гору.

Охотник, задавший вопрос, оглянулся, а когда обернулся ко мне, взгляд его был по-детски восторженным:

— Но там нет никакой горы, госпожа! — возвестил он. — Должно быть, ты и правда видишь то, что другим не дано.

Драконы вымученно улыбнулись, а мне показалось, что, если бы не окружавшие нас охотники, для чьей-то пятой точки ситуация была бы весьма травмоопасна.

Наконец, охотники

предоставили нас самим себе, но далеко не отходили и глаз с нас не сводили.

— Не нравится все это, — пробормотал Кеншин и Исам кивнул.

— Они все под каким-то заклятьем, — подтвердил Исам.

— Еще утром ты говорил, что Гриша околдован, — обратилась я к Кеншину, начисто игнорируя Исама.

Дракон кивнул.

— Именно. От него веет магией. Но потом, при общении с нами, это прошло. Такое ощущение, что их держит какое-то общее заклятие, и они, похоже усиливают его друг у друга.

Я обернулась в сторону Гриши.

Он что-то увлеченно рассказывал двум охотникам. В свете костра было видно, что парень улыбается.

— Так обернитесь в драконов! — выпалила я, не понимая, что это даст.

На меня посмотрели с сочувствием.

— Вообще можно, — пробормотал Исам. — Хотя у них здесь какой-то мощный блокировщик.

— Блокировщик? — спросила я.

— Похоже на специальный механизм, который не позволяет оборачиваться.

— Вот почему девчонка-оборотень дрожит, — поняла я.

— Она не может обернуться, — подтвердил Кеншин. — Хоть и пытается.

— Я чувствую опасность, — сказал Исам. А когда я хотела достать из рюкзака спальник и коврик, покачал головой. — Нет, принцесса. Нам придется бежать ночью, когда все заснут. И лучше не тратить время на лишние движения.

Я покосилась в сторону клеток и Кеншин, который заметил мой взгляд, сочувственно вздохнул.

— Странно это все, — пробормотал он.

— Еще бы не странно! Живых существ в клетки запихивать, только потому, что они другие, —

возмущенно проговорила я.

— Я не об этом, — сказал дракон.

— А о чем же?

— Еще не так давно их народ жил бок о бок с лисами кицунэ, — задумчиво проговорил дракон. — Не сказать, чтобы прямо тепло друг к другу относились, но и такой яркой травли не было. Так... Соблюдали нейтралитет, а особо любопытные даже ходили друг к другу в гости. Иначе не объяснить смешанные браки и потомство — полукровок...

— Они говорили, что уже не первый раз везут лис какому-то могучему магу, который обещался исцелить их, — сказал Исам.

Кеншин посмотрел на собрата странным взглядом, а я спросила:

— Исцелить? Что это значит?

Драконы снова переглянулись.

— Маг пообещал исцелить кицунэ от демонической сущности, — пояснил дракон. — Проще говоря, забрать ипостась оборотня. Этот маг хорошо им платит за каждую лису, поскольку радуется за торжество добра на земле. И что-то в описании этого мага есть такое странное, что ускользает от внимания, а что именно — никак понять не могу. Одно то, что он в пещере неподалеку обосновался — уже странность.

— Благими намерениями

вымощена дорога в ад, —
пробормотала я под нос.

— Что, принцесса? —
переспросил Исам задумчиво. При
этом дракон старался не смотреть на
меня.

Но сесть ему пришлось
поближе, потому что ночь снова
была свежей, и я начала дрожать от
холода.

— Ничего, — буркнула я. — А
что происходит с оборотнем, когда у
него изымают его сущность?

— Умирает, — ответил Исам
тихо.

Я сжала зубы и отвернулась.

— Значит, ты узнал, где этот
распроклятый маг? — спросила я

через какое-то время.

— Они приглашали к себе охотником, — уклончиво ответил Исам.

— Говоришь, он обитает в пещере? — хмуро уточнил Кеншин.

— Не просто в пещере, — ответил Исам. — Под землей.

— Вообще-то похоже, — начал было Кеншин.

Исам кивнул, прежде чем ответить.

— На инсектов.

— Инсектов? Кто это? — спросила я. Слово-то знакомое, помню, что «инсекты» переводится, как «насекомые», но учитывая, что в этом мире это слово слышу впервые,

кто его знает, что оно здесь означает...

Кеншин пояснил.

— Инсекты — тоже оборотни, принцесса. Как драконы и лисы кицунэ. У них есть вторая ипостась, их истинный облик — облик большого насекомого, а еще инсекты владеют магией. Их магия сильно отличается от нашей, по воздействию, природе, и, к счастью, по силе. Чтобы было понятнее — их магию, низшую магию, питает деструкция общего магического фона. То есть, когда магический фон в норме, инсекты практически бессильны. В градации оборотней — инсекты стоят по рангу ниже

обычных оборотней, и тем более, гораздо ниже драконов.

— Как и положено насекомым, — вставила я и Кеншин кивнул.

— Своих младенцев, «личинок», они вскармливают кровью.

— Как и положено кровососущим насекомым, — снова не удержалась я и дракон опять кивнул, подтверждая правильность моей догадки.

— Чем кровь сильнее, тем быстрее растет младенец, тем сильнее он становится, — продолжил объяснение Кеншин. — А у оборотней самая сильная кровь и регенерация... То есть оборотни —

лакомый кусок для этих тварей...

Он замолчал и добавил спустя долгую паузу:

— Причем прокормлением «личинки» занимаются отцы. У матерей начисто отсутствует материнский инстинкт.

— А еще инсекты способны наводить морок, — добавил Исам.

— Вы думаете, этот маг этот, как его — инсект? — спросила я наконец.

— Дело в том, что инсекты, принцесса, — сказал Кеншин с каким-то новым выражением глядя на меня, отчего внутри все сладко сжалось, потому что со мной говорили не как с Рябой, а как с

равной, почти... то есть старались так говорить. И это было, черт побери, приятно!

— Дело в том, что инсекты, принцесса, не появлялись на нашей земле сотни лет, как и прочая нечисть... Должен был бы сильно поколебаться магический фон местности, чтобы они пробрались сюда. Но Ковен молчит, а значит, ничего такого замечено не было. Поэтому тебе нечего бояться. Пока я... Пока мы рядом.

Я так обалдела, что не стала говорить, что особо и не боялась. Просто со стороны Кеншина все эти слова какими-то особенно благородными показались, учитывая

его упрямство и напыщенность.

Мои щеки зарделись от комплимента и я порадовалась, что от костров остались лишь угли и вокруг такая темень, хоть глаз выколи. Разная светящаяся мелось, как было мной замечено, людей почему-то сторонилась.

— Так что, скорее всего, это не инсект, — сухо сказал Исам, который в то время, как я не сводила взгляда с Кеншина, не сводил взгляда с меня. Я в его стороны головы не повернула и дракон отчего-то закашлялся. А когда откашлялся, продолжил, мне показалось, смущенно: — Может, какой-то сбрендивший фанатик некромант-вивисектор... Эти тоже

ярые охотники за наиболее восприимчивой к регенерации тканью.

Я вздрогнула, сумев, наконец, оторваться от брюнета.

— Это нельзя так оставлять, — прошептала я.

— Никто этого так не оставит, — заверил меня Кеншин и посмотрел снова как-то... нежно, отчего я потупилась. — А сейчас постарайся отдохнуть. Мы шли практически без передышки весь день, и неизвестно, что ждет нас ночью...

От драконов исходил жар, меня разморило. Видимо, сказался еще и дневной переход, а также

приключения с «птичьими людьми»,
сколопендрой, скорпионами...
Мысли стали вязкими и тягучими,
как желе. При этом чувствовалось,
что оба дракона наготове, под кожей
перекатываются мускулы, время от
времени переглядываются,
отслеживая, сколько охотников
заснуло... Поэтому и я изо всех сил я
боролась со сном.

Должно быть, сон все же сморил
меня, потому что проснулась оттого,
что Кеншин прошептал на ухо:

— Уходим, принцесса.

При этом он положил ладонь
мне на губы, чтобы не вскрикнула и
не разбудила охотников. Я закивала,
и дракон, обжегши напоследок

взглядом, убрал руку.

Оказывается, вещи мои Исам и Кеншин уже отнесли подальше. Видимо, специально дали мне немного поспать. Кеншин протянул руку, помогая встать, но потом я высвободила пальцы из его ладони.

— Принцесса, — прошептал он. — Что ты делаешь?

— Что надо, — буркнула в ответ, присаживаясь на корточки рядом со старым охотником. Еще при свете дня я видела у него на поясе связку ключей и поняла, что это, должно быть, ключи от клеток.

— Принцесса Таши! Не делайте глупостей! — прошипел Исам.

И это его обращение на «вы»

совсем обидело.

Даже отвечать ничего не стала.

Просто рванула за связку ключей, те звякнули, а старый охотник раскатисто всхрапнул. Я замерла, как и драконы, но охотник не проснулся, а ключи уже у меня были.

Одну за другой, я отмыкала клетки и лисы бесшумно, явно понимая, что решается их судьба, одна за другой покидали клетки. Наконец, пришла очередь Хоккайды, потому что ее клетка находилась дальше всех. Чтобы достать до замка, мне пришлось встать на какое-то жестяное ведро, предварительно поставив его на попа.

Хоккайда следила за моими попытками подобрать к замку ключ собравшись, готовая бежать. Она сжалась в комок у дверцы и шепотом то подбадривала, то ругала меня.

— Нет, должно быть, не этот. Молодец. Не спеши. Все получится. И не этот. Ох! Да что же там, сто ключей? Наверно... и не этот. Да не нервничай ты так!

Наконец, очередной ключ подошел и дверца в клетку со скрипом отворилась.

Хоккайда молнией выскочила из временной тюрьмы, и, оказавшись на земле, шепнула:

— Спасибо.

Я улыбнулась девушке.

Рыженькая, худенькая, когда распрямилась во весь рост, оказалась довольно высокой, чем-то похожей на подростка.

— Встретимся в Святилище, — прошептала Хоккайда, и в ответ на мой недоуменный взгляд, пояснила: — Ты пройдешь через него, когда будешь подниматься на священную гору. Кицунэ не будут чинить тебе препятствий.

— Так может, ты с нами? — шепотом спросил я. — Раз нам все равно по пути?

Но лисица покачала головой.

На немой вопрос в моих глазах, она пояснила:

— Мои сестры в плену. Сегодня

последняя ночь, когда есть шанс освободить их. Завтра чудовище станет слишком сильным... И ему потребуется больше лис. Еще больше... Э-эх...

С этими словами кицунэ растворилась в ночи.

А я благополучно, с грохотом, который мог бы разбудить армию спящих великанов, рухнула с жестяного ведра.

Глава 16

Что тут началось!

Крики! Ругань! Проклятия!

— Она распустила лис! Держите ее! Схватить их! А я говорил, что она ведьма, говорил! Никакая она не пророчица! А ты, госпожа, не верила! Проклятье!

Звонящие в темноте стрелы, от которых приходилось уворачиваться! Топот! Вспышки факелов! Истошное ржание лошадей!

Еще никогда мне не приходилось драпать с такой скоростью, напрямик через колючие

кусты, подгоняемой звуками погони и проклятиями.

Когда подвернула ногу и упала, Исам одним рывком закинул на плечи, так, что уткнулась лицом в свои рюкзаки за его спиной, и понесся семимильными прыжками.

Кеншин, который так и не бросил доверенного ему рюкзака и чемоданчика, несся рядом.

На мой вопрос, задаваемый порционно, ввиду подпрыгиваний на широком и каком-то удобном очень плече Исама: «Почему? Они? Не? Превращаются? В драконов? И? Не? Взлетают? Драконью мать их за ногу!» мне торопливо объяснили, что свой путь к горе я должна совершить

как человек, и об этом мне уже говорили, и поэтому не могла бы я немного, просто для разнообразия, помолчать?!

Вскоре мы оказались в лесу, где из-за обилия светящихся растений, светлячков и мотыльков со светящимися крыльями, было светло, как днем. Впервые я посетовала на красоту этого мира. Будь здесь темно, уйти от погони было бы проще и быстрее.

Мы продолжали продираться через непроходимые заросли, я, на плече Исама, причем ладонью он так по-хозяйски хм... скажем, за бедро придержививал, а Кеншин с моим чемоданчиком сзади.

Вид у пыхтящего дракона был при этом до того умилительный, что прямо пальцы зачесались, сделать что-то такое, дурное до неприличия для всякой уважающей себя феминистки. Например, послать рачительному брюнету воздушный поцелуй... Но я сдержалась. Потому что у меня сила воли, вот. И Исам своим похлопыванием постоянно отвлекал.

Наконец крики позади стихли, и драконы, посчитав, что мы достаточно оторвались, замедлили бег.

Меня сняли с плеча и поставили на ноги. Я тут же принялась хватать ртом воздух, от души надеясь, что его

нехватку спишут на то, что бежали мы очень быстро.

— И почему ты никогда не делаешь, что тебе говорят? — прорычал Исам, также переводя дыхание.

Я обиженно посмотрела на Кеншина, но он, разнообразия ради, был солидарен с соперником.

— Знаете, что? — возмутилась я. — Я, вообще-то так, как вы не умею! Не могла я уйти, оставив бедных лисичек в клетках, так что не надо только мне здесь лица такие устраивать!

Судя по лицам обоих драконов, меня волосок отделял от, скажем, удушения. У Кеншина даже пальцы

на руке разжались, в которой чемоданчик нес, а потом медленно так сжались, и при этом он более чем выразительно на мою шею посмотрел. Насчет Исама не знаю, на блондина я вообще смотреть избегала, особенно после передвижения на его плече, когда его рука меня за зад придерживала, чтобы слишком высоко не подпрыгивала. Но что-то подсказывало, что Исам солидарен с Кеншином.

— То есть ты думаешь, принцесса, что мы хотели просто так взять и уйти? — голосом, не предвещающим мне ничего хорошего, поинтересовался Исам.

И что мне оставалось? Я кивнула.

— Думаешь, мы решили оставить кицунэ в клетках? — очень похожим тоном проговорил Кеншин.

Я снова кивнула, но уже менее уверенно.

Оба синхронно дыхание перевели, а затем Кеншин сказал укоризненно:

— Вообще-то принцесса, план такой был: сначала тебя увести, а потом лис выпустить.

Мне после такого известия неловко как-то стало. Но сдаваться я не собиралась.

— Ну знаете! — возмущенно протянула я. — Могли бы и заранее

сказать.

— Я пытался, — ядовито сообщил Кеншин. — Только вот кто-то полез к старому охотнику за пазуху.

— И вовсе я не за пазуху к нему полезла! — возмутилась я. — Ключи у него на поясе висели.

Кеншин хмыкнул, но ничего не сказал. Зато сказал Исам.

— Теперь, чтобы пройти к горе, нам нужно будет огибать по лесу, чтобы не попасться на глаза очень злым для нас охотникам...

— К горе? — тут же возмутилась я.

Драконы снова переглянулись, причем вид у Исама был из серии «я

же тебе говорил?». Кеншин кивнул, словно признавал свое поражение. А потом сказал мне с какими-то странными интонациями:

— Ну да, принцесса, к горе. Если помнишь, для того, чтобы пройти инициацию, тебе на гору надо.

— То есть как это, на гору? — продолжила возмущаться я. — И оставить других кицунэ в плену? Ну, знаете, я от вас как-то большего ожидала!

Драконы снова как-то странно переглянулись.

— Испытание горы, — загадочно сказал Исам и кивнул своим мыслям, причем как-то

самодовольно.

— О чем это вы? — спросила я, и для пущей убедительности руки в боки уперла.

Ответил Кеншин. Видно было, что отвечать ему не хотелось, просто пришлось.

— Твоя мать заключила сделку с кицунэ, — сказал он. — Они охраняли тебя в твоём мире. Какое-то время тайно, потом, когда кровь дракона стала проявляться, им пришлось делать это явно.

Я вспомнила, как мастер Горо вовремя оказался под дверью, там, в душевой, когда мне грозило бесчестье... И в голове стал складываться пазл, калейдоскоп

событий. Вспомнилось, как Кеншин спросил мамочку:

— Кицунэ?

А она только опустила голову.

Кеншин тем временем продолжал:

— Должно быть, ты должна вернуть кицунэ долг.

— В этом и есть испытание, посланное тебе священной горой, — добавил Исам.

— Какое еще испытание? — не поняла я.

— Гора испытывает каждого, кто приходит, чтобы получить инициацию, — пояснил Исам. — Только испытание у каждого разное. Твое должно быть — долг перед

кицунэ.

— Ну вот! — почти обрадовалась я. — Видите, долг. А кто называл меня безголовой, за то, что лисичек освободила? Молчите? То-то.

— Я говорил, что она должна сделать это сама, — сказал Исам, а Кеншин недовольно поджал губы.

— Что сделать? Что сама? — тут же поинтересовалась я, но мне не ответили.

Оказалось, до убежища этого самого мага, который нанял охотников для ловли лис, идти не так долго. Всего лишь каких-то двадцать с лишним километров через непроходимый лес (потому что шли

мы напрямик), по каким-то рытвинам, канавам, кочкам, буеракам. Приходилось перелезать через поваленные деревья, переходить вброд ручьи, сцепив от холода и упрямства зубы.

Потому что перенести меня не раз предлагали, только вот как вспомню, что внутри происходило, когда Исам от лагеря охотников нес, так только челюсти сжимать оставалось и головой мотать.

Драконы хмыкали и качали головами с сочувствием.

Когда уже отчаялась не то, что добраться когда-нибудь до этого самого мага, но и вообще в принципе отчаялась, мы, наконец, подошли к

пещере с невысоким сводом и Исам сказал, наконец, что пришли.

После этих слов у меня колени сами подкосились, и я, наплевав решительно на гордость, вредность и все, в чем драконы меня по дороге обвиняли, прямо на землю опустилась. Ждала шуточек каких-то и подколок, но их не последовало. Вместо этого Исам сходил куда-то к роднику, который он по журчанию услышал, и воды принес в термосе, а Кеншин, чтобы без дела не сидеть, притащил несколько продолговатых, треснувших от спелости фруктов.

На вкус они походили одновременно на манго и на дыню, причем косточки от мякоти легко

отделялись. Перекусив двумя такими плодами, я почувствовала, что силы потихоньку восстанавливаться начали.

Решив, что передохнули перед боем достаточно, мы шагнули под свод пещеры. Исам остатками сладкого фрукта ночного мотылька подманил и шел с ним на руке впереди, освещая путь. Я шла следом, а Кеншин замыкал процессию.

Я чувствовала себя, мягко говоря, странно.

Все не шло из головы что должен подумать о нас местный колдун, когда увидит встрепанную девушку в рваных джинсах и майке, и

двух не менее встрепанных парней, один из которых несет два рюкзака, а второй тоже несет рюкзак, еще и чемодан катит, и гул от колесиков раздается на всю пещеру?

Кому-кому, а мне наша процессия ни на йоту воинственной не казалась. Если бы не видела драконов в бою, с той же сколопендрой, решила бы, что они психи, а миссия наша заведомо проигрышная.

Но от драконов такая уверенность исходила, что я, волей-неволей им верила. И в них верила. И в то, что все должно закончиться хорошо, почти тоже верила.

Свод пещеры устремился вверх,

неровный пол плавно перетек в ступени. Мы принялись спускаться по лестнице, держась у стены, потому что перил у лестницы не было, и на расстоянии вытянутой руки была пропасть.

Наконец, свернули в вырубленную в скале нишу и пошли по коридору, чьи стены были сплошь в светлячках, и надобность в осветительном мотыльке временно отпала. Он словно понял это и полетел над головами чуть впереди, хлопая светящимися крылышками.

На мой вопрос, откуда они знают, куда идти, мне ответили:

— Гхыр-р, по запаху!

Причем ответили не драконы, а

два коренастых существа, которые возникли на нашем пути.

Широченные, высоченные, с непропорционально широкими плечами и оттопыренными ушами, у них были приплюснутые носы и свирепые выражения лиц (или морд даже)... Маленькие глазки, казалось, прекрасно видели в темноте, а вот свет от нашего мотылька их слепил.

— Подожди, принцесса, — заботливо сказал Исам. — Мы сейчас.

А Кеншин не менее заботливо отставил меня в сторону и чемоданчик рядом поставил.

Я понять ничего не успела, как путь был снова свободен. Похожие

существа, которых драконы называли троллями, еще несколько раз по пути попадались, по двое, по трое, а один раз шестеро. И мы ни разу практически шагу не сбавили.

Через какое-то время впереди раздалось тьяканье и я облегченно выдохнула. Потому что начало уже казаться, что мы все же куда-то не туда зашли.

Вскоре вдоль стен потянулись решетки, а за решетками — лисы. Рыжие, чернобурки и какие-то серые.

Причем троллей здесь больше ошивалось, и драконам пришлось попотеть, пока я каждую дверцу отпирала, благо они все были закрыты на внешний засов.

Оказавшись на свободе, лисы спешили на подмогу драконам. Выбравшись из клетки, все, как один, превращались в людей — юношей, девушек, мужчин, женщин. Безоружные, дрались они так здорово, словно все у мастера Горо учились.

Я даже пожалела, что мне отвели роль отпирающей клетки, а к общему веселью присоединиться не допускали.

Когда последняя лиса покинула тюрьму, она, к моему вящему недоумению, оказалась Хоккайдой.

Только-только мимо ноги лиса шмыгнула и замерла, а вот уже с пола поднялась рыжая обнаженная

девушка с благодарным взглядом.

— Как тебя-то угораздило? — не поняла я.

— Буквально полчаса назад попалась, — сообщила Хоккайда. — Тролли учуяли, у них нюх лучше, чем у охотничьих собак. Но как вы так быстро дошли?

Я не успела ответить, потому что Хоккайда подняла руку, жестом вынуждая меня замолчать, прислушалась, а потом сказала:

— Быстрее! Сон монстра уже чуток! Скоро проснется, а сюда придут за новой порцией лис!

Поскольку охранявшие лис тролли были повержены, драконы с оборотнями их быстренько за

решетки постаскивали и замки закрыли, пока не очухались.

Следуя за Хоккайдой, мы прошли еще две пещеры и в третьей, наконец, достигли цели.

Посреди пещеры лежала отвратительно воняющая грудa с руками и ногами, и судя по тому, как колыхался ее живот, она была живой.

Хоккайда объяснила, что это чудовище маг хочет оживить с помощью крови оборотней, поэтому ему и нужны лисы кицунэ.

Насчет охотников, на которых, как выяснилось, Хоккайда почти не злилась, лиса подтвердила, что они находятся под воздействием заклинания, подавляющего волю, и

когда находятся вместе, оно усиливается. Как и тролли, кстати.

— Любовь ко мне помогла Грикеофету преодолеть заклятье, — сказала лиса и печально добавила: — На какое-то время.

— Но когда мы одолеем этого мага, заклятье спадет? — спросила я.

Хоккайда не ответила. Глядя за мое плечо, она сглотнула.

Я проследила ее взгляд и чуть не заорала от ужаса.

Потому что чудовище проснулось, и, бешено вращая мутными глазами, начало подниматься.

— Есть!! — исторгла его пасть. Завидев нас, оно остановило свой

взгляд почему-то на худенькой мне и проревело: — Еда!!

Я взвизгнула и позорно бросилась вон из пещеры. Потому что одно дело отморозки вроде Гадаева, которых не столько боишься, сколько презираешь, и совсем другое монстр ростом с одноэтажный дом. Мерзкий. Колыхающийся какой-то весь и очень голодный. Естественно, я испугалась. До икоты. Но в этом никому и никогда не признаюсь.

Драконы тотчас перерезали чудовищу путь, выставив перед собой длинные мечи. Поскольку монстр ими не прельстился, а продолжил пожирать меня глазами и упорно

топать по направлению ко мне, они атаковали.

Лязг мечей успокоил нервы.

Убедившись, что меня не догоняют, я остановилась и, оглянувшись, принялась осыпать чудовище градом стрел, отчего оно взревело так, что стены ходуном заходили. Хотя, казалось бы... уколы моих стрел ему все равно, что комариные.

— Что такое? Еще рано! Ты должен спать до завтра, малыш...

С этими словами, почесывая пузо и зевая из не приметной двери вышел невысокий человек в черной мантии (точная копия монстра, только многократно уменьшенная).

— А! Что? Как вы посмели! — возопил он, глядя, как драконы в окружении толпы кицунэ бьются кто с еще набежавшими откуда-то троллями, кто с чудовищем.

— Не смей его трогать! Он еще маленький! — кричал человек, но никто его не слушал.

Монстр ревел, драконы взлетали в воздух и разили, кицунэ наскакивали на чудовище, чьей пищей должны были стать, со всех сторон и рвали зубами и когтями.

Чудовище качалось — вот-вот упадет на колени и мне уже казалось, что мы в шаге от победы, когда маг сделал руками сложный пас и вспышка света на секунду ослепила,

а когда зрение вернулось, оказалось, что монстр вновь твердо стоит на ногах и не сводит с меня голодного взгляда.

— Ах так! — возопил человек, чье заклинание кицунэ и троллей с ног сбило и, похоже, временно обездвижило. А Исам с Кеншином на ногах остались, и я, с какой-то радости, тоже. — Значит, в гости ко мне повадились драконы! А я-то думал откармливать малыша какими-то драными лисами! Но драконья принцесса получше будет!

Лисы очень обиделись на «драных». Часть из них с трудом поднялась и продолжила наскакивать на страшилище, часть, кляцая

зубами, кто ползком, кто на своих двоих окружила мага.

Но ближе подойти они почему-то не могли, поэтому тьявкали, царапали воздух, пытаюсь пробиться через невидимую преграду.

На лице человека проступило торжество. А потом он вытянул перед собой руки, и из-под пальцев заструились лучи чего-то темного, от чего лисы прыгнули в разные стороны.

Стоило этому темному коснуться плеча Исама, как дракон взревел от боли, и, воспарив над полом пещеры, замер с раскинутыми в стороны руками.

Лисы шарахались от темной

субстанции, что растекалась в воздухе, и теперь монстр с оглушительным ревом рвался к Исаму, а сдерживал его один Кеншин.

Я нащупала последнюю стрелу в колчане и дрожащими от напряжения руками натянула тетиву.

В последний момент в голове мелькнула мысль, что стрелы не причиняют особого вреда монстру, и поэтому, развернувшись, выстрелила в мага.

Черная субстанция, что текла по воздуху из-под его пальцев, тут же исчезла, а монстр рухнул на каменный пол, отчего стены закачались. Человек взревел со страшной силой.

На наших глазах человек оборачивался в какое-то гадкое насекомое, похожее на паука и сороконожку одновременно.

Я отмерла только когда меня дернули за руку.

— Быстрее! — крикнула Хоккайда, увлекающая меня к выходу. — Сейчас потолок рухнет!

Краем глаза я увидела, что Кеншин помогает подняться Исаму.

Обратно мы бежали не в пример быстрее, чем спускались, впереди неслись лисы, в воздухе мельтешили светлячки, также не желающие оставаться в пещере.

По дороге я все же снова замешкалась у каждой клетки,

выпуская наружу на этот раз троллей, которым было не до драки: сообразив, что потолок вот-вот рухнет, они покидали пещеру деловито и слаженно, не забывая, впрочем, благодарно ухнуть.

Стоило последнему троллю покинуть пещеру, как с оглушительным ревом она обрушилась. Земля заходила ходуном так сильно, что я не удержалась на ногах. Но меня подняли и увлекли подальше.

Когда грохот прекратился и земля, наконец, перестала содрогаться, мне позволили, наконец, присесть, точнее, упасть.

Отдышавшись, с изумлением и

каким-то гомерическим хохотом обнаружила, что драконы спасли не только нас с лисами, но и мои вещички. Теперь главное, чтобы чемоданчик от всех этих перипетий не развалился — не хочу даже представлять лицо Кеншина, когда узнает, что все это время берег пущечей своих «Опыты» Монтеня, семь томов Пруста, Канта-Гегеля, все, что дома было, а также несравненного Гарри Поттера...

Когда нервное хихиканье закончилось, вниманием моим завладел блондин.

Вид у Исама был бледный, плечо покрывала рваная рана, которая затягивалась на глазах. Кеншин

объяснил, что у драконов быстрая регенерация, час-два и пройдет, а Исам делал вид, что его ничуть не беспокоит.

Я все же извлекла из походной аптечки бинт, и, несмотря на возражения блондина, смазала края раны йодом и наложила сверху повязку.

— Спасибо вам, — сказала Хоккайда. — За то, что помогли уничтожить инсекта.

— Инсекта? — переспросила я непонимающе. — Я до последнего думала, это бы маг... Этот, драконы рассказывали, вивисектор. И потом, он до так убедительно человеком казался...

— Его человеческий облик и нас сбил с толку, — сказала лиса. — Потому что инсекты — мастера заклинаний отвода глаз и создания личин. Поэтому мы до последнего думали, что это маг. А о том, что этот маг на самом деле кровожадная тварь, который вздумал выкормить своего детеныша кровью оборотней, и не подозревали.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — устало подытожил Кеншин, но вид у дракона при этом был задумчивый.

— Ты теперь вернешься к Грише? — спросила я лису, на что та грустно улыбнулась.

Неопределенно пожав плечами,

она поспешила за своими. Я проводила кицунэ задумчивым взглядом.

— И правильно, — пробормотала я. — Я бы тоже не простила.

— Чего не простила бы? — не понял Кеншин.

— Он ее предал, — пояснила я и дракон вытаращился на меня во все глаза.

— Но он был под заклятьем! — оторопело возразили мне.

— Не важно, — ответила я с непоколебимой женской логикой по большей части из вредности.

В конце концов, у меня тут нервы, крепатура, адреналин,

кортизол и вообще адская усталость.

В воздухе забрезжил рассвет, а я зевнула.

— Не знаю, как вы, — пробормотала я. — А я бы поспала. Недолго. Минут шестьсот.

И полезла в рюкзак за спальником.

На этот раз мне без лишних слов помогли расстелить туристический самонадувающийся коврик и даже упаковаться в спальник и застегнуть молнию. Сквозь сон я почувствовала, как две грелки улеглись с двух сторон, и, прежде чем провалиться в блаженную темноту, услышала их ровное дыхание.

Глава 17

Разбудил меня взгляд. Обычно, когда тебя будят взглядом (скажем, любимый братишка, если ты дома или Ариэлька, которой до зарезу нужно поделиться чем-то волнительным, если в общеаге) ты просыпаешься и сначала не знаешь, отчего просыпаешься. Просто приходишь в себя и все тут. Так было и на этот раз. Почти. Потому что сначала мне снилось, что на меня пристально смотрят, а потом я поняла, что уже не сплю, а на меня продолжают смотреть. Только

солнечные лучи, окрашивающие мир перед закрытыми глазами в розовый, помешали сразу, инстинктивно распахнуть глаза.

Вместо этого провела рукой по груди, животу и поняла, что во сне, видимо, когда солнце поднялось и стало жарко, расстегнула спальник. А еще живот голый был, что значит, во сне майка задралась.

Теперь и ощущение чужого взгляда на мне объяснилось. И усилилось. Уже из элементарного чувства стыда не открывая глаз, поправила майку и принялась пытаться угадать: кто же это так смотрит, что щеки еще во сне пылать начали, а по телу блаженная истома?

— Принцесса, когда спят, не краснеют, — сообщило пространство голосом Кеншина.

Покраснела еще больше и открыла глаза.

Дракон сидел совсем рядом и смотрел чуть ли ни не дыша.

Опустила взгляд вниз, на вздымающуюся под тонкой тканью, грудь и поняла, что нету на мне такого изгиба, который не исследовал бы жадный взгляд Кеншина, пока спала. А я думала, дальше краснеть уже некуда!

Волосы у дракона были мокрые, черный завиток спадал на влажный лоб, из чего сделала вывод, что где-то неподалеку ручей. А может и речка.

Потому что охладиться захотелось...
И, судя по взгляду дракона, не только мне.

Я приподнялась на локтях и села, делая вид, что ничего не происходит. Смахнула пару травинок, провела пальцами по волосам. А вместо «доброе утро» вырвалось:

— А Исам где?

Кеншин громко сглотнул и пробормотал:

— На разведку пошел, — и добавил: — Ему полезно.

Упоминание о сопернике заставило Кеншина ненадолго отвести взгляд, что позволило мне, в свою очередь, сфокусировать свой.

— Тут фрукты, — сказал

Кеншин глухим голосом. — И я утром охотился.

Я проследила взглядом его жест и увидела, что шагах в двадцати дымится догорающий костер, рядом на больших листьях разложены фрукты, которые мне вчера так понравились и жареное мясо. Кто-то даже сориентировался в мой походный рюкзачок заглянуть (повезло, что не в чемоданчик) и выудить оттуда котелок. Из приспособленного между трех крепких веток котелка донесся аромат свежезаваренного чая.

— Мне сначала умыться надо, — снова краснея, пробормотала я.

Кеншин указал рукой направление.

— Там тихая заводь, я проверял, — сказал он и добавил: — Четыре раза уже.

Я кивнула, чувствуя, что внутри от осознания, что дракон находит меня такой притягательной, что не мог даже на спящую смотреть спокойно, приходилось охлаждаться, разливается тепло и какая-то томная нега.

Между прочим, кое-кому тоже внутренний пожар приглушить бы не помешало, — с ехидцей произнес внутренний голос и я часто закивала, спеша согласиться.

Кеншин прыжком оказался на

ногах и я вздрогнула от неожиданности.

— Пойду-ка я тоже на разведку, — пробормотал дракон. Глядя в сторону, добавил: — Далеко отходить не буду, ничего не бойся, принцесса.

— Я умоюсь, — пробормотала я, не глядя на дракона, пока сворачивала спальник. — Чур, не подглядывать!

— Я не настолько сдержан, — ответили мне, прежде, чем скрылись среди деревьев.

Я затолкала спальник в рюкзак. Из-под пальцев что-то выпало. Я подняла с земли цветок на тонком стебельке. Нежно-розовый, с

зеленоватой серединкой и зелеными же крапинками. Формой на лилию похож, только лепестков больше и ярче намного, в своем мире я лилий таких форм и расцветок точно не видела.

— Вот это да, — пробормотала я. — а кто-то, оказывается, умеет быть романтиком.

В ушах зазвенело, причем, как мне отчего-то показалось, недовольно.

А я цветок понюхала, отчего глаза сами-собой закрылись, а из груди довольный стон вырвался, до того аромат у него сладким и свежим одновременно оказался. И сразу настроение такое замечательное

сделалось, что даже солнце как будто теплее стало. А еще принарядиться захотелось.

Прежде, чем спуститься к заводу, в направлении которой Кеншин указывал, я в рюкзачке порылась, и, вместе с косметичкой маечку с шортиками вытянула, потому что день обещал быть погожим и теплым, а настроение — замечательным.

Заводь нашлась вниз по тропинке, метрах в ста. Сначала я с удовольствием умылась и почистила зубы, наслаждаясь ощущением свежести. Потом, подумав, что из меня, после вчерашнего подземелья, можно пыль выбивать, быстро

джинсики с маечкой и бельишком скинула.

В конце концов, если кто-то не сдержит слова и будет подглядывать, то он сам себя злобное буратино.

Поежилась, когда в воду заходила, и, едва водичка середины бедра достала, с визгом присела. Оттолкнувшись ногами, поплыла, и дыхание, которое сначала перехватило, с каждым гребком выравнивалось.

Далеко заплывать не стала. Памятуя, какие в этой местности русалки вредные, благоразумно плескалась возле берега. Зато с каким наслаждением! Выбежав ненадолго, из походного тубика

шампуня в ладошку выдавила и волосы с наслаждением промыла, а потом не поленилась и за бальзамчиком сбегать.

Как раз когда бальзам смывала, кусты возле берега как-то подозрительно пошевелились и я замерла, не знаю, чего ожидать.

В следующий миг донесся обиженный возглас Кеншина:

— Ай! Гадость! Вот же гадость какая! Еще и за волосы таскает!

— Чтобы там ни было, передавай ему от меня привет и спасибо большое! — крикнула злая я. — Ведь обещал не подглядывать!

Кусты снова дрогнули и я поняла, что разоблаченный и не в

меру любопытный дракон убрался восвояси.

Решив не искушать судьбу, я выбежала на берег, и, попрыгав, чтобы быстрее обсохнуть, а также сделав быстренько пару йогических асан, солнышко и стойку на руках, принялась одеваться. Сперва бельишко натянула, затем нежно-розовую маечку с принтом в виде кляксы цвета хаки и с рюшами того же цвета по подолу. А на чуть влажную еще пятую точку шортики натянула, в меру драные и не в меру открытые. Волосы, после того, как головой вверх-вниз потрясла, чтобы высохли быстрее, расчесала деревянной расческой с редкими

зубьями, а за ухо давешний цветок заправила, с которым почему-то расстаться не могла и на берег с собой прихватила.

Когда вернулась на стоянку в шортиках и модной маечке, там уже блондин появился. Причем судя по мокрой голове, кто-то тоже недавно мылся. Вспомнилось, что пока туда-сюда за шампунем бегала, другие кусты, чуть дальше, тоже подрагивали, я еще думала, что от ветра. И вот сейчас вспомнила и даже разозлилась.

Я уже хотела было высказать обоим драконам, что о них думаю, но Исам меня опередил.

— Откуда у тебя цветок фей? —

установившись на меня во все глаза, так, что даже жевать перестал, спросил блондин.

Я непроизвольно коснулась лепестков над ухом. Показалось стыдным рассказывать, что приняла за подарок Кеншина, который, судя по изумленному виду темноволосого дракона, таковым вовсе не являлся, поэтому пробормотала:

— Не знаю. Нашла. У речки. На берегу лежал. Вот.

— Очень странно, — пробормотал Исам и вгрызся в сладкую фруктовую мякоть, отчего у него по подбородку и пальцем потек сок, поэтому дракон наклонился, чтобы не извазюкать майку. — Если

бы ты сказала, что нашла этот цветок, проснувшись, я решил бы, что маленький народец тебя благословляет.

— Благословляет? Меня?

Маленький народец?

— Выражаясь вашим языком, берет над тобой шефство, — подсказал Кеншин. — Это очень почетно. Столь же, сколь и невероятно.

— Очень уж они вредные, — кивнул Исам и тут же вздрогнул. — Ай!

— Что с тобой? — ехидно спросил Кеншин.

— За волосы как будто что-то дернуло, — пояснил Исам, а Кеншин

нахмурился.

— И поделом, — пробормотала я, усаживаясь рядом и выбирая половинку фрукта побольше. — Нечего на фей наезжать. Они вон какие хорошие! И лук мне подарили. Если бы не он, к слову, не знаю, как бы мы вчера эту тварь одолели. Нет, к вам никаких претензий, и вообще вы проявили себя просто героями...

Тут оба дракона приосанились.

— Но ведь магию это существо утратило, только когда я выстрелила... Последней стрелой, между прочим. А могла бы не сообразить...

— Да уж, — с ехидцей в голосе протянул Кеншин. — Повезло нам

несказанно, что сообразила.

Я надулась и собиралась высказать противному дракону все, что о нем думаю, но Исам опередил меня.

— И что у тебя магический лук.

— Подарок фей, если что, — фыркнула я. — Так что нечего на них гнать...

С завтраком мы расправились в два счета. Последними кусками мне пришлось буквально давиться, потому что оба дракона, покончив с трапезой смотрели на меня такими голодными глазами, что не по себе как-то становилось.

Проглотив последний кусочек фрукта практически не разжевывая, я

залпом допила остатки чая и принялась собирать посуду.

Нагнувшись за очередной чашкой прямо перед носом Исама, с каким-то мстительным удовольствием проследила, как дракон сглотнул слюну.

— Ты... — пробормотал Исам, когда я от речки вернулась, посуду в рюкзачок убрала и замерла со скрещенными на груди руками, мол, долго вас еще ждать. — Ты же не собираешься идти в таком виде в Святилище за инициацией?

Если сразу я ему прямо жестко возразить собиралась и заверить, что еще как собираюсь, то слова «Святилище» и «инициация»

немного отрезвили.

— В Святилище — не собираюсь, — успокоила его. — Но до него еще дойти надо! А день жаркий, если что! Вон, сам с мокрой головой, не иначе, как остужался. А мне что ж теперь, умереть от теплового удара?

Когда указала на мокрые волосы дракона, тот покраснел. Но все же посчитал своим долгом сообщить, что в таком виде даже в собственных покоях ни одна порядочная женщина ходить не будет, не то что в чужой стране и по чужой земле, где неизвестно кто по дороге встретится и пялиться будет.

На хамское заявление по поводу

порядочных женщин фыркнула и посоветовала скакать к ним изо всех крыльев, и попутного ветра пожелала еще, а по поводу всех, кто пялиться будет, посоветовала завидовать молча, чтобы цветы по дороге местным феям слюной не закапать.

С этой гордой тирадой поправила лук и устремилась вперед, по направлению к горе, что возвышается над макушками деревьев. Отчего-то показалось, что пространство подозрительно зазвенело. Еле слышно, но готова поспорить, что весело и чуть-чуть мстительно.

Через пару часов мы вышли, наконец, на хорошо укатанную

дорогу, а лес с его колдобинами, кочками, ручьями и ямами остался позади.

Вместо него по сторонам потянулись фруктовые сады, видно, что культурные, ухоженные.

Солнце палило нещадно. Я вытащила из рюкзака бейсболку цвета хаки, чтобы не напекло голову. Драконы, чья кожа, похоже, как и моя, не слишком подвержена солнечным ожогам, решили проблему жары по-своему: они попросту сняли майки и теперь шли с обнаженными торсами, причем еще мускулами поигрывали, когда замечали, что я смотрю.

Исам при этом держался

подчеркнуто вежливо и сухо, но, несмотря на отстраненность, глаз с меня не сводил, а Кеншин... Тот пялился открыто, откровенно, волнующе... так, что я боялась, что щеки уже никогда к изначальному цвету вернуться не смогут, а колени то и дело подкашивались. Оставалось идти и надеяться, что со стороны оно не очень-то и заметно.

В горле пересохло. Мы проходили как раз мимо странных деревьев, которые наши лимонные напоминали, но при этом выше гораздо были, а плоды на них выглядели точь-в-точь крупные лимоны, только розовые. Увидев, что ветка одного из них почти на

расстоянии моего прыжка находится, не задумываясь, подпрыгнула и один из розовых лимонов сорвала.

Пространство чуть слышно зазвенело, а оторопевшие драконы сообщили, что местные сады защищены магией и потому непонятно, как мне вообще спереть этот лимон удалось.

На вкус он оказался бесподобным. Похожим на смесь помело и мандарина, только очень сладкий и освежающий. С драконами, раз они такие зануды, делиться не стала.

Не успели мы пройти и ста шагов, как Исам замер, вслушиваясь. У Кеншина тоже вид встревоженный

был.

На мое интеллигентное «Ну, что там?» ответили, что кажется, слышали плач и мольбы о помощи.

— Да что же у вас за мир-то такой распрекрасный? — возмутилась я. — Куда ни плюнь, сплошь страждущие. Всем помочь надо. Да что же вы замерли, как истуканы? Откуда кричали? Оттуда? Ну так пойдёмте, не оставляйте же людей или снова кицунэ в беде.

Драконы меня, естественно, обогнали, и на бег перешли. Я не отставала (почти) и к маленькой плачущей девочке с забавными косичками мы приблизились уже через несколько минут.

Ребенок стоял под высоким деревом и старательно голосил, так громко и основательно, что невольно завидки брали от силы голоса юного дарования.

Завидев нас, девчушка плакать перестала и задумчиво принялась посасывать палец. Вид у нее перестал быть страдальческим, но в пытливых глазенках читалось что-то не высказываемое.

Мы с драконами оглянулись. Вроде никого нет, да и девочка напуганной не выглядела.

— Что такое, девочка? — строго спросил Исам. — Тебя кто-то обидел?

Нос малышки сморщился, вот-

вот снова заплачет, поэтому я, решительно отпихнув дракона и буркнув, что с детьми кое-кто общаться совсем не умеет, присела перед девочкой на корточки. Протянув ей полосатый леденец, который предварительно из кармашка рюкзака, что Исам нес, достала, я терпеливо ждала, пока девочка его облизывала, причем по личику было видно: раздумывала, стоит ли еще поплакать, или довольно.

Наконец, определившийся ребенок откусил у леденца макушку.

— Что случилось, кроха? — ласково спросила я. — Почему плакала?

Ребенок вместо ответа чмокнул конфетой и показал на макушку рядом стоящего дерева. Послушно проследив взглядом за липкими пальчиками, я ничего подозрительного не обнаружила.

— Аниса там, на дереве, — сказал, наконец, ребенок. — На самой макушке.

— Аниса? — испугалась я. У драконов, которые вглядывались в ветви, вид был тоже встревоженный.

— Расан ее туда посадила, — сказала девочка и шмыгнула носом. — Всегда так делает.

— Ну что же вы стоите? — оглянулась я к драконам. — Немедленно спасайте Анису!

Исам, который, казалось, только этого и ждал, быстро скинул оба рюкзака и принялся карабкаться по гладкому стволу чуть ли не со скоростью белки. Спустя минуту дракон скрылся в густой листве, а мы, в том числе и девочка, ждали его с задранными головами.

— Исам! — позвала я.

— Ну как? — спросил Кеншин.

Ребенок чмокнул конфетой.

— Нашел! — раздалось сверху.

Причем показалось, голос у Исама сердитый. Должно быть потому, что рассердился на этого самого Расана, который затащил малышку Анису на дерево.

Не успела я представить, как

Расан умудрился затащить другого ребенка по практически гладкому стволу на самый верх, как Исам уже был внизу.

В руках у дракона была растрепанная кукла.

— Аниса! — закричал довольный ребенок и протянул к кукле липкие ладошки.

— М-да, — только и смог сказать Исам.

Обрадованный возвращением Анисы ребенок затараторил:

— Как вы быстро туда забрались! У меня, чтобы посадить на макушке Анису, уходит куда больше времени.

Кеншин отвернулся и как будто

закашлялся. Я же строго посмотрела на девочку и мне пояснили важно:

— Расан — это я.

— Вот как, — вырвалось у меня.

Прежде чем я успела пристыдить кроху, что так пугать взрослых тетенок нехорошо (а дяденок нормально) из-за деревьев раздалось:

— Расан! Расан, милая, где же ты? Беги, беги, Расан! Спасайтесь, кто может!

Несмотря на явный призыв к действию и обеспокоенный голос того, кто кричал, ребенок остался на месте. А вместо этого посмотрел на нас по очереди и меланхолично вздохнул.

Когда из-за деревьев показался встрепанный смуглый человек с волосами до плеч, меланхоличное настроение девочки передалось и мне.

— Расан! — крикнул, кидаясь к нам человек, едва завидев девочку. — Дочка! Опять ты шутишь над путниками?

— Ваш ребенок умеет пошутить, — сдержанно сказал Исам, который должно быть не забыл, как отворачивался и хихикал Кеншин, завидев его с куклой в руках.

— Кажется, вы тоже звали на помощь, — осторожно напомнила я. — Чувство юмора — это у вас

семейное?

— Да какой там юмор, — отмахнулись от меня. — Хранители леса взбесились! Они разгромили половину нашего поселения! Я знал, что Расан здесь, поэтому прибежал за дочерью.

— Хранители леса? — в один голос удивились драконы.

— Взбесились? — недоверчиво переспросил Кеншин.

— Нет более добродушных созданий, — пояснил мне Исам. — Конечно, когда здесь не замешана чужеродная магия...

Тут глаза человека, который переводил взгляд с одного дракона на другого, расширились и он

воскликнул:

— Драконы! Драконы! Вы же драконы!

— Драконы, — подтвердил Исам, поморщившись.

— Быстрее! — запричитал человек, схватив его за руку и увлекая за собой, — Вы же можете спасти всех нас! Вы должны спалить хранителей! Дракони́й огонь — это ведь то, что надо! Да быстрее же!

Человек вел Расан за руку, явно боясь, что ребенок с хорошим чувством юмора что-то отчебучит, второй пытался тащить вперед Исама, но тот аккуратно высвободился, правда, прибавляя шаг. Мы с Кеншином, подгоняемые

человеком, двинулись следом.

По дороге человек беспрестанно повторял, что взбесившиеся хранители леса разворотили несколько домов в поселении, причем продолжают бесчинствовать.

— Драконий огонь! — причитал человек, как заклинание. — Вы спалите проклятых хранителей, которые возомнили себя здесь хозяевами!

— Вообще-то хранители леса и есть хозяева на этой земле, — вполголоса поведал мне Кеншин. — Моку живут с ними в мире и даже обожествляют... преподносят дары, делают подношения. Что такого могли сделать хранители, чтобы

Моку так обиделись на них, чтобы призывали сжечь?

— Или что заставило хранителей сделать это? — обернувшись, добавил Исам. — Мне в голову ничего, кроме нестабильного магического фона не приходит, а это плохо.

— Да, сообразительность это не твое, — посетовала я вместе с Исамом и повернулась к Кеншину. — Моку?

— «Древесные люди», — пояснил он. — Моку — это те, кто живет на деревьях.

— То-то их ребенок такой ловкий! — поняла я и Кеншин кивнул. Не выдержал, метнул взгляд

на Исама и снова захихикал. Нет, ну мальчишки, ей-богу!

Поселение Моку, куда мы пришли спустя минут двадцать и вправду располагалось на деревьях. Деревянные площадки, лестницы из лиан, гамаки из них же, сетки, какие-то странные гигантские гнезда, свитые из толстых веток, домики, похожие на скворечники для слонов — поселение Моку напомнило веревочный городок на территории нашей академии, только такой, какой он получился бы, если бы сложить фантазии всех курсантов воедино (фантазии об апгрейде городка, разумеется).

Детально

разглядеть

«веревочный городок» не удалось, потому что вокруг царил хаос.

Люди, похожие на отца Расан, бегали, кричали, вопили, прыгали с ветки на ветку, как обезьяны. Кто-то воинственно размахивал короткими саблями, кто-то — почему-то веревками из лиан. Гремели ведра, кастрюли, котелки, кудахтала домашняя птица, удивительно похожая на наших кур и тетеревов одновременно и снующая туда-сюда исключительно по деревьям, как белки... Словом, Армагеддон.

С дальней стороны поселения слышался оглушительный треск и какое-то утробное рычание.

— Моку! — закричал отец

Расан, стоило нам приблизиться. — Я привел драконов! Мы спасены! Драконы прогонят хранителей! Мы в безопасности!

Раздались восторженные крики, приветствия, славословия. Говорили все разом, причем не переставая прыгали и мельтешили перед глазами, отчего понять что-то было проблематично.

Мы сами не поняли, как оказались на той стороне селения, где трещало, выло и ревело, причем подталкивали в спины не только драконов, но и меня, хотя ваша покорная слуга, во общем-то была против.

Наконец, я увидела тех самых

«взбесившихся хранителей», которых люди Моку призывали сжечь.

Ими оказались толстые, в пару обхватов, древни, ветвистые, разлапистые, которые передвигались с помощью подвижной и развитой корневой системы. Мощными ветвями, сжатыми в кулаки, древни тоже орудовали ловко, размахивая ими, как мельницы и сокрушая те постройки, до которых могли дотянуться. Они рвали лестницы из лиан, опрокидывали гнезда, из которых сыпалась перепуганная птица, и при этом отвратительно скрежетали и выли.

— Сжечь! Сжечь хранителей! — раздавались крики. — Теперь вам,

голубчики, мало не покажется!
Теперь с нами драконы! Сожгите же их! Ой! Это был мой дом! А вот тот — мой! Сожгите же их и дело с концом!

Исам с Кеншином обменялись взглядом, мол, что делать будем.

— Не жечь же их, — сказал Исам взволнованно.

— Может, попробуем договориться? — неуверенно сказал Кеншин.

И, поскольку один из древней подошел слишком близко, быстро стянул с запястья широкий браслет, который через секунду превратился в длинный меч, который дракон выставил перед собой.

Деревянные руки, роняя пальцы, выхватили меч из его рук и отбросили в сторону. Древень взревел еще громче, а дракону пришлось отступить.

— Сожгите их! — неслось сзади.

— Ой, дурачье, — раздался тонкий звенящий голос прямо над ухом.

Я подпрыгнула и почти не удивилась, когда увидела знакомую фею, что зависла в воздухе рядом со мной.

— Почему? — вырвалось у меня. — Мне кажется, драконы должны справиться...

Надо сказать, в голосе моем

уверенности не было.

— Справятся-то справятся, — пискнула фея, скривившись, — а толку.

Я захлопала ресницами. Губки феи поджались, а глазки закатились от моей непонятливости. С выражением лица, словно говорит с ребенком, крохотуля проговорила:

— Хранителям надо бы похорошему объяснить, что магический всплеск от этого вашего инсекта вызвал вчера землетрясение. Древни не любят землетрясений, они обеспокоены.

— Люди говорят, взбесились, — вырвалось у меня. — И он такой же наш, как... общий.

Меня одарили таким взглядом, что я пожалела о том, что сказала.

— Древни не убили ни одного человека, — сказала фея. — Ни одной птицы, вообще, ни одного живого существа. И ты будешь говорить мне о том, что хранители леса взбесились? В таком случае ты никогда не видела рассерженных древней!

— Ты права, не видела. Так значит, это вчерашнее землетрясение...

Фея картинно закатила глазки, а я ринулась вперед.

Глава 18

— Стойте! — крикнула я. — Это они из-за землетрясения! Они напуганы!

Меня никто не слушал.

Исам с Кеншином стояли между разгневанными древнями и остальными, не подпуская хранителей леса к новым домам. Судя по тому, что древни рычали, как самые настоящие львы и размахивали древесными кулаками так, что драконам приходилось уворачиваться, древни этому рады не были. Сзади во все глотки вопили

люди, зачем-то гремели мисками и кастрюлями.

— Да постоит же! — снова попыталась внести ясность я.

Мой крик ожидаемо потонул в общем гвалте.

Я кинулась вперед. Стоило мне вырваться вперед, оба дракона оглянулись на меня вполоборота и лица такие, что в другой раз, я, быть может, за какое дерево неподвижной шмыгнула бы и не отсвечивала, но сейчас нельзя было терять ни секунды.

Драконы же, заметив, что отступать я не собираюсь, явно вознамерились преградить мне путь.

Совершив какой-то

нечеловеческий прыжок, я увернулась от захвата первого, затем кувыркком прокатилась под ногами у второго.

В следующий миг с размаху врезалась в теплый деревянный бок, впечатавшись в него чуть ли не как муха в янтарь.

В мыслях неслось судорожно «Они никого не убили, они никого не убили, так сказала фея, так сказала фея». А затем некстати вспомнились рассказы драконов о коварстве и вероломстве фей.

Но древень замер. Словно и вправду боялся причинить мне вред.

Со скрежетом он взял за плечи ветками и осторожно отстранил от

себя.

Я задрала лицо и увидела, что на меня смотрят дупла-глаза. Нос-сучок ходит из стороны в сторону, словно древень принюхивается, а дупло пошире, что, должно быть, означает рот, кривится, будто от удивления.

— Маленький дракон, — сказал древень. — Ты мешаешь.

— Подождите! — вырвалось у меня. — То есть, я хотела сказать, простите!

— Отойди, — приказал древень. — Мешать плохо. Нельзя.

— Да подождите же! — я схватилась за ветки-кулаки мертвой хваткой, от души надеясь, что древень не станет чертить мной дугу

в воздухе.

Древень не стал. Он замер. Но вид при этом был у него очень недовольный.

— Я знаю, вы рассержены землетрясением! — сказала я.

— Землетрясение плохо, — согласился древень. — Напугало. Люди должны ответить. Чтобы больше не было землетрясений.

— Да причем тут люди? — я была в отчаянье.

— Люди не умеют обращаться с магией. — Терпеливо пояснил древень. Они потревожили магию и получилось землетрясение.

— Да нет же, — попыталась я образумить древня.

Остальные, за его спиной, недовольно гудели, оттого, что их не пускают к постройкам Моку.

— Пойдите же! — крикнула я, обращаясь и к ним тоже. — Люди здесь ни причем. Землетрясение вызвала магия инсекта! Это был инсект, понимаете?

Древни замерли, но гудеть не перестали. Правда, их гуд уже носил какой-то другой характер.

— Инсекты злые, — сказал тот древень, что по-прежнему стоял рядом. — Они могут сточить меня до основания. Просто из вредности. Плохие.

— Мы уничтожили инсекта! — сообщила я, надеясь, что древень не

разозлится.

— Вы — хорошие, — с присущей ему логикой ответил древень.

— Инсект колдовал! — пояснила я. — Он кормил свою личинку кицунэ.

— Кицунэ хорошие, — недовольно сказал древень. — Они живут в мире с природой. Вы хорошо сделали, что убили инсекта, драконы.

— И вот, когда он умирал, магический фон пошатнулся, — сказала я, не веря, что я, студентка и жительница, если что, двадцать первого века, говорю о пошатывании магического фона. Впрочем, говорила я с древнем...

— И получилось

землетрясение, — закончила я.

— Был виноват инсект? — переспросил древень.

Я радостно закивала.

— Люди не виноваты? — на всякий случай уточнил древень.

— Ни в коем случае! — подтвердила я.

— Мы не убили ни одного человека, — как-то виновато произнес древень.

— Но вы разгромили их жилища, — укоризненно сказала я.

Древень обернулся к своим. Потому, как зашумели их ветки и зашелестела листва, я поняла, что древни совещаются.

Наконец, древень снова

повернулся ко мне.

— Мы поможем людям, —
сказал он и добавил: — Починить.

— Мы сильные! — загудели
остальные древни.

Из селения Моку нас провожали
все, кто не был задействован вместе
с древнями на строительных работах,
торжественно и с почетом.

Но сначала Моку сволокли
огромное количество фруктов, ягод,
маринованных в кислом соке грибов,
вяленого, сушеного и жареного мяса,
и, — тут я чуть не запрыгала от
восторга, — свежесдобытой
сдобы, мягкой, с хрустящей корочкой,
очень ароматной. Накормив нас от
пуза, пригласили остановиться у них,

предложив жить столько, сколько захочется.

Я вместе с Расан не удержалась и полазила по деревянным домикам и площадкам, потяжелевшим после сытного обеда драконам пришлось полазить следом. Одну меня не пускали, мол, высоко и опасно (для меня). Исследовав по-быстрому «веревочный городок» мы с сожалением вынуждены были отказаться от приглашения. Я в общем-то была не против, но драконы торопили с инициацией, мол, еще и папенька ждут-с, волнуются, куда дочка девалась.

Что касается папахена, это для меня не аргумент был ни разу. Что

же это — до восемнадцати лет он дочь знать не знал, а как вошла в репродуктивный возраст, вспомнил о ней и даже обратно, на родину потребовал? Ну уж нет. Породистой самкой ни для одного из их драконьих кланов я становиться не спешу и не собираюсь, о чем и сообщила драконам.

Те переглянулись и выдвинули последний аргумент. Железный. Если я пройду инициацию и стану драконом, мне ведь вроде как в Альма-матер местной будут рады...

— А как же то, что папахен вправе не поддерживать рвущуюся к знаниям дочь? — решила я уточнить, потому что кормили Моку вкусно,

обращались с почтением, которого я в жизни не видывала, а их «веревочный городок» просто чудо какое-то!

— Сами говорили, да и мамуль тоже, что папахен вправе не пустит меня в Альма-матер.

— Ну, тут уже как сама договоришься, — развел руками Кеншин.

— М-да, переговорщик я, если что, знатный, — не смогла не признать я. — Поэтому простите, дорогие Моку, погостим у вас как-нибудь в следующий раз, потому как спешим. На инициацию опаздываем.

Последнее это я уже Моку сказала.

Вперед выступил отец Расан. Как оказалось, его звали Саран, а жену (милую быстроглазую женщину) Нарас.

Саран во всю пользовался тем, что познакомился со мной первым, как и Расан, которая на шаг не отходила, зыряка при этом на сверстников с видом победительницы, мол, ну, и кто привел принцессу драконов в наше селение? Кто всех спас? То-то.

Услышав, что мы гостить не останемся, Моку приуныли, но когда пообещала навестить их как-нибудь, воспряли.

Саран выступил вперед и, ударив себя в грудь кулаком,

произнес торжественную речь:

— Великая скво, пророчица из клана Смертоносных студиозусов, обладательница лука фей, раздавательница насекомых и возвратившая дома древесным людям, мы всегда рады тебе и твоим спутникам! Наше селение — твое селение! Наши мечи — твои мечи! Отныне все Моку — твои преданные друзья!

— Слышали? — сказала я нахохлившимся на «спутников» драконам. — Вот так ко мне чтобы обращались каждый раз. А то принцесса уже надоело.

Пополнив (и нехило, благодаря щедрости Моку) запасы съестного

мы готовы были продолжить путь.

— Без меня не уходите, — крикнула я драконам, а сама понеслась попрощаться с древнями.

* * *

Долго ли, коротко ли, но дочапали мы в этот день почти до самой священной горы.

Яркие, сочные краски этого мира постепенно притухали, словно чья-то невидимая рука окутывала каждый цветок, кустик, дерево и даже багровые, отражающие солнечный закат, водопады, туманной дымкой. На смену качеству

Full HD робко пробивались неоновые отблески, чуть заметное голубоватое сияние высоких стеблей травы, искры воодушевленных приходом вечера светлячков. Понемногу, появлялись и светящиеся мотыльки. Они летали над головами, сонно хлопая крыльями, чуть не натыкаясь на нас.

Один из мотыльков сел на белоснежную макушку Исама, какое-то время складывал и раскидывал бирюзовые крылышки. Вредный дракон со мной не разговаривал: не простил, что я рисковала жизнью, когда спешила объяснить древням, что к чему. На мои возмущенные заявления, что вообще-то «ЭТИМ

опрометчивым и безголовым поступком» (его выражение) я спасла их с Кеншином, которые вместо того, чтобы поговорить по-человечески, размахивали перед древнями мечами, а также спасла от крушения целое селение Моку, Исам не реагировал.

Я с ним тоже не разговаривала, тоже мне, шовинистическая нянька нашлась! Как будто еще не понял, что постоять за себя я могу, и еще как. И вообще, если бы фея не подсказала, я бы и не сунулась (наверное).

Что касается феи, то в то, что именно она подсказала мне, как быть с древними, мне ни разу не поверили. Ни Исам, ни Кеншин. Если верить их словам, феи никогда не вмешиваются

в дела людей и прочих двуногих рас. Я, опять же, с присущей мне логикой (да, женская, но хоть какая-то, в отличие от мужской, которой, как известно, и вовсе нет) напостила, что вообще-то фея вмешалась не в дела двуногих, а в недоразумение, связанное с хранителями леса. Аргумент железный, и поспорить с ним было сложно, поэтому со мной поступили очень по-мужски (о чем я, конечно же, не преминула сообщить): на меня обиделись.

Причем Кеншин больше для вида, судя по взглядам, которыми продолжал жечь меня дракон, особой обиды не чувствовалось, а вот Исам не понарошку. Дракон шел впереди,

не отвечал на вопросы и вообще не оглядывался.

Когда мы вышли на берег узкой неглубокой речушки, драконы сообщили, что эту воду можно пить, поэтому здесь мы и останемся до завтра. На мой вопрос, сколько нам еще до заветной горы, мне ответили, что пару часов — максимум, но в темноте идти не вариант.

— Гора могла припасти для тебя еще каких-нибудь препятствий, — сообщил Кеншин. — А их лучше встречать лицом к лицу при свете дня.

С этим сложно было спорить, да и капризничала я для разнообразия.

— Вот и преодолели бы все

преграды сегодня, — пробурчала я, сползая спиной по стволу дерева. — Чего на завтра откладывать-то?

Говоря это, я от души надеялась, что драконы меня не послушают. И они не разочаровали.

Пробурчав что-то о том, что надо хорошенько разведать оставшийся путь до священной горы, Исам растворился в ночи, и даже на предложения сначала поужинать не отреагировал.

Кеншин сообщил, что Исам прав, что меня, надо сказать, слегка шокировало. Но вообще черноволосый дракон, который казался таким напыщенным и надменным поначалу, радовал.

— Эти места кишмя кишат кицунэ, — сообщил он, устраиваясь рядом и протягивая мне бутылку со свежим древесным соком и длинный пирожок с мясом. Надо сказать, в дорогу Моку собрали нам столько всего, что поклажи у обоих драконов прибавилось. К их чести, они как будто этого даже не заметили.

— Хоккайда обещала, что кицунэ не станут чинить препятствий, — вспомнила я.

— Не все кицунэ настроены мирно, — возразил Кеншин. — Есть племена, которые воюют между собой.

— Хотя логичнее было бы воевать с людьми, — пробормотала

я. — Которые сажают их в клетки и продают инсектам.

— Это было сделано под заклинанием подавления воли, — напомнил Кеншин. — Хотя, конечно, особого тепла между ними нет.

— Хоккайда сказала, встретимся в Святилище, — вспомнила я.

— Да, — подтвердил Кеншин, протягивая мне пополам разрезанное крупное манго. — У подножия священной горы Такэхая Сусаноо-но Микото находится святилище богини Инари, покровительницы кицунэ.

— Инари, — задумчиво проговорила я. — Это божество, которое изображается в виде Дакини, которая летает верхом на лисе?

— Ты поражаешь своими знаниями, принцесса, — изумился Кеншин и это было приятно.

— Я очень люблю восточную философию и мифологию, — призналась я.

— Да, — пробормотал Кеншин. — Ты и в самом деле не похожа на наших женщин. Ты — честь для любого клана драконов.

Он говорил так искренне и впервые за долгое время бесхитростно, что внутри как-то все потеплело. Но стоило ему напомнить о том, что я — всего лишь ценный приз, который достанется достойнейшему из дракаратов, настроение упало. Должно быть,

Кеншин почувствовал это, потому что попросил:

— Расскажи, что ты знаешь об Инари? Интересно, что в вашем мире помнят о богах.

Я надулась от гордости. Потому что в нашем мире, если что, помнят многое!

— Согласно нашей мифологии, Инари — синтоистское божество, — сказала я. — А что до ее подопечных, лис кицунэ, то они встречаются, как в синтоизме, так и в буддизме. Богиня Инари в синтоизме покровительствует рисовым полям, торговле и предпринимательству, эдакая рачительная хозяйка. А еще Инари — это исполнительница

желаний, богиня плодородия и даже... плотских утех. Считается, что кицунэ — посланники этого божества, или, как приятно говорить в Японии, цукай. Мастер Горо рассказывал, что в японской школе тайного буддизма Сингон, одно из главных божеств, Дакини, изображается в небе верхом на лисе.

— Поразительно, — пробормотал Кеншин, подсаживаясь ближе, отчего меня ощутило бросило в жар, а где-то глубоко внутри сладко заныло. — Вы ничего не забыли, хотя и неудивительно...

На мой недоуменный взгляд Кеншин пояснил:

— Говорят, Инари за что-то

наказала кицунэ. Никто, кроме них самих не ведает, за что. Собственно, поэтому великая в прошлом раса перестала быть единой, разбилась на отдельные племена. Кто-то ушел в ваш мир, облюбовал японские острова, кто-то остался здесь.

С этими словами Кеншин подвинулся еще ближе. Вот-вот его бедро коснется моего. Внутри вспыхнул такой жар, от которого перехватило дыхание. Вместе с тем накатившая усталость не позволяла даже пошевелиться. Руки и ноги, налитые свинцом, потихоньку сводило какой-то сладкой истомой, и не хотелось делать ни одного движения, чтобы не потревожить это

новое ощущение.

Я подняла взгляд на дракона и увидела, что в глазах его пылает пламя. Впервые за все время захотелось не отшатнуться, не противостоять, а наоборот, приблизиться еще немного, прямо к этим багровым очагам, погрузиться в них, ощутить жар не только внутри, но и всей кожей. Ноздри Кеншина хищно раздувались, уголок рта чуть дернулся.

Дракон подался мне навстречу и в этот миг внутри что-то тревожно тренькнуло.

В тот же миг я отшатнулась и пробормотала:

— Становится зябко, а я в

шортах... и майке... Свежо. Надо переодеться во что-то... более теплое и удобное.

— Тебе холодно? — иронично спросил дракон и придвинулся ближе.

— Не то слово! — задыхаясь от жара, соврала я. — И зубы почистить надо. Да и вообще скоро уж отходить ко сну. Завтра вставать рано!

С этими словами я подскочила, как ошпаренная и ринулась к рюкзаку с вещичками. Выудив спортивный костюм, майку с рукавами и косметичку, я унеслась к реке, сопровождаемая жгучим взглядом дракона.

Миновав поросль пышного

кустарника, всего в мелких белых цветочках, над которыми порхали ночные мотыльки, я, наконец, ушла из поля зрения дракона и дышать сразу стало легче. Непонятно как, но я знала, что дракон не пойдет за мной, и вместе с этим отчего-то хотелось, чтобы пошел.

— Мне хочется этого? — задумчиво проговорила я и показалось, что пространство недовольно зазвенело.

Я покрутила головой, но поблизости никого не было. Слышно было, как перекрикиваются ночные птицы, как поют лягушки и стрекочут цикады. Вечер был тихим, теплым и каким-то родным, вмиг

ощутила себя у бабушки, мамы Виталия Владиленовича, которая с самого начала приняла меня как родную внучку. В этом теплом вечере было что-то настолько родное, что кажется, я сижу на берегу речушки Ковылка, в гостях у бабушки, и стоит закрыть глаза, как услышу далекое мычание коров и пение петухов. А потом бабушка, которая пришла на речку за припозднившейся внучкой, позовет ужинать, а по дороге будет беззлобно ругаться, что все остыло.

Я открыла глаза и широко улыбнулась.

Волшебный мир с его неоновыми сполохами никуда не делся, и вместе с тем стал чуточку

роднее и ближе.

Попробовав рукой воду, я ощутила, как по телу забегали мурашки, до того она показалась теплой и вместе с тем освежающей.

— А кому-то не помешало бы сбить пожар, — пробормотала я. — Решено! Я быстренько! Туда и обратно.

Быстро скинув шортики, бельишко и маечку, я освободилась от кроссов и ужом юркнула в реку. Сразу у берега было глубоко и пришлось сходу грести руками и ногами, чтобы удержаться на плаву. Сделав несколько гребков по течению, я оглянулась и увидела, что отнесло меня далековато.

— Ну вот и вечерний фитнес, — пробормотала я. — Как будто мне дня не хватило.

Приложив усилия, я все-таки приплыла обратно, и попрыгав, чтобы стряхнуть капли, оделась в спортивный костюм.

— Зато жара как не бывало, — проговорила я довольно. — И мыслей всяких тоже, кстати.

Вода действительно освежила и я смогла перестать, наконец-то думать о кое-чьих глазах. То о синих и бездонных, то о багряных, огненных.

Почистив зубы, я посидела на берегу еще какое-то время, пока не поняла, что замерзаю. Решив, что

пока я тут плаваю, на стоянку должен был вернуться Исам, а находясь рядом, драконы друг друга нейтрализуют, я решила вернуться.

Исама не было, а Кеншин успел развести костер и теперь сидит у него, задумчивый, смотрит на пламя с таким видом, словно решает в уме сложную математическую задачу.

Пожелав дракону приятных снов, я расстелила коврик, и вжикнула молнией на спальнике.

Стоило голове соприкоснуться с твердым, как тут же провалилась в сон.

Снилось небо, синее-синее, бездонное, прозрачное, и я парила в

нем высоко-высоко. Потоки ветра приятно охладили кожу, позволяли разворачиваться, маневрировать, скользить, словно с высоченных невидимых горок. Было здорово, весело и захватывающе. Хотелось царить в этом родном небе всегда, до окончания времени.

Затем приснилось, что что-то теплое скользнуло по щеке. И в тот же момент небо кончилось, а я забарахталась в огненно-желтом тумане. Вязкий, тягучий, я не могу сказать, что я испугалась, ощущения не были неприятными, но по сравнению с синим бездонным небом, было все же что-то не то.

Но тут снова погладили по щеке,

ласково, нежно, кажется, заправили даже локон за ушко, и словно в унисон этому движению внизу живота дернуло, какое-то теплое и приятное ощущение стало разливаться по всему телу, делая его невероятно чувствительным и легким.

Я больше не летала, не парила, но чувство легкости не покидало, кроме того, что эта легкость была другой.

А потом к моим губам прижались чьи-то... Нежные и горячие. И было это так чудесно, что я застонала во сне и ответила на поцелуй. Мне вернули мой стон, а руки сами-собой высвободились из

фланелевой подстежки спальника и обняли чью-то сильную шею, притягивая к себе.

Меня продолжили целовать, но уже как-то требовательно, властно, очень горячо, и каждое касание этих губ отдавалось сладкими спазмами в теле. Жаркие волны прокатывались по коже, я охнула, когда в рот ворвался язык и принялся играть с моим, нежа его легкими и одновременно настойчивыми касаниями.

Я выгнулась навстречу и меня обняли, прижимая к себе, чуть ли не до хруста. Я застонала и хватку чуть ослабили, а я, наконец, поняла, что это не сон и открыла глаза.

— Кеншин, — ошарашено выдохнула я ему в губы, — Кеншин.

Я попробовала отпихнуть его, уперевшись в обнаженную горячую грудь ладонями, но с таким же успехом могла бы сдвинуть чугунную тумбу.

— Нет, Кеншин, — прошептала я, но дракон властным поцелуем снова припал к губам и в голове затуманилось. Я чувствовала, что лечу в пропасть, что теряю волю, что растекаюсь от жарких и умелых касаний дракона, но ничего не могла с этим поделать.

Прекратив терзать мои губы, Кеншин позволил плотнуть воздуха, а сам принялся покрывать жадными,

торопливыми поцелуями шею. При этом одной рукой он обнимал меня, удерживая голову на весу, другой избавлял от спальника.

— Какая ты красивая, — шептал он. — Волшебно, божественно, до умопомрачения красивая, принцесса Таши. Ты — совершенство, рядом с тобой любой потеряет голову, любой... Я... я был сдержан, но больше не могу... Не могу.

— Кеншин, — протестующе простонала я и помотала головой из стороны в сторону. — Не надо.

Глава 19

Меня рывком вытянули из спальника и бережно уложили поверх.

— Ты — совершенство, Таши, ты — богиня, что сошла с небес, меня оправдал бы даже святой!

Кеншин тяжело дышал, бормоча это, и не прекращал ласкать меня руками и губами.

Ловкие пальцы расстегнули молнию байки, в следующий момент оказались под майкой и заскользили по обнаженной коже. Горячая ладонь дракона наполнилась, а пальцы

слегка сжались. Это заставило меня охнуть и выгнуться навстречу.

Где-то на задворках сохранившегося разума я понимала, что это неправильно, что я должна остановиться, прекратить это сейчас же, но в тоже время знала, что не в силах этого сделать.

Прикосновения Кеншина были такими желанными, горячими, они манили в неведомую бездну наслаждения, влекли в самую пропасть, и все, что я могла, это слабо мотать головой, шептать «нет» и при этом... отвечать на поцелуи.

На секунду меня прижали к земле, я выдохнула, в следующий миг давить перестали, но не успела я

вдохнуть полной грудью, как ощутила горячие пальцы под кружевными трусиками.

— Кеншин, нет, — бормотала я, силясь достать его руку оттуда, где ей вовсе находиться не следовало, но ничего не выходило. Вот вроде у парня две руки (днем, помню, было), а ощущение, что к ночи отрастил еще четыре, как у древнего божества!

Пальцы под тонким кружевом делали что-то настолько невероятное, что я застонала в голос. Тотчас к моим губам прижались чужие и начали жадно пить мой стон.

Что-то внутри кричало от возмущения, понуждало прекратить,

опомниться, остановиться. Но манящий багрово-золотой туман окутывал со всех сторон, наполнял тело легкостью, заставлял какие-то неведомые струны души петь от восторга, просить еще и еще.

Меня целовали, ласкали, трогали и гладили с таким жаром и неприкрытым желанием, что оставалось только довериться этому мощному, неведанному прежде, потоку.

— Я не причиню тебе вреда, принцесса Таши, — выдохнул на ухо Кеншин. — Я только...

В следующий момент что-то взревело, а мир перевернулся.

В прямом смысле.

Какое-то время я была в воздухе, потом грохнулась наземь, не успев сгруппироваться, больно приложилась плечом. Боль оглушила, а потом отрезвила.

С диким криком сцепились оба дракона, катаясь по земле.

Осыпая друг друга проклятиями, раскатились в стороны, чтобы в следующий миг сойтись в прыжке.

— Ты чуть было не оставил ее без дракона! Подлец! — вопил Исам,

— Ей не нужен дракон! — грохотал голос Кеншина. — У женщины все равно не может быть дракона!

— Подлец! Я убью тебя! — обещал Исам.

Дракон взлетал над землей, белоснежные змеи волос парили в воздухе, освещаемые неоновым светом. Дракон разил противника руками, ногами, лицо застыло маской свирепой ярости.

— Это я убью тебя! — пообещал Кеншин, извернувшись, уходя из-под очередного удара.

— А потом изгоню ее дракона! — пообещал он.

Я отползала назад, пока не уперлась спиной в дерево. Затаив дыхание, наблюдала за схваткой. Сейчас не было и капли того рисования, что драконы явили в холле нашей квартиры, там, в другом мире. Они наносили друг другу

сокрушительные удары, каждый из которых мог свалить дерево. Они взлетали в воздух и их руки и ноги растворялись в пространстве, с такой скоростью они атаковали друг друга.

Я не понимала ни слова из того, что они кричали друг другу. Так бывает во время оглушения: ты понимаешь, что смысл в словах есть, но не можешь уловить его. Отчаянно мотая головой, чтобы прийти в себя, я, затаив дыхание, следила за поединком и понимала только одно.

Драконы бились насмерть.

Пространство над ухом зазвенело и я обернулась, готовая увидеть фею. Но ее не было, должно быть, мне послышалось. Но в голове

посветлело, жар постепенно спадал. При этом было чувство, словно резко спала температура во время болезни, и потому мышцы налились слабостью.

Как замороженная, я продолжала наблюдать за происходящим.

Вот Исам перевернулся в воздухе, и, встав на ноги, спружинил коленями, сохраняя равновесие. Широкий браслет от кисти и почти до локтя, перетек ему в руку и в следующий миг над головой присевшего Кеншина рассекло воздух лезвие меча.

Темноволосый дракон ушел от очередного выпада, перекатился на земле, а когда, распрямившись,

ВЗМЫЛ В ВОЗДУХ, В РУКАХ СЖИМАЛ ДВА ДЛИННЫХ КЛИНКА.

Несколько касаний — и меч Исама превратился в копье. Уворот — и когда смертоносный наконечник должен был достать темноволосого дракона, копье заскрежетало о вовремя подставленный щит.

Теперь драконы бились молча. Со стороны мне было отчетливо видно, что силы равны. Но яростный напор Исама, его решимость довести дело до конца, сделали свое дело. Кеншин отступал.

Вот его нога подвернулась, и падая, он чудом не напоролся на лезвие меча. Вот, в прыжке, Исам все-таки достал его, распоров

джинсы. Следующий удар, когда лезвие меча плашмя ударило Кеншина по плечу, я завизжала, закрывая глаза.

Я уже видела, на что способны драконы в бою, и, поняла, что не поверни Исам меч в последний момент, сейчас на землю упала бы чья-то конечность.

Кеншин вынужден был отступить. Оказавшись на противоположном краю поляны, у самых деревьев, он поднял вверх руки с короткими копьями, что должно быть, означает признание поражения. Я угадала.

В тот же миг Исам прекратил атаковать.

— Уходи, — бросил он Кеншину.

Мне не было видно лица Исама, но голос его звучал так угрожающе, что даже я вздрогнула.

Кеншин бросил на меня какой-то горький и полный сожаления взгляд и скрылся между деревьев.

Какое-то время Исам стоял молча, не оборачивался.

Я отчего-то все еще боялась вдохнуть полной грудью, сидела, уперевшись спиной в дерево, затаившись, словно мышь.

В воздухе висело напряжение. Кроме того, что драконы бились всерьез, ощущалось что-то еще. То ли какая-то беда, то ли потеря.

— Беда обошла тебя

стороной, — пискнули над ухом.

Я обернулась, но вместо феи увидела лишь удаляющийся голубой сполох. Она, несомненно, только что была здесь, но отчего-то решила не задерживаться и скрылась в ночи.

Провожая взглядом фею, я не заметила, как подошел Исам.

В следующий момент меня рывком подняли в воздух, прижимая к твердой мускулистой груди и посмотрели в глаза с нежностью.

— Испугалась? — спросил Исам.

А я, вместо того, чтобы ответить нет, потупилась.

И снова было *deja vu*, и снова меня обжигало чужим теплом, но

это, столь же волнительное, было каким-то уютным, и безопасным, что ли...

Бережно, словно хрустальную, меня усадили у костра, а затем принесли спальник и укутали плечи.

— Чтобы не замерзла, — сказал Исам.

Стараясь не смотреть мне в глаза, он вжикнул молнией толстовки, скрывая от себя вид в мое, скажем, декольте.

Я все никак не приходила в себя и непривычно робела.

Хотелось спросить, что случилось, почему Исам прогнал Кеншина, почему... Чуть не убил, не покалечил его, ведь ничего

особенного не произошло... Почти. Но в то же время не покидало ощущение, что только что чуть было не случилось непоправимое, а еще казалось, что Исамом руководила не просто мужская ревность.

Холодный и отстраненный днем, блондин смотрел с нежностью и теплом, и при этом вид у него был какой-то виноватый.

Надо думать, у меня вид тоже был виноватый, особенно, если вспомнить, в каком виде Исам застал нас с Кеншимом не так давно. Я ожидала что он объяснится, но дракон молчал. Вместо этого он достал припасы и вскипятил в котелке воду. Заварив в термосе чай

из каких-то невероятно ароматных трав, он протянул мне дымящуюся кружку, которую я приняла двумя руками, а сам приступил к трапезе.

Ел дракон жадно и много, время от времени бросая на меня странные взгляды исподлобья, отчего мне становилось тепло, нежно и как-то не по себе.

Наконец, подбросив дров в костер и дождавшись, когда тот примет подношение, взметнувшись к небу языками пламени и огненными саламандрами, Исам уселся рядом со мной.

Я молчала, хотя хотелось расспросить о многом, и особенно о том разе, на озере фей, когда дракон

отшатнулся от меня, а потом и вовсе отвернулся... и практически перестал общаться со мной. Но рот попросту не открывался, вместо этого я ждала, что заговорит он... и ощущение было какой-то нужности и защищенности. А еще что-то внутри подсказывало, что это очень правильное ощущение.

Наконец, Исам произнес:

— Прости меня.

Я вздрогнула от неожиданности.

— За что? — вырвалось у меня.

— За то, что мог не успеть, —

ответил он. — Хорошо, что фея позвала... Как тогда на озере. А я еще, дурак, идти не хотел, мол, с тобой рядом Кеншин, он защитит.

Ведь я знаю, что дракон способен на многое... Мы практически неуязвимы...

Мне была понятна его ревность, сейчас, когда Исам не отводил взгляда и его глаза горели синим пламенем, не оставалось ни малейших сомнений в том, что я ему нравлюсь. И очень. Но в то же время его забота о моей нравственности была какой-то... иного рода, нежели ревность. Совсем мне непонятной.

— Спасибо, Исам, — тихо сказала я. Отчего-то казалось, что я должна объяснить. — Ты вовремя. Я... я не знаю, что на меня нашло. Честно.

Исам усмехнулся. Нежно и

грустно одновременно.

— Ты такая красивая, Таша, — сказал он. — В другом мире тебя называли Александрой?

— Александрой, — кивнула я. — Только редко. Сашей и Ташей чаще.

— А-лек-сан-дра, — по складам произнес он, словно пробуя мое имя на вкус, и этот момент таким волнительным показался. Гораздо волнительнее, чем все, что было до этого. Никогда мне собственное имя таким мелодичным не казалось. Хотелось, чтобы дракон повторял его снова и снова.

— Сандра... Саша, — проговорил Исам, словно подслушал

мои мысли, и у меня внутри что-то робко запело.

— Ты невероятно красивая, — сказал он. — А что значит, Белоснежка?

Я фыркнула.

— Ничего не значит, не заморачивайся. Так, кликуха. Не нравится мне, когда так называют...

Исам посмотрел как-то озорно, по мальчишечьи, а потом улыбнулся. Затем улыбка покинула его лицо, и глаза дракона потухли, словно в комнате выключили свет.

— Прости, — повторил он.

— Да не за что извиняться, — пробормотала я. — Я рада, что ты пришел. Ты как раз, вовремя.

— Ты не представляешь, до какой степени вовремя, — как-то зло проговорил дракон.

— Что ты имеешь ввиду? — насторожилась я.

— Ты чуть было не осталась без дракона, Александра, — сказал Исам.

Я часто заморгала.

— Это как? — вырвалось у меня.

— Я должен был раньше тебе все рассказать, — вздохнул дракон.

И принялся рассказывать.

По мере его рассказа лицо мое вытягивалось. А по завершению я вылила на свой спальник остатки чая (благо верхняя ткань водонепроницаемая).

Оказывается, чтобы стать драконом, или, как приняло говорить у крылатого народа, «обрести дракона», мало пройти инициацию священной горы Сусаноо, которая скрывает воды озера Риу, озера Драконов. До этого надо еще и вырастить, и, самое главное, сбересть своего дракона.

— Маленькие дракончики не зря такие прыткие, юркие и озорные, — рассказывал Исам. — С ними часто сладу нет, это правда. В некоторых кланах они воспитываются в специальных школах.

Я вспомнила, как в детстве почти все лето проводила в военно-спортивных лагерях, потому что

«воля» для меня, по словам Виталия Владиленовича, была «чревата». Потом, в подростковом возрасте, когда почти у всех сверстников гормоны принялись бушевать, у меня они наоборот улеглись, но внутренний моторчик гнал по кружкам, секциям, факультативам.

— Дракон «формируется» именно в подростковый период, — повествовал Исам. — Оттого, как с ним обращаться, зависит его сила и мощь.

— А как с ним надо было обращаться? — испуганно прошептала я.

— Дракона надо любить и кормить вовремя, — пошутил

Исам. — Но в каждой шутке только доля шутки. Так что вообще, драконам запрещается отказывать себе в каких-то заветных, тайных желаниях, кроме одного.

— Кроме какого? — тут же спросила я и сразу же покраснела под красноречивым взглядом. Сразу все понятно стало. Значит, излишняя сексуальная активность может навредить дракону...

— Не излишняя, а вообще активность, — поправил меня Исам, потому что последнюю мысль я случайно вслух произнесла, о чем сразу же пожалела, потому что от дракона сразу жаром полыхнуло.

— Сформировавшийся дракон,

получив благословение святилища Инари, священной горы Сусаноо и инициацию озера Риу, способен взлететь, — сказал Исам.

— А если не получит? Не взлетит?

— Чаще не получают инициацию по другой причине, — ответили мне.

— По какой? — взяло верх любопытство.

На меня снова посмотрели так красноречиво, что любопытство пристыженно замолчало. Ненадолго.

— А потом, когда дракон взлетит, тогда можно? — пискнуло любопытство и скромно потупилось.

— Можно, — ответили ему

хриплым голосом и на всякий случай отодвинулись от меня подальше.

Я же, поскольку уже в курсе была, что от меня не просто так шарахаются, а по серьезной причине, не обиделась (хоть и грустно было, совсем чуть-чуть... потому что влекло к дракону со страшной силой).

— А ваши с Кеншином драконы, ну, они взлетели уже? — продолжало высовывать нос из норки любопытство.

— Наши взлетели, — ответили мне и посмотрели снова с нежностью, как на ребенка, но при этом на очень любимого ребенка.

— А мой, получается, нет, —

продолжала рассуждать я задумчиво.

Исам вздохнул.

— Мы подумать не могли бы, что у тебя он вообще есть! — сообщил Исам. — И, соответственно, его беречь надо.

— Это еще почему? — обиделась я. — Я имею ввиду, почему подумать не могли, что у меня есть дракон?!

— Да потому, что мы уже говорили: не бывает женщин-драконов. Просто не бывает. Ни в одном древнем сказании ни слова о драконицах! — пояснил Исам. Но при этом тон его не вполне уверенный был, из чего я сделала вывод, что кое-кто в древних

писаниях особо не разбирается.

— Ведь мы за тобой почему пришли, от твоего отца, — сказал Исам. — Потому что Мичио сказал, что пообещает дочь тому клану, что поддержит его в противостоянии... Ладно, всего тебе знать необязательно...

Мой возмущенный вопль объяснил дракону, что очень даже мне обязательно знать все и даже больше.

— Издревле нам противостоят водные драконы, — предупреждаясь подняв вверх руки, пояснил Исам. Затем опустил их на колени и сцепил пальцы. — Водный дракарат один из самых могучих, нельзя этого не

признать. Он огромен, водных кланов много, потому что родная стихия водных — вода — занимает большую часть мира.

— Нашего тоже, — вставила я, чтобы не показаться невеждой.

Исам кивнул, снова глядя на меня с нежностью. Но тут же стал серьезным.

— Дракараты равны между собой, как равны стихии. Но ходят слухи, что водные решили захватить власть в мире. И склонили на свою сторону приверженцев какой-то запретной магии.

Дракон пожал плечами прежде, чем продолжил.

— Ковен пока молчит... Но мне

кажется, во всем этом... В намеренном уничтожении кицунэ, во всплеске магической энергии, которая позволила очнуться инсектам, в гневе хранителей леса... Тут что-то не так, и есть в этом во всем что-то общее.

— А Альма-матер? — ни к селу ни к городу вырвалось у меня. — Альма-матер для драконов? Я знаю, что оттуда пришли документы. Для меня.

— Откуда ты знаешь? — изумился Исам.

Вообще-то я не знала. Я предполагала и потому блефовала.

— Сэнсэй говорил, — почти не соврала я. — И ваш с Кеншином

разговор слышала.

— То-то, что документы, — проговорил Исам. — Документы из Альма-матер присылают только за драконами. Мы думали, в том числе и твой отец, за тобой прислали, потому что ты дочь дракона. К слову, Мичио Кинриу так спешил с твоим вызовом, потому что ты как жена для сильнейшего дракона любого клана — бесценное сокровище. Наша численность, как ни прискорбно, сокращается... А у водных, наоборот...

— И вы решили ее поправить за счет меня, — съязвила я. — Очень интересно, но подло и неприятно. Но ты продолжай. Что там с моим

драконом?

— Да, — рассеянно сказал Исам. — На документы можно было внимания не обращать... В Альма-матер могли ошибиться, или руководствоваться какой-то своей логикой... Но во время перехода между мирами ты слышала рев... И нас вынесло к священной горе Такэхая Сусаноо-но Микото... То есть, потенциально дракон должен был у тебя быть. Мы с Кеншином подумали, что он у тебя был, поэтому гора и позвала тебя.

— Стоп! — возмутилась я. — Почему ты говоришь о моем драконе в прошедшем времени?

Прежде, чем продолжить

говорить, Исам какое-то время помолчал.

— Помнишь, мы рассказывали, что не все, кто рождаются от дракона, становятся драконами?

— Вы говорили, не все проходят инициацию горы, и еще, что не всем создают для этого условия.

— Запомнила! — почти восхитился Исам. — Правильно. Драконами становятся сильнейшими. И инициацию не все переживают. Поэтому допускают к ней не всех.

— А как можно не допустить дракона к инициации? — не поняла я.

Исам покраснел. Затем я тоже покраснела.

— То есть, то есть не все сохраняют девственность до инициации? — догадалась я.

Исам кивнул.

— Поскольку инициацию переживают только сильнейшие, для тех, кто, есть риск, что не переживет ее, создают специальные условия...

Дальше дракон забормотал что-то невнятное о священном акте единения, таинстве, соитии и слиянии...

— Так, — голосом, не предвещающем ничего хорошего пробормотала я. — Значит, тех, кто потенциально не готов стать драконом, ловят на сексуальный крючок?

— Да, — коротко ответили мне, выдохнули и потупились. — Драконы отличаются темпераментом. Очень отличаются...

— Но ведь это подло! — вырвалось у меня.

— Это гуманно, — не согласились со мной. И напомнили: — Не все переживают инициацию.

Оттого, что мне это только предстоит, я поежилась.

— Исам, — тихонечко так позвала, но меня услышали.

— Это очень больно? Очень страшно? Ну, инициация эта...

Мне не ответили. Вместо этого дракон поднялся с земли и пересел на бревнышко рядом со мной. И

обнял за плечи. Так нежно-нежно и вместе с этим ощутительно. Я ему голову на плечо положила и вздохнула. Ведь понятно сразу стало, что и больно, и страшно. Только сейчас это все таким нереальным показалось. Реальными были только эти объятия, которые, казалось, могли защитить от всего мира. Нежные. Надежные. Какие-то родные очень...

Какое-то время мы молчали. Ни одному из нас не хотелось нарушать тишину.

Потом мое любопытство (чтоб его!) опять не выдержало.

— Исам, так значит, ты понял, что у меня внутри этот... дракон,

когда нас из моего мира в этот перекинуло? Прямо к этой горе?

— Почти, — ответил Исам. —
Вообще меня под тем деревом осенило. Помнишь? На озере фей?

Я помнила.

И кто-то тоже помнил, потому что залился краской чуть ли не больше меня.

— Ты тогда еще сказала, чтобы я... ну, что ты... ну, что ни с кем еще, — замялся дракон.

А я так медленно голову с его плеча подняла.

— Да, — говорю. — Сказала. А ты — что? Сомневался?

Кто-то угрожающих (и весьма красноречиво) ноток в моем голосе

не уловил. А зря.

— Я тогда, как понял, что мог тебя дракона лишить, чуть разума не лишился, — поведал Исам. — Таким подлецом себя почувствовал. Ведь если бы ты сказала чуть позже... Я бы... Подозреваю, что остановиться бы не смог. Я Кеншину рассказал, что ты — дракон. Понадеялся на его благородство, дурак...

И Исам посмотрел на меня так виновато-виновато, по-прежнему не замечая, что кто-то изменился в лице.

— Так значит, ты не подозревал о моей невинности? — спросила я и кто-то тон, кажется, заметил, потому что заморгал часто. — Значит, думал,

что я... Что я... Что каждому это вот предлагаю?!

Некстати вспомнилось за каким занятием Исам нас с Кеншином застал и стало совсем тошно.

А потому в следующий миг в голову дракона полетела чашка (из которой чай был уже выпит, а жаль), а еще в следующий — и термос (с остатками чая).

Дракон от чашки увернулся, от термоса тоже (к моему вящему сожалению), и, уворачиваясь от небольшого поленца, прокричал:

— Таша, ты что? Ну а что я должен был подумать? Девушка гуляет по ночам в откровенно неприличных нарядах, танцует какие-то дикие

танцы в сомнительных заведениях... Ее с подругой окружает в подворотнях толпа недвусмысленно настроенных мужчин... И вы же еще собирались драться с ними! То есть вели себя совсем не как женщины, к которым я привык в родном мире! Да у нас даже блудницы не ставят себя на один уровень с мужчинами! Это неприлично! Что мне оставалось думать?!

— Ах, значит, в неприличных нарядах! Ах, значит, блудницы! — продолжала я восклицать, кидаясь всем, что под руку попадалось. А попадалась походная посуда, поленца и даже разложенный спальник. — В сомнительных заведениях, значит!

Да чтобы ты знал, мы с Ариэлькой вообще пай-девочки, понятно тебе?!

— По вашим танцам этого не скажешь, — не согласился дракон, уворачиваясь от очередного чего-то.

— Ах, не скажешь? — вопила я, думая, что бы еще в него бросить за такое оскорбление (а на стрип-пластику мы, если что, для себя ходили, вот).

В следующий миг дракон вихрем метнулся ко мне, а еще через секунду я оказалась прижатой к его груди, причем руки были надежно заблокированы. Мастер Горо не смог бы заблокировать лучше.

Лицо Исама было совсем близко, мир привычно расплылся,

только он оставался четким, его пронзительные синие глаза, красиво очерченные губы...

— Прости, что подумал о тебе плохо, — тихо сказал дракон.

А я вдруг разревелась.

Вот прямо у него на груди, в его объятиях. Реву и чувствую себя дурочкой.

— Александра, Сашенька, — забормотал дракон. — Я так сильно обидел тебя?

Я головой мотаю, и при этом реву еще горше.

— Таша, — позвал Исам, явно напуганный.

— Я не из-за этого плачу-у, — провыла я. — Просто ты... Просто

ты... Ариэльку напомнил... А я соску-у-училась!! Она моя лучшая подруга.

И меня принялись гладить по волосам и целовать в макушку, и шептать что-то утешающее, что отчего-то имело обратное действие, я редела в три ручья, как не редела, наверное, со школы...

Наконец, когда рыдания утихли, Исам сказал:

— Просто кто-то очень устал. Поспи, Таша. Завтра трудный день.

И меня подхватили на руки, как маленькую и унесли на коврик, а потом закутали в спальник и застегнули на нем молнию.

Исам лег рядом, согревая и

положил мою голову на свое плечо.

Повозившись, я развернулась к нему задом и дракон обнял меня другой рукой. И мне стало так хорошо, так надежно и так здорово, что я начала проваливаться в сон практически сразу же.

Правда, все же не удержалась, чтобы не спросить.

— Исам?

— М-м? — промычали в ответ.

— А почему ты спас моего дракона?

Меня погладили по голове. Потом раздался ответ:

— Потому что верю в тебя.

Это прозвучало очень интимно, намного интимнее, чем давеча

признания Кеншина, его комплименты и заверения, что его поймет даже святой.

— Но ведь я нужна вашему клану, — не сдавалось мое любопытство. — Причем нужна и без дракона.

Мне не ответили, а черт снова дернул за язык.

— А вдруг не переживу инициацию?

Меня прижали к себе до хруста, так, что дальше эту тему развивать не захотелось, а потом снова прошептали на ухо:

— Я верю в тебя.

Помолчав, я все же проговорила единственный из оставшихся

страхов. Потому что не оставлять же его было внутри!

— А ничего, что я не спешу стать породистой самкой, и поехала сюда вообще только ради Альма-матер?

— Я помню, — просто ответили мне.

— И?

— Я верю в тебя.

Вот заладил, пронеслось в голове... Но стало как-то очень легко и спокойно, и, наконец, навалился долгожданный сон.

Глава 20

Пробуждение было фееричным.

Я, развернувшись на плече Исама лицом к нему, как-то очень хорошо и удобненько пригрелась, в спальнике, который надежно защищает от утренней свежести, да и от сопящей рядом грелки такой жар исходит, что просто ой-ой-ой... И вот, почти не сплю уже, а так, дремлю, и вставать ну совершенно не хочется, и вдруг вопль!

— Ты отнял ее у меня, чтобы воспользоваться самому?!

Я так и подпрыгнула прямо в

спальнике.

Открыла глаза, хлопаю ресницами.

Рядом, слышу, Исам зевает.

А над нами нависает Кеншин. Заслоняет занявшуюся зарю. Причем в одной руке мой рюкзак почему-то держит, во второй — чемодан, ни дать-ни взять разгневанный муж, который некстати вернулся из командировки. От такого сравнения я не выдержала и хихикнула.

Мое настроение передалось Исаму, потому что эта белобрысая зараза, явно наслаждающаяся ситуацией и упивающаяся своей победой, тоже хихикнула. И руку убирать не собиралась, а еще меня за

плечи обняла и к себе притянула.

Я, хоть и зла была на Кеншина жутко, и злость моя за ночь никуда не делась, увидев, какой у него сразу потерянный вид стал, точь-в-точь щенок, которого выгнали в дождь из дома, все же пожалела брюнетистого дракона.

Поэтому чью-то руку плавно отвела и сказала успокаивающим тоном:

— Ты зря, Кеншин. Никто мной не пользовался. А вот того, что ты хотел сделать, никогда тебе не забуду!

Брюнет и вовсе поник.

— Я же предупреждал, что она — вопреки законам разума, природы и демоны только знают, чего, —

дракон. И я не лишил бы ее дракона, — спокойно сказал Исам.

Брюнет совсем пригорюнился. Видно было — переживает и даже, возможно, извиниться хочет. Вот только гордость драконья не позволяет.

— Одно знаю точно, — пробормотал он. — Что больше не оставлю вас одних!

Я пожала плечами, и, выскользнув из спальника, подхватила косметичку и пошла к речке, умываться.

Когда вернулась — обстановка была накаленная. Напряжение прямо в воздухе витало. Но хорошо, что оно на хозяйственности этих двоих не

отразилось. Точнее на аппетите. Воспользовавшись тем, что драконы уплетали за обе щеки дары Моку, я, прихватив кое-что из рюкзака, снова к реке спустилась, переодеться. Выбрала удобную майку зеленого цвета, под глаза, относительно закрытую, но так обтягивающую, что места воображению просто не оставалось, и джинсики в облипку, стрейч, удобные, как спортивные лосики.

Когда вернулась на стоянку, живо присоединилась к общей трапезе. Потому что, учитывая аппетит драконов, живо вспомнилась поговорка про большую семью, в которой не стоит щелкать пальцами.

Когда с завтраком было покончено, посуда вымыта и аккуратно упакована в рюкзак, а лук с колчаном удобно устроились на моих плечах, мы двинулись напрямиком к священной горе, которая возвышалась над нами, закрывая полнеба.

Я, конечно, на Кеншина за вчерашнее очень злилась, прямо невероятно как, вот до белых глаз и зубовного скрежета, и, возможно, в другой ситуации и вовсе с ним бы не разговаривала... Но сейчас волнение перед этой инициацией сказалось, откровенно страшно было перед какими-то немислимыми препятствиями. Словом, не до

подлого поступка Кеншина было. И, кстати, стоило вспомнить его обещание оставить меня без дракона, как внутри еле слышный, но раскатистый рев слышался, и этот рев, как из огнетушителя тушил гормональный всплески, которые продолжали то и дело вспыхивать оттого, что темноволосый дракон смотрел на меня.

Кроме того, рядом был Исам. И он тоже меня глазами жег, правда, создавалось ощущение, что он очень старается не делать этого, как будто не хотел отвлекать от предстоящего. И вообще, я от него какую-то поддержку ощущала, каждый его взгляд словно говорил: я в тебя верю.

И вот это чувство, когда в тебя верят, оно окрыляло и наполняло какой-то легкой радостью каждую клеточку тела. А еще я себя чувствовала под защитой, и это было приятно.

По ходу приближения к горе оба дракона разъясняли мне то, что мне предстоит. Вот прямо сегодня предстоит. Вот почти сейчас. И от этого не скрыться, не отложить на потом, не заплакать и не убежать домой, обратно, к маме под крылышко.

Потому что инициация — для потомка дракона это серьезно.

Самое серьезное, что вообще может быть, потому что это то, что позволяет человеку обрести дракона,

стать драконом.

— Гора готовит для каждого из драконов три испытания, — серьезно сказал Кеншин, глядя на священную гору перед нами с уважением.

— Мы рады бы подсказать тебе, в чем именно эти испытания заключаются, но, к сожалению, для каждого они свои, — добавил Кеншин.

Тон у дракона был немного виноватый, и я поняла, что он раскаивается. Сильно раскаивается. Но раскаяние — еще не повод прощать. Поэтому я чуть сдвинула брови и скупно кивнула.

— Сначала тебе предстоит пройти Святилище Инари, — сказал

Исам. — Эта богиня — покровительница оборотней-кицунэ.

— Принцесса знает это богиню, — вмешался Кеншин. — Она получила странное образование. Совсем не для женщин.

Я хмыкнула, а Исам посмотрел на меня удивленно.

— Она знает, что Инари изображается чаще всего в виде Дакини, летящей по небу на лисе, — сказал Кеншин. — Но не знает, почему Святилище покровительницы кицунэ первое, что ей предстоит пройти.

— Не знаю, — согласилась я. — Расскажите.

— Есть еще один облик у

Инари, — сказал воодушевленный Кеншин. — Облик дракона. Именно поэтому Святилище Инари — первое, через что драконам предстоит пройти для инициации. Инари — единственная богиня, женщина, которую изображали в облике дракона, поэтому она считается матерью всех драконов.

— Матерью драконов и покровительницей кицунэ? — уточнила я.

— Именно, — подтвердил Исам. — Кицунэ близки нам, именно потому, что, как и мы, оборачиваются. В древности истории драконов и лис кицунэ часто переплетались. Когда-то мы шли с

кицунэ бок о бок, когда-то нет, но никогда не враждовали. Потому что наша мать, мать всех драконов, богиня Инари покровительствует кицунэ. Они посланники нашей богини.

— Что же мне предстоит в святилище Инари? — проговорила я, но драконы только нахмурились.

— Чтобы не сбивать тебя с толку, нам не стоит рассказывать о своих испытаниях, — сказал Исам. — К слову, у нас двоих они были очень разными.

— И все же? — попросила я. — Хотя бы вкратце?

Исам кивнул.

— Мне надо было выстоять

поединок с мастером боя кицунэ, — сказал он. — А Кеншину — распознать суккуба.

— Распознал? — ехидно спросила я Кеншина.

Дракон едва заметно покраснел и неопределенно пожал плечами, мол, а как же, если я прошел инициацию.

— Не сразу, — хмыкнул Исам.

— Их там много было! — попытался оправдаться Кеншин, хмуря лоб.

— Так, со Святилищем Инари все более-менее понятно, — подытожила я. — То есть понятно, что ничего не понятно. А что до следующего испытания?

— Поднявшись на гору, ты попадешь в храм Такэхая Сусаноо-но Микото, — сказал Исам. — Бога ветра, Того, кто победил дракона. Тот, кто смог одолеть дракона — единственный, кто может вдохнуть в дракона силу. Мы, драконы, чтим бога ветра, потому что без его благословения не получили бы крыльев. В храме Такэхая Сусаноо-но Микото тебе предстоит встретиться со своими демонами, Таша, и от исхода этой встречи зависит, будешь ли ты допущена к водам священного озера Риу, озера Драконов.

— Стоп, — остановила я Исама, подняв ладонь. — Помедленней, пожалуйста. Вы говорите, когда я

поднимусь на вершину горы...

Я приложила ребро ладони ко лбу и посмотрела на гору.

— Да мне туда и за неделю не подняться. Даже с вашей помощью!

Драконы одновременно усмехнулись.

— Если пройдешь Святилище Инари, драконья магия перенесет на самую вершину, — пояснил Кеншин. — Не зря Сусаноо-но — бог ветра.

— Когда пройдешь, — спокойно добавил Исам.

А я посмотрела на вершину и сглотнула.

Должно быть, осознав, что напугали меня достаточно, эти двое

стали рассказывать, что дает прохождение инициации.

Кеншин не был красноречив:

— Ты станешь драконом, — буркнул он.

И в его тоне проскользнуло уважение.

И я поняла, что он верит, что у меня получится. Вот не хочет верить, а верит. И это так мило было, так мимишно, что я почти его простила. Потому что верой в себя я буквально сейчас питалась. Откуда-то я знала, что именно ей питается мой внутренний дракон.

— Ты станешь практически неуязвимой, — сказал Исам. — В тебе проснется самая сильная магия

в мире: драконья магия. По первости будет трудно, надо будет учиться управлять ей... Обороты будут долгими и даже болезненными, но чем дальше, тем легче. Альма-матер для драконов для того и создана, чтобы учить молодых драконов управлять новой ипостасью и своим даром. Обычно сразу после инициации драконы, с благословения главы клана, отправляются в Альма-матер.

— И я отправлюсь? — спросила я.

Кеншин отвел взгляд, а Исам нахмурился и дернул уголком рта.

— Если будет на то воля Мичио Кинриу, — хмуро сказал Кеншин.

— Ей пришел вызов из Альма-Матер, — напомнил Исам.

— Дитя дракона принадлежит клану, — жестко отрезал Кеншин.

А Исам посмотрел на меня долгим взглядом и в нем прочиталось:

«Я верю в тебя».

— Стойте, — я поняла, что все это время не давало мне покоя. — Вы все говорите «я да я»... В смысле — ты пройдешь, ты поднимешься, тебе предстоит... А вы? А как же вы...

«А вас что, рядом не будет?» — звучал мой страх, но озвучить его — значит, сделать материальным. Поэтому я просто укоризненно посмотрела на обоих драконов

поочередно и сглотнула.

Кеншин сделал вид, что увлеченно разглядывает гору. А Исам вздохнул.

— Это твоя инициация, Александра, — сказал он.

— Мы будем ждать внизу, — добавил Кеншин.

Я снова сглотнула. А потом, чувствуя, что подступает паника, сказала:

— Все, не могу больше. Ведите в святилище лис, пока не передумала.

Я ожидала, чего угодно, но не того, что ворота в Святилище Инари окажутся до боли похожими на другие, виденные мной в своем мире, который казался сейчас какой-то

далекой сказкой, потому что реальностью было это, настоящее.

— Да это же «Врата дракона»! — вырвалось у меня, стоило нам приблизиться к огромной, широко распахнутой пасти золотого дракона с алым занавесом-языком.

Здесь была и ало-золотая арка, и золотые хранители по бокам, только на этот раз они действительно были живыми, и, хоть стояли неподвижно, вращали по сторонам выпученными глазами и то и дело высовывали змеиные языки.

— Точно, — подтвердил Исам. — Вообще-то это Святилище — портал, но только для кицунэ.

— Потому что это их Святилище, — важно добавил Кеншин.

Но мне уже было не до разглагольствований. Даже страх перед инициацией унялся, стоило увидеть золотые умильные мордочки хранителей. Кажется, в прошлый раз кицунэ (я еще подумала, что он родственник мастеру Горо) сказал, что я хранителям тоже понравилась.

Поэтому, не слушая драконов, ринулась прямо к золотым львям, точнее к тому из них, ко ближе был, и ну спинку наглаживать! Она на ощупь теплая оказалась. Золото одновременно твердое и какое-то мягкое, текучее было. От моих

поглаживаний золотой хранитель спинку выгнул и так умильно в глаза заглянул, просто мимими. Я ему спинку почесала, что вообще повергло хранителя в восторг, он даже от удовольствия заурчал.

Драконы смотрели на это с открытыми ртами и вытянутыми лицами. А другой львенок с обиженной мордочкой. Как же, брата гладят и чешут, мне тоже хочется!

Недоуменно пожав плечами, прошла мимо драконов с гордо выпрямленной спиной и начала второго хранителя наглаживать и почесывать. Он глазки золотые прищурил, выгнулся, точно кот и заурчал похлеще брата. Первый,

ожидаемо, приуныл.

Пока я туда-сюда бегала да хранителей-львят наглаживала, драконы так глазами и хлопали.

— Вы издеваетесь? — не выдержала я. — Может, поможете? У меня все-таки не шесть рук, как хотелось бы, а львята тут стоят не глаженные...

— Вообще-то, принцесса Таши, эти хранители, или как ты говоришь, львята, и есть первое испытание для дракона. Чтобы ступить в Святилище Инари, нужно еще мимо них пройти, — сказал Кеншин

— А они злые, как демоны, — подтвердил Исам.

— Сами вы злые! — обиделась я

за львят. И тот, кого гладила, по-собачьи язык вывалили и хвостиком с кисточкой завилял. Милаха! — Вы, наверное, их и гладить-то толком не пробовали.

— Не приходило в голову, — подтвердил мою догадку Исам.

— А вы попробуйте! — предложила я и у драконов лица еще больше вытянулись.

Сначала Исам, очень-таки не уверенно, а затем Кеншин приблизились к золотым львям. Те смотрели на драконов настороженно, но не рычали и нападать не собирались.

А когда один из львят, тот, к которому Кеншин приблизился,

верхнюю губу приподнял и немаленькие такие зубки показал, я его с удвоенным усердием чесать стала, и губа на место вернулась.

— Ну как? Нравится? — спросила я через какое-то время, когда драконы самозабвенно и с явным удовольствием вовсю чесали хранителям спинки.

Те урчали, выгибались, трогали хвостом-кисточкой, только что о ноги не терлись, ни дать, ни взять, домашние коты!

— Необычно, — сказал Исам.

— Непривычно, — подтвердил Кеншин.

Но по лицам драконов и мордочкам хранителей было

понятно: и те, и другие в восторге от почесаловки.

— Ну, раз с первым препятствием разобрались, пойду-ка дальше, — стараясь сохранять оптимистичный тон, сказала я. — Что-то мне подсказывает, не так страшен черт, то есть инициация эта ваша, как ее малюют. Вы в смысле.

На лицах обоих драконов тут же проступило беспокойство, которое они, конечно, постарались скрыть. И скрыли бы. если бы не чувствовала исходящие от них волны тревоги за меня.

— Саша, оставь лук, — сказал Исам. — И стрелы.

— В Святилище нельзя входить с

оружием, — добавил Кеншин.

Я губу закусила, но кивнула, и быстро лук сняв, сунула его Исаму. Кеншин до того обиженную физиономию состряпал, что ему стрелы на хранение отдала.

— Вы вещички, — кивнула на сваленные в кучу рюкзаки и чемодан, — стерегите.

Тут уже хранители мне закивали.

— Ах вы, умницы, — умилилась я, почесала напоследок каждого и решительно шагнула за алый занавес.

В тот же момент голова слегка закружилась, а пространство заискрило, что вызвало резь в глазах. Пришлось зажмуриться. Когда

открыла глаза, стояла уже в самом настоящем Святилище!

Я никогда не была в Святилище, понятия не имела до этого дня, что это вообще такое, но по моему пониманию, выглядеть Святилище должно именно так!

Огромные колонны по коридору. Расписные, все в диковинных узорах, очень на любимую мною японскую живопись похоже.

Две шеренги кицунэ в длинных свободных одеждах у входа. Хоть и в человеческом облике, но я уже по глазам научилась их отличать — как есть кицунэ.

Впереди виднеется гигантских размеров помещение, вроде как с

каким-то бассейном в нем... С фонтанами, колоннами и столпом посередине. Но отсюда видно плохо.

Свет — какой-то глубокий, чуть зеленоватый, исходит ровным сиянием от поверхности нефритового потолка, и, чуть тусклее, от пола (тоже нефритового), отчего возникает ощущение, что пол и потолок растворяются в этом свете, а ты ступаешь по воздуху.

— Принцесса драконов, — раздалось совсем рядом и в одной из кицунэ в ритуальных одеждах я узнала Хоккайду. — Приветствуем тебя в Святилище Инари.

Немудрено, что я не сразу узнала девушку. Ведь впервые ее в

сереньком грязном платъице увидела, только сейчас стало понятно, что это были обрывки такой вот точно тоги, а потом она вообще голышом щеголяла. Невольно подумалось: а когда я стану драконом, тоже буду после оборота голой разгуливать? Потом отчего-то представились Исам и Кеншин, как я их увидела в родительском доме, перед тем, как сюда лететь. Тогда стоило глаза прикрыть, они перед внутренним взором в каких-то немыслимых одеждах предстали, красивых до умопомрачения. Как сами.

«Какая же ты глупая, Ташенька, — отругала я себя мысленно. — С тобой между прочим,

поздоровались».

Я глупо улыбнулась Хоккайде:

— Привет. И всем. Эм. Здравствуйте.

Лисы — здесь были и юноши, и

девушки, почтительно склонили головы, пряча в уголках рта усмешки.

Хоккайда улыбнулась открыто и

как-то по-дружески.

— Прежде, чем ты пройдёшь в

ритуальный зал и тобой завладеет

верховная жрица Хонсю, мы хотели

бы поблагодарить тебя за то, что

спасла кицунэ этих земель от

ужасной участи.

— Да чего там, — махнула я

рукой, — не за что. Уверена, что для

меня каждый из вас поступил бы так.

И хоть ответила я, как

полагается, что называется, только из вежливости, по серьезным глазам кицунэ поняла — они бы сделали для меня тоже самое. Для меня и любого из драконов.

— Драконы и лисы всегда шли бок о бок, — подтвердила мои слова Хоккайда. — А теперь иди, принцесса Таши. И закончи ритуал.

Тепло попрощавшись с кицунэ, я обняла Хоккайду (ну вот слов нет, как скучаю по Ариэльке!), и та прошептала на ухо:

— Мы еще встретимся! В Альма-матер.

Часто моргая, я последовала по коридору.

Вскоре вошла в помещение

невероятных размеров, что даже потолка не видно, только приглушенный свет, с круглым бассейном, с колоннами и фонтанами, с несколькими столпами в центре.

Незаметно рядом оказалась кицунэ с черными прямыми волосами, тоже в ритуальных одеждах. Но у этой струящееся кимоно было золотом отделано, и на щеках золотые иероглифы, и я поняла, что вижу ту самую верховную жрицу Хонсю, о которой предупредила Хоккайда.

— Приветствую, дитя, — сказал Хонсю, сдержанно улыбаясь. — Ты готова к ритуалу?

Я зябко поежилась и настороженно проговорила:

— Да вроде готова... А что для этого нужно?

Жрица снова улыбнулась, на этот раз широко.

— В твоём случае, только присутствие. Освободив кицунэ и уничтожив инсекта, ты прошла испытание, ниспосланное Инари. Хоккайда предупреждала тебя, что кицунэ не будут чинить препятствий.

Что на такое скажешь?

— Спасибочки, — говорю. И вот понимаю, что веду себя глупо, что нужно поблагодарить эту самую Хонсю, как следует, заверить там, в своей вечной преданности и

благодарности, или как у них тут принято... Умом понимаю, а не могу. Просто обстановка такая величественная, в которой себя не то, что муравьем, пылинкой чувствуешь, и вся эта ситуация с инициацией... на нерве я, да.

— Для того, чтобы завершить ритуал в Святилище Инари, — как ни в чем не бывало продолжала Хонсю, словно не заметив, как я мямлю, — Тебе следует собрать огонь восьми свечей и вознести его к столпу Матери Инари. После этого магия драконов перенесет тебя в храм ветра, на самую вершину горы.

Что ж, звучит не так и страшно. Надо собрать, значит, надо.

Хонсю протянула мне какой-то странный горшочек, круглый, прозрачно-зеленоватый, словно выполненный из странной разновидности нефрита, практически прозрачного.

Я заглянула в горшочек — на дне небольшое черное углубление. И все. И как сюда огонь восьми свечей собрать?

— Приступай, дитя, — сказала жрица и на первую свечу мне указала.

— Эм, — вырвалось у меня.

Потому что свеча, на которую жрица указала, в бассейне находилась, что удивительно, прямо под фонтаном, чьи струи освещала

мягким зеленоватым светом, а бассейн кругом центральный столп огибал.

Я не успела спросить, как огонь из-под фонтана доставать, и тем более дальше нести, кстати, вплавь, до следующего фонтана, розового, и так далее, как жрица, посчитав, видимо, свой долг выполненным, успела от меня отойти и занять место на возвышении. Причем замерла, ни дать, ни взять, статуя, с таким гордым видом, что подойти я постеснялась. Если все до меня знали, как этот самый огонь собирать, небось и я соображу.

— А не соображу, так оплыву центральный столп, вернусь с

пустым горшком, небось, и они сообразят, что инструкции не полные дали, — пробормотала я под нос.

С этими словами я приблизилась к бортику бассейна. И вот как сюда лезть? Раздеваться? Разуваться? Наверно, одежду все же снимать не стоит, решила я. Святилище, как-никак. Еще скажут, что такой распутной драконицы эти стены еще не видывали... Судя по тому, что Исам с Кеншином сделали выводы о моей невинности судя по дресс-коду в клубе, встречают здесь по одежке.

— Ты бы лучше волновалась, как тебя провожать будут, Ташенька, — пробормотала я под нос, и, вздохнув,

принялась расшнуровывать кроссы. Одежду решила оставить, а вот обувь все же лучше, наверное, снять.

Скромненько оставив кроссы у бортика, я залезла в бассейн. Вода оказалась прохладной, но это на контрасте. Подхватив нефритовый горшочек с бортика, я поплыла в указанном направлении. Скользнув под фонтан, недоуменно уставилась на свечу. Она была большая, плавающая и находилась в прозрачной чаше. Пламя было зеленоватым.

— Как же тебя собирать-то, — пробормотала я, обращаясь к пламени, и в тот же миг от него отскочила крохотная зеленоватая

искра, и, описав дугу в воздухе, перенеслась в мой горшочек.

С черного углубления мне весело подмигнул зеленоватый огонек.

— Ф-фух, — выдохнула я и пробормотала: — Смотри, не затухни.

Огонек снова подмигнул, на этот раз воодушевляюще.

Таким же образом были собраны остальные огоньки. Желтый, голубой, розовый, красный, синий, фиолетовый и белый.

К концу моего увлекательного заплыва в горшочке полыхало красивое семицветное пламя (белый огонек терялся на фоне остальных).

Оплывая центральный столп, я видела, что из бассейна к его подножию ведут ступеньки, чем и воспользовалась.

— Ну, теперь поднести семицветное пламя Инари, и меня перенесет на макушку горы, — пробормотала я. — Главное, чтобы там в мокрых шмотках не продуло...

Но стоило почти выйти из воды (по колено примерно), как я застыла с открытым ртом.

Потому что из-за столпа вышел... мастер Горо.

— Здравствуй, Таса-сан, — поприветствовал меня японец.

— Здравствуйте, сэнсэй...

Поспешно поставила горшочек

рядом на бортик и сложила руки перед грудью в приветствии, намастэ.

— А что вы здесь делаете? — вырвалось у меня.

Японец (или все же правильно говорить — кицунэ?) хитро улыбнулся.

— Как сьто? — переспросил он. — Зьду свою утенитсу дря рисаюсиго поедзинка!

Я поежилась.

— Какого еще поединка, сэнсэй? — осторожно возмутилась я.

— У тсися сьто-то со срухом, Таса-сан? — деланно изумился мастер Горо. — Говорю дзе, рисаюсиго!

— Решающего, — на автомате повторила за ним. — А как же обещание Хоккайды, что Кицунэ не будут чинить препятствий?

Мастер пожал плечами.

— Тибе нукуто и не тинит пурепятствий, Таса-сан, — проговорил он. — Пуросто ты задолдзала мне посъреднее занятие, там, в том мире. Не хоросо натинать новую дзизнь, будути кому-то долдзной. Поэтому...

И мастер занял боевую позу.

Внутри все привычно сжалось. А потом, так же привычно адреналин выделился.

«Я же в мокрых джинсах», — успело промелькнуть в голове и я на

сухое кимоно мастера Горо с тоской посмотрела.

— Давай, Таса-сан, — сказал сэнсэй и рукой меня поманил. — Замердзнес!

Второй раз атаковать японец обычно не предлагает. Атакует сам.

И поэтому я подпрыгнула, разворачиваясь в воздухе.

Сэнсэй ожидаемо ушел от удара, но и меня на достал. Ногу я успела поджать раньше, чем он дотянулся.

Я снова атаковала, и мастер Горо прокатился по полу, так что задеть его не удалось.

В следующий миг кататься по полу была моя очередь. Из-под руки сэнсэя ушла в последнюю мили-

секунду.

Отрывисто перевела дыхание и прыгнула снова.

Японец намеренно остался на месте, хотя я понимала — запросто мог уйти.

Вместо этого он поставил блок и я взвыла, расшибив голень.

Сэнсэй поймал за руку, но выкрутить не успел. Ударила ногой, и, прокатившись по полу, чуть не соскользнула в бассейн.

Чудом осталась на ногах, на самом краю бортика, и, когда мастер Горо ринулся вперед, подпрыгнув, пролетела над ним.

Попалась на ту же ошибку, что совершила в прошлый раз.

Меня схватили за ногу и крутанули в воздухе.

Чудом оказалась на свободе и приземлилась сразу на обе ноги.

Маневр вышел красивым, но, увы, занял время.

Поэтому в следующий миг получила удар под ребра, а затем в плечо.

Ушла от очереди коротких, но действенных ударов, и, пока мастер прицеливался, куда ударить еще, нанесла удар сама.

И попала! Я впервые достала мастера Горо!

Само осознание этого чуть не заставило вопить от радости!

И завопила. В следующий миг.

От боли.

А затем мир смазался.

Удары, блоки, падения, прыжки, все стало таким быстрым, словно утратило границы и вышло из-под контроля времени.

А потом пришла в себя. Лежа на животе, прямо на светящемся нефритовом полу, с заломленной за спину рукой.

— Дежаву, — выплюнули губы.

А перед носом закачался старинный секундомер.

— Сьто ты говорис, Таса-сан? — раздался сверху голос мастера Горо. — Ты лутьсе посмотри: двадцать три секунды. Кажется, ты по тють-тють утисся сдерживать

свою ярость. Позалуй, я могу гордиться тобой.

— Ну сэнсэй, ну к чему этот акцент, — проныла я. — Ведь я уже давно знаю, что вы никакой не японец, а кицунэ.

В следующий момент взвизгнула, потому что заломанную руку безжалостно сдвинули на сантиметр.

— Спасибо за науку, сэнсэй! — тут же исправилась я.

Меня отпустили. И даже подали нефритовый горшочек с семицветным пламенем. А потом церемонно поклонились, пожелали успехов и поменьше «сувать свой нос не в сувае дело».

Стоило мне поставить сияющий изнутри горшочек в выемку у подножия столпа, как вокруг поднялся такой вихрь, что пришлось зажмуриться, а меня оторвало от пола и потащило вверх.

Когда вновь оказалась стоящей на твердом, пожалела, что сняла кроссы, прежде чем залезть в бассейн. Потому что мрамор пола был холодным. Одежда на мне, что майка, что джинсы, были сухими, надо думать, спасибо мастеру Гору и вихрю, который поднял сюда.

Я огляделась.

Храм, что издалека и в моих грезах выглядел манящим и притягательным, изнутри оказался

просто ослепительным.

Нет, дело не в богатстве убранства, не в золоченых иероглифах и узорах... Тут, скорее, архитектуру постройки можно было назвать аскетичной. Четкие прямые линии. Аккуратно скругленные углы. Колонны. Оттенки красного и золотого. Просто все это было каким-то до боли родным, и вот это чувство очаровывало и манило. Захотелось совершить какое-то действие, которое показало бы мое почтение к этому месту, как-то выразить свое уважение и трепет... Я оглянулась.

Ни одной статуи, ни одного изваяния или фрески.

— Ведь это храм самого ветра, — пробормотала я. — Как можно изобразить ветер?

Словно в подтверждение моей догадки порывы ветра засвистели в ушах. И вопреки всему в этом не было дискомфорта.

Я вспомнила, что издалека храм выглядел ступенчатым. И поскольку надо мной не было крыши, поняла, что нахожусь на самом последнем этаже. Или, скорее, на крыше.

А еще здесь местами не было стен, только колонны, и потому возникало ощущение, что храм парит в воздухе.

— Настоящий храм ветра, — вырвалось у меня.

Вспомнилось, что служители этого храма — драконы. Очень захотелось взглянуть на них, на кого-то еще, кроме Исама и Кеншина, ведь кроме них драконов я не видела.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что одна, я пошла искать хоть кого-то, кто устроит, мне, наконец, последнее испытание перед инициацией.

Через какое-то время, судя по встречающимся на пути колоннам и узким стенам, поняла, что хожу по кругу. Тогда развернулась на девяноста градусов и пошла, по моему разумению, вглубь храма.

Через какое-то время подошла к невысоким, до середины бедра,

перилам.

Оперевшись руками, посмотрела вниз.

Мамочки! Голова кругом! В прямом смысле голова кругом, потому что...

Передо мной была пропасть.

То есть это был огромный круглый колодец, в него запросто проскочит здание детского сада, к примеру.

Круглый, огороженный перилами, скрывающий в глубине что-то знакомое, даже родное, колодец!

Как я сделала вывод насчет знакомого и родного? Все очень просто: мне захотелось туда

прыгнуть. Сигануть. И это учитывая, что я ни разу не была замечена в эмо-
движении, я имею ввиду ни разу не
знаю, что такое депрессия и
суицидальные мысли. А тут прямо
сигануть захотелось.

Сглотнула, отпрянула.

Потому что, как говорится,
чудные желания чудными
желаниями, а ведь и с головой
дружить надо.

Рывком развернулась... И
замерла.

Передо мной стояли,
отвратительно ухмыляясь... Гадаев,
Ушлов и Попов.

И вот нехорошо-нехорошо так
они на меня смотрят, и, не спеша,

приближаются.

Я сглотнула. Оглянулась назад — пропасть.

И дурь всякая вроде той, что сама секунду назад спрыгнуть хотела, тотчас же голову покинула. Потому что передо мной — Гадаев, Попов и Ушлов!

А позади меня — пропасть!

И страшно! Страшно до боли, до паники, до остановки сердца!

А потом еле-еле слышный звон над ухом... И перед мысленным взором фея встала. Голубенькая... и, как всегда, сердитая очень.

И как-то сразу вспомнилось, что драконы предупреждали, что на вершине горы, в храме ветра

предстоит встреча со своими демонами...

Сглотнула.

Посмотрела на троицу эту. На каждого. Глаза в глаза.

Что ж.

Если кого на роль демонов выбирать — то никого лучше этих придумать невозможно, — мелькнуло в мыслях.

И я сделала шаг навстречу.

А потом прошла сквозь них.

А пространство полыхнуло, заискрилось радугой!

И в следующий миг, как глаза открыла, увидела драконов.

Это точно драконы были.

Огромные, сильные,

величественные, с хищными лицами, в длинных переливающихся одеждах.

Всего семь или восемь... а может, десять, точно сосчитать не получилось.

Потому что со мной заговорили.

— Встретившись со своими страхами лицом к лицу, ты не отступила, принцесса Таши Кинриу, — сказал беловолосый дракон. Чем-то на Исама похож, но сходство такое отдаленное. Скорее общие для расы черты...

Я ответить не успела, когда заговорил другой. С ярко-красными, почти огненными волосами.

— Ты даже не оглянулась, принцесса Таши Кинриу. А ведь они

могли ударить в спину.

Сглотнула. А потом послушно оглянулась. За спиной — все те же низкие перила. А троица утырков отсутствует. Пожала плечами.

— Мне нет до них никакого дела, — вырвалось у меня, когда обернулась к драконам.

— Это правильный ответ, — сказал третий дракон, темноволосый, той же расы, что Кеншин. — Демонов нельзя не замечать, они есть у каждого. Но вот реагировать ли на них повторно — каждый раз твой выбор.

Кивнула, не зная, как реагировать на этих самых драконов. Руки, что ли в намастэ сложить? Или

это только с мастером Горо работает, а у драконов какое-то другое приветствие, то есть знак почтения? Но, по счастью, отвечать от меня и не требовалось. Потому что заговорил четвертый дракон. Самый высокий, с голубоватыми волосами, острыми скулами и пронзительными зелеными глазами.

— Демоны — не то, что вредит тебе. Они не способны причинить вред, потому что являются проекциями твоего ума.

Опять кивнула. Ума, да, проекции. Но все ж таки реальными выглядели. И страшно было по-настоящему. Если бы не вспомнила о том, что предстоит встреча с

демонами, ни в жизнь бы не решилась вперед шагнуть... Полетела бы в пропасть, как миленькая...

И тут заговорил пятый дракон. Скуластый, с квадратной челюстью, резкими чертами лица и желтыми глазами.

— Но то, что тебя пугает — и есть твой самый главный враг, Таши, — важно произнес он.

— Ты доказала, что умеешь встречать врага лицом к лицу, и в то же время не идешь у него на поводу, — сказал тот, что говорил первым. — Ты достойна.

Прежде, чем я успела что-то сказать, поблагодарить хотя бы, как снова заговорил голубоволосый.

— У тебя редкий дар, принцесса Таши Кинриу. Ты юна, но в то же время твое сердце полно сострадания. Не теряй этот дар. Он — истинная драгоценность.

Я пожала плечами. Я вообще мало соображала, что происходит. На адреналине оно всегда так... А у меня в последнее время жизнь — сплошные американские горки. И что-то подсказывает, что все только начинается.

А драконы продолжали.

— Если когда-то захочешь стать хранителем в храме ветра, знай, наши двери всегда открыты для тебя, — произнес красноволосый.

Хранителем? Они серьезно? Я в

шаге от того, чтобы стать драконом. Драконом! И они думают, что я променяю это вот все на возможность стоять тут, обдуваемая всеми ветрами (пусть и в очень красивых одеждах) и вот... экзаменовать молодых драконов?

Губы красноволосого дракона тронула усмешка.

— Подожди, принцесса, не спеши... С выводами и с решением. Поживи хотя бы тысячу лет...

Сколько?! Теперь я смотрела на них, выпучив глаза. Это что, и я спустя тысячу лет такая же молодая-красивая-модная буду? Или только хранители так умеют? Надо бы спросить, сколько живут драконы...

Поток моих недостойных
мыслей прервал беловолосый
дракон.

— Ты прошла последнее
испытание, принцесса Таши Кинриу.

С этими словами дракон
столкнул меня в пропасть.

И я понеслась вниз!

С самым, надо думать,
позорным визгом за всю свою
недолгую жизнь!

Потому что одно — стоять и
философствовать с хранителями на
тему демонов и страхов, а совсем
другое — падать!

Когда под тобой — пропасть,
зацепиться — не за что, летишь,
летишь, ускоряясь и думаешь только

об одном — чтобы там внизу не было, хоть водная гладь, хоть перина, разобьюсь, разлечусь брызгами!

Я переворачивалась, пыталась сгруппироваться, поджать онемевшие конечности. Конечности не слушались, словно более не принадлежали мне. Да я сама себе не принадлежала. Больше. И это было просто жуть как страшно!

А потом, с размаху, я погрузилась под воду!

Сначала не поняла, почему падение так замедлилось, и воздух перестал свистеть в ушах, а я, вроде как, оглохла, а потом, барахтаясь, поняла, что я под водой!

Час от часу не легче!

Только что чуть с ума не сошла от страха, думая, что разобьюсь, теперь, что захлебнусь!

И тут я вспомнила, что драконы говорили, что последнее испытание, собственно, сама инициация меня ждет в озере Риу, священном озере Драконов!

И в тот же миг расслабилась.

И барахтаться перестала.

Потому что, во-первых, поняла, что все идет своим чередом, а значит, паниковать бессмысленно, а во-вторых, как-то уже бояться надоело.

— Здравствуй, Таши Кинриу, — раздался голос.

Спокойный, величественный, он звучал одновременно снаружи и в голове. И я поняла, что со мной говорит озеро.

— Здравствуй, озеро, — ответила я, удивляясь про себя, что до сих пор не требуется воздух.

Послышался тихий, журчащий смех. А потом озеро сказало:

— Ты забавная. Я радо, что ты пришла. Надоело инициировать мужчин. Они все воспринимают слишком серьезно и ответственно.

— Серьезно и ответственно? — переспросила я. — Это ты явно не про моих спутников. Вот у кого чувства юмора, обхохотаться. Всю дорогу меня веселили.

Озеро снова засмеялось.

— Значит, не злишься на Кеншина за то, что хотел оставить тебя без дракона? — как-то с подвохом спросило озеро.

Я беспечно махнула рукой.

— Не оставил же.

— Ты забавная, — повторило озеро.

— Спасибо, — решила счесть это за комплимент я.

— Значит, хочешь обрести дракона? — спросило озеро.

— Если честно, раньше как-то не задумывалась об этом, — доверительно сообщила я, снова рассмешив озеро. — Но раз уж я здесь и меня уронили в... в тебя, то,

да, хотелось бы. Пожалуйста. Будь любезно.

На этот раз озеро смеялось дольше. А потом резко сделалось серьезным. Я почувствовала это каждой клеточкой кожи, по которой пробежал холодок.

— Так тому и быть, принцесса Таши Кинриу, — сказало озеро. — Приготовься.

«К чему?» — хотела спросить я, но не успела.

Потому что мир взорвался болью!

Боль была дикая, неистовая, всепоглощающая!

Она лишала разума, заставляла молить о смерти, о чем угодно, лишь

бы она закончилась!

Я сгорала заживо, меня выворачивало наизнанку, разрывало на части, пересыпало рваные раны, что сплошь покрывали тело, солью!

Я билась в агонии, хрипела, не видя и не слыша ничего.

В какой-то момент поняла, что боль не прекращается и никогда не прекратится. И вместе с тем она не становилась сильнее.

И я поняла, что дошла до предела боли.

Стоило этому пониманию проникнуть в сознание, укорениться в нем, как боль стала отступать. Дюйм за дюймом, шаг за шагом, секунда, которая казалась вечностью,

за секундой...

А через какое-то время над святилищем ветра, над священной горой драконов, над храмом Такэхая Сусаноо-но Микото, в небеса взмыла золотая драконица!

Солнце отражалось от моей чешуи и играло мириадами бликов! Ветер приветствовал меня, кружил, переворачивал и качал в гигантских воздушных качелях! Мой рев пронзал небеса насквозь, и небо осыпалось вниз тысячами прозрачных осколков! Выше и выше, я ввинчивалась в хрустальную синеву неба, приветствуя его, приветствуя этот мир, приветствуя свое рождение.

Я парила высоко-высоко, в

пронзительной синеве, я полностью доверилась ветру, переворачиваясь в воздухе, делая редкие взмахи сверкающими золотыми крыльями, съезжая с гигантских воздушных горок...

Я победно редела от счастья, от восторга, от невероятного блаженства чувствовать небо, быть им, быть самим ветром, самой стихией!

Осознание собственной победы, собственного рождения пьянило, кружило мысли бешеным хороводом и пронзало тело тысячей огненных стрел.

И в этот миг, откуда-то снизу, с далекой зеленой земли, ко мне

навстречу, в небеса взмыли два дракона!

Темный, почти черный, сверкающий багровыми чешуйками и... ледяной! Серебристый, легкий, как воздух, как ветер... и такой же манящий...

Мы кружились в небесах в каком-то диком, неистовом и невероятно красивом танце, а я смотрела в пронзительно синие глаза и понимала одно: я нашла свою истинную пару.

Где-то там, на далекой земле, где мысли, чувства, эмоции, все было так запутано, замешано с условностями, какими-то странными интригами и предписаниями... Там

все было сложно. А здесь... В хрустальной синеве небес все было явно и светло, все было просто и ясно.

Я, золотая драконица Таши Кинриу, выбрала ледяного дракона Ичиро Исами, а он... А он выбрал меня. Ни одно решение, ни одно осознание не давалось мне так просто.

Мы сделали круг над горой и устремились прочь.

Я летела посередине, а мои могучие защитники по сторонам.

Они знали дорогу, и, когда я прислушалась к себе, поняла, что и я ее знаю. Дорогу домой.

В Огненный дракарат, в земли

клана Золотых драконов.

Я не знала, что меня ждет там, я вообще мало, что знала сейчас. Кроме одного.

Я летела домой.